

ШЕДЕВРЫ ФЭНТЕЗИ

ЗЛОБА

ДЖОН ГВИНН

Шедевры фэнтези

Джон Гвинн

Злоба

«Издательство АСТ»

2012

УДК 821.111
ББК 84 (4Вел)

Гвинн Д.

Злоба / Д. Гвинн — «Издательство АСТ», 2012 — (Шедевры фэнтези)

ISBN 978-5-17-112047-4

Земли Изгнанников помнят о своем жестоком прошлом, когда армии людей и великанов сражались не на жизнь, а на смерть, и трава чернела от крови. Но те времена прошли, между несколькими королевствами установился хрупкий мир, а на смену легендам пришли новые герои. Корбан хочет стать воином под командованием Бренина, короля Ардана, — и ничего больше, он жаждет лишь служить и защищать. Он еще не знает, что его мечты сбудутся слишком быстро и заплатить за них придется кровью. Эвнис, советник Бренина, всегда жаждал безграничной власти и ради нее принес немыслимые жертвы. Теперь, когда его цель так близка, он не остановится ни перед чем и уберет любого со своего пути. Верадис, один из самых искусных мечников в своей семье, приезжает ко двору Аквилуса, короля Тенебрала, и сразу попадает в отряд его сына, принца Натаира, но несмотря на все свои умения и храбрость, так и не может выйти из тени своего брата. А у самого Натаира полно идей по управлению государством, вот только их исполнению мешает его собственный отец. Никто из героев не подозревает, что Земли Изгнанников так и не оправились от былых войн. И уже камни плачут кровью, великаны набирают силу, а на свет появляются чудовища. Вскоре всем планам придет конец, ведь людям предстоит столкнуться с опасностью, по сравнению с которой меркнут все монстры из древних сказаний.

УДК 821.111
ББК 84 (4Вел)

ISBN 978-5-17-112047-4

© Гвинн Д., 2012

© Издательство АСТ, 2012

Содержание

Благодарственное слово	7
Пролог. Эвнис	8
Отрывок	11
Глава 1. Корбан	13
Глава 2. Верадис	20
Глава 3. Корбан	27
Глава 4. Эвнис	33
Глава 5. Корбан	35
Глава 6. Верадис	41
Глава 7. Кивэн	47
Глава 8. Кастелл	53
Глава 9. Корбан	58
Глава 10. Кастелл	64
Глава 11. Корбан	70
Глава 12. Верадис	74
Глава 13. Корбан	80
Глава 14. Эвнис	84
Глава 15. Корбан	88
Глава 16. Кэмлин	92
Глава 17. Корбан	96
Глава 18. Верадис	98
Глава 19. Кивэн	105
Глава 20. Верадис	110
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Джон Гвинн

Злоба

John Gwynne
Malice

Copyright © John Gwynne 2012
© Сергей Сергеев, перевод, 2021
© Валерий Петелин, иллюстрация, 2021
© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

*Эта книга посвящается моим детям – Харриет, Джеймсу,
Эдварду и Уильяму – и, конечно же, моей жене Кэролайн, без которой все
мои труды ничего бы не стоили*

Благодарственное слово

На пути создания этой книги у меня было немало помощников. Во-первых, я должен поблагодарить Пола Истеда, чье одобрение придавало мне сил в жизненно важные моменты.

Также я хотел бы поблагодарить всех, кто выделил время для прочтения этих строк, хотя я уверен, что у вас были дела куда важнее. Эдвард Гвинн, Марк Бретт, Дэйв Дин, Ирен Гвинн, Майк Хауэлл, Алекс Харрисон, Мэнди Джеффри, Пит Кемп-Таккер и моя замечательная жена Кэролайн: если бы не вы, то я так и не сподобился бы написать ни строчки.

Благодарности заслуживает и Джон Джеррольд, мой непревзойденный агент, за свои наставления и веру в мои силы. Он – настоящий джентльмен и знаток языка, с которым я имею честь быть знакомым. Также я бы хотел поблагодарить Джули Крисп и Беллу Паган – моих редакторов в издательстве «Тор». Их мастерство в наведении лоска на текст достойно всяческого уважения.

Также хочу поблагодарить моего приятеля Энди Кэмпбелла за серию забавных фотографий, ласково прозванную «Фотосессией черной гадюки».

И, конечно, вопрос моему старому другу Садаку. Ну хоть теперь-то ты прочтешь эту книгу?

*Но кто ж иной, как зачинатель Зла,
Столь темные дела измыслить мог.*

Джон Милтон. Потерянный рай¹

¹ Перевод А. Штейнберга

Пролог. Эвнис

Год 1122, век Изгнанников. Волчья луна

Под ногами у Эвниса хрустнуло что-то в лесном опаде. Юноша тихо выругался, и из его уст вырвалось облачко пара. Во рту у него пересохло.

Он был напуган, да, но кто бы на его месте не был? После того, что Эвнис совершит сегодня под покровом ночи, он станет предателем короны. И даже хуже.

Молодой человек остановился и посмотрел назад. За пределами леса виднелся каменный круг, а за ним стены Бадана, его родного города: контуры зданий, очерченные серебром лунного света. Сейчас можно было бы вернуться, выбрать другой жизненный путь. На мгновение голова у Эвниса закружилась, как будто бы он стоял на краю бездонной пропасти. Мир вокруг него словно остановился, ожидая решения юноши.

«Я так далеко зашел, – подумал он. – Теперь если идти – то лишь до конца».

Эвнис посмотрел на лес, что выглядел как стена непроглядной тьмы, поплотнее укутался в накидку и двинулся под покров деревьев.

Какое-то время он шел по великаньему тракту. Выложенная плитами дорога соединяла два королевства – Ардан и Нарвон. Она была заброшенной: клан великанов, что ее построил, исчез тысячу лет назад, а сквозь трещины в камнях пробивался мох и росли грибы.

Даже во тьме Эвнис чувствовал себя чересчур уязвимым на этой широкой дороге. Вскоре он соскользнул по крутой насыпи вниз и скрылся в лесной гуще. Юноша с трудом прокладывал путь по склонам и лощинам, а над его головой скрежетали ветви деревьев да где-то вверху, меж кронами, гудел ветер. Эвнис понимал, куда идет, – он ходил по этой тропе бесчисленное количество раз, – но еще никогда не делал этого ночью. В свои девятнадцать лет он знал эту часть Темнолесья так же хорошо, как и любой лесоруб в два раза старше его.

Вскоре Эвнис увидел отблеск огня меж деревьев. Сделал еще пару шагов вперед и остановился. Он стоял, укутанный сумраком леса, невидимый для любого, кто мог сидеть возле костра, боясь покинуть убежище и объявить о своем присутствии.

«Развернись и иди домой, – прошептал голос в его голове. – Ты – ничто и никогда не будешь ровней своему брату».

Так сказала его мать перед смертью. Ее слова и сейчас звучали все так же холодно, как в тот памятный день, до сих пор причиняя боль. Скрипя зубами, Эвнис сделал шаг вперед – и его лицо озарил свет костра.

Над огнем на перекладине висел котел с кипящей водой. Рядом стояла фигура в плаще, лицо ее скрывал капюшон.

– Приветствую, – произнес женский голос. Фигура откинула капюшон – и взору юноши предстала женщина, седые пряди волос которой блестели, как медь в свете костра.

– Миледи, – приветствовал Эвнис Рин, королеву Кэмбрена. У молодого человека перехватило дыхание от ее красоты.

Она улыбнулась, и вокруг ее глаз появились морщинки. Женщина протянула юноше руку.

Эвнис неуверенно сделал шаг вперед и поцеловал ее кольцо, от камня на котором веяло холодом. Женщина пахла сладко, дурманяще, как перезрелый фрукт.

– Еще не поздно. Ты все еще можешь вернуться, – сказала она. Палец с кольцом коснулся подбородка юноши, и Эвнису пришлось склонить голову. Они стояли так близко друг к другу, что он ощущал на своем лице теплое дыхание. А еще – запах вина.

Эвнис через силу сделал вдох.

– Нет. Дома меня ничего не ждет. Сейчас мне представляется возможность...

Перед глазами встало лицо брата – улыбающееся, подавляющее волю, стремящееся подчинить себе. Затем этот образ сменило вечно недовольное лицо матери: оно глядело осуждающе, унижающе.

– ...показать себя. Гетин собирается женить меня на дочери, как мне кажется, беднейшего барона во всем Ардане.

– Она хороша собой? – спросила Рин улыбаясь, но в ее голосе слышалась резкость.

– Я видел ее всего раз. Нет, я не помню, как она выглядит. – Он взглянул на котел. – Я должен это сделать. Пожалуйста.

– А что ты мне дашь взамен?

– Все королевство Ардан. Я буду править им и поклоняться вам, моя верховная королева.

Рин улыбнулась, сверкнув зубами:

– Мне нравится ход твоих мыслей. Но дело не только в Ардане. Далеко не только в нем. Это Война Богов. Азрот снова обретет плоть.

– Знаю, – прошептал Эвнис. Юноша буквально чувствовал переполняющий его страх. Он сочился с его языка, сдавливал ему горло. Но в то же время наполнял молодого человека ощущением радостного возбуждения.

– Боишься? – спросила Рин не сводя с него глаз.

– Да. Но я готов идти до конца. Я знаю цену.

– Хорошо. Тогда идем.

Она подняла руку и щелкнула пальцами.

Из тени деревьев на свет вышла массивная фигура. Великан. Он был в полтора раза выше взрослого мужчины, лицо бледное, заостренное, под широкими бровями блестели маленькие черные глаза. Длинные черные усы, в которые были вплетены полоски кожи, доходили ему до груди. Могучую руку обвивала, скрываясь под рукавом кольчуги, татуировка в виде толстого колючего стебля. Туловище покрывало одеяние из кожи и меха. В руках у великана был человек, которого он нес легко и непринужденно, как ребенка.

– Это Утас из клана Беноти, – молвила Рин, махнув рукой в сторону великана. – Когда-то давным-давно он мне помог. И сейчас он с нами заодно.

Великан подошел к котлу и бросил тело на землю. Фигура издала приглушенный стон и слабо зашевелилась.

– Помоги ему подняться, Утас.

Великан нагнулся, схватил мужчину, лежащего на земле, за волосы и поднял на ноги. Лицо пленника, все в синяках, опухло. Щеки и губы покрывала корка запекшейся крови. Одежда на нем была разодрана и свисала лохмотьями с плеч, но Эвнис все равно мог различить на остатках кожного доспеха герб Ардана с изображением волка.

Мужчина пытался что-то сказать: его разбитые губы шевелились; с уголка рта свисала слюна. Рин, не говоря ни слова, вынула из-за пояса нож и перерезала ему горло. Из раны хлынула темная кровь, и тело пленника обмякло в руках похитителя. Великан немного наклонил его, чтобы кровь стекала в котел.

Эвниса мучительно тянуло сдать назад. Просто развернуться и убежать. Рин тем временем тихим гортанным голосом читала заклинание. Над котлом спиралью взвилась струйка дыма. Юноша слегка подался вперед – он не мог отвести глаз от происходящего. В дыму появилась фигура. Она извивалась и корчилась. В нос юноше ударил запах чего-то давным-давно погибшего, мертвенного, гнилого. Его чуть не вырвало, но он продолжал всматриваться в дым, среди клубов загорелись две узкие щелки – глаза, вокруг которых постепенно обретал форму изнуренный старческий лик. Он то становился благородным и мудрым, то вдруг делался скорбным и морщинистым, то неожиданно менялся на гордый и суровый. Эвнис моргнул – и на мгновение в лике проступили ящероподобные черты, а в витках дыма развернулись широкие кожистые крылья. Юноша вздрогнул.

– Азрот, – прошептала Рин, падая на колени.

– Чего желаешь? – прошипел голос.

Эвнис сглотнул – во рту у него пересохло.

«Я должен взять то, что положено мне по праву, выйти из тени брата. Дойти до конца».

– Власти, – просипел юноша. Затем он вдохнул побольше воздуха и произнес громче. – Власти. Я желаю властвовать. Над братом – и надо всем Арданом.

Раздался смех. Сперва низкий и тихий звук постепенно становился все громче, заполняя собой открытое пространство меж деревьев. Затем наступила тишина, плотная и тяжелая, как паутина, опутывающая деревья.

– Ты ее получишь, – произнесла фигура.

На лбу у Эвниса выступила испарина.

– Но чего ты хочешь взамен? Какова твоя цена?

– Моя цена – это ты, – сказала вихрящаяся фигура, одним лишь взглядом пригвоздив юношу к месту. – Я хочу тебя.

Губы древнего лика дрогнули в еле заметной улыбке.

– Да будет так, – ответил Эвнис.

– Скрепи свое обещание кровью, – оскалился старческий лик.

Рин протянула юноше нож.

«Дойти до конца. Дойти до конца. Дойти до конца», – повторял про себя Эвнис.

Он крепко сжал зубы, взял нож в одну ладонь, мокрую от пота, и быстро провел лезвием по другой. Сжав пальцы в кулак, сделал шаг вперед и протянул руку над железным котлом. Кровь стекала прямо туда и тут же начинала кипеть. Что-то со всей силы ударило юноше в грудь, но как будто прошло сквозь него. У Эвниса перехватило дыхание, и он упал на колени, ловя ртом воздух.

Внезапно в его голове раздался голос, а все тело охватила нестерпимая боль.

Он закричал.

– Готово, – сказал голос.

Отрывок из писаний Галвора

Сия рукопись обнаружена в 1138 году века Изгнанников под руинами крепости Драссиль спустя более чем две тысячи лет после ее написания.

Рушится мир.

Война Богов изменила все. Многое извратили и уничтожили козни Азрота и гнев Элиона. Исчез человеческий род – часть его была истреблена, часть бежала, – и нас теперь осталось очень мало. Мы, великаны, или Расколотые, – когда-то единый клан, теперь разрушенный раздорами до самого своего основания.

Тысячу лет прожил я, Галвор, Голос Короля. Но теперь великий Скальд мертв, его народ утратил былое единство. Я не стану жить еще тысячу лет. Я оплакиваю прошлое. Я помню и скорблю.

Голосом Короля служу я и поныне, но не ведаю, услышит ли меня кто-нибудь. Однако если я не сообщу, не напишу об этих событиях, то для последующих поколений не останется ничего. Все, что произошло, забудется. Потому я и веду эту летопись...

Когда упал с небес звездный камень, надо было нам прислушаться к людям и отвернуться от него наши взоры. Но его сила пленила нас, манила нас. Таков и был замысел Азрота.

Был тот Азрот первенцем, любимцем Элиона, предводителем Бен-Элимов, сиречь Сынов Всемогущего. Но этого ему, великому обманщику, было мало. Посеял он семена злобы и оплел ряды Бен-Элимов паутиной лжи, и выросло вокруг него новое воинство – Кадошшмы, сиречь Независимые.

Все видел Элион, но не поднялась у Него рука на любимого первенца, и началась в Изнанке, обители Духов, война между Кадошшимами и Бен-Элимами. В конце концов был Азрот разгромлен и изгнан в отдаленную часть Изнанки.

Затем продолжил Элион выполнять Свой замысел творения – и создал Он тварные миры, и земля была среди них первой. Великанов же и людей создал Он как хозяев, бессмертных смотрителей за всеми прочими обитателями, и жили они в ладу и согласии со своим Творцом и со всеми его созданиями.

Азрот же нас ненавидел.

И в один бедственный день послал Азрот на землю звездный камень, огромный и наполненный силой. Неким непостижимым образом пробил тот камень дверь между миром плоти и миром духов, между землей и Изнанкой. Люди страшились неведомого предмета – великаны же поняли, как к нему подобраться, и выковали изделия чудодейственные и могущественные – великие Сокровища. Первым был котел, наделенный силой исцеления. Затем торк, который поднесли Скальду, королю великанов, в качестве подарка, и ожерелье для Немейн, его королевы.

С помощью звездного камня и подчинил Азрот землю своей злой воле, нашептывая ложь и совращая души. Первым пал Скальд: кто-то убил его и выкрал драгоценный торк. Тогда и пришла в наш мир смерть как наказание и предупреждение от Элиона. Все живое лишилось бессмертия. Затем же грянул Раскол. Вспыхнула война – великан пошел на великана – и так один клан превратился в множество. Из звездного же камня создавались новые Сокровища. На сей раз орудия войны: копье, боевой топор и кинжал. Последним появился кубок, и всем, кто из него испил, должен он был дарить силу и долгие годы жизни.

Война все разрасталась – и смерть окутала весь мир своею сетью. Вскоре втянулся в нее и человеческий род: люди давали клятвы великаным кланам в надежде захватить Сокровища

и вернуть себе бессмертие. Проливались потоки крови, и тонула в них земля, к вящей радости Азрота.

В конце концов охватил Элиона великий гнев. И решил Он покарать землю. Мы прозвали это событие Бичеванием. От края до края земли пронеслось воинство Бен-Элимов, неумолимо исполняя приказ Элиона огнем, водой и кровью. Моря кипели, горы изрыгали огонь – рушилась земля. Порешил Элион уничтожить все, что Он когда-то создал.

Когда кара почти завершилась, услышал Элион некие отзвуки, доносящиеся с Изнанки. Были те отзвуки смехом Азрота.

Понял Элион, насколько хитры оказались козни врага Его: все было подстроено ради того, дабы разгневался Элион и дал волю ярости Своей. В ужасе прекратил Он немедленно кару и тем оставил в живых малую горсть уцелевших. Велика, необъятна была скорбь Его. Ушел Он от нас, Своих созданий, в место, где живет печаль, отгородившись от всего и вся. Там и находится Он по сию пору.

Бен-Элимы и Кадошимы обитают на Изнанке, и несть их войне ни конца, ни края. Азрот и его падишие ангелы стремятся нас уничтожить, Бен-Элимы пытаются нас защитить – это дань их неугасимой любви к Элиону.

Здесь же, в тварном мире, продолжается жизнь. Кто-то пытается на пепелище отстроить заново все то, что было утеряно в войне. Если говорить обо мне, я смотрю на то, что происходит вокруг, и я преисполнен скорби. Нахожусь я в Драссиле, некогда великом городе, сердце нашего мира. Нынче он сломлен и разрушен, как и все вокруг. Даже мои сородичи – и те уходят. «Форн слишком дик и опасен, – говорят они, – а нас осталось очень мало». Бросая всё, они держат путь на север. Оставляют меня. Но я не уйду.

Я вижу сны – и в снах этих до меня доходят обрывки видений. Будто бы шепчет кто-то, пытаясь поведать какую-то тайну, но не все слова можно различить. Видится мне возможное наше грядущее. Вернется Азрот – и на сей раз во плоти. Поднимутся в последний бой Бен-Элимы. Войну Богов заново поведут их воплощения...

Я останусь и расскажу свою историю в надежде, что она послужит для кого-то уроком. Что будущее не повторит ошибок прошлого. Такова моя молитва. Но что толку молиться Богу, который покинул нас всех?..

Глава 1. Корбан

Год 1140, век Изгнанников, Нарождающаяся луна

Корбан наблюдал за пауком, что плел паутину в траве у него под ногами. Создание без усталости перебирало лапками, соединяя нитью камешек и пучок травы. Внезапно роса засияла. Корбан поднял взгляд и моргнул, увидев, что над лугом забрезжили первые лучи восходящего солнца.

Утро, когда внимание Корбана привлек паучок в траве, было серым и ничем не примечательным. Его мать тем временем была увлечена беседой со своим другом, и потому паренек посчитал: сейчас самый подходящий момент для того, чтобы присесть и получше изучить паука. Махонькое создание было куда интереснее влюбленной парочки, готовящейся к обряду переплетения рук. Даже несмотря на то, что один из них приходился кровным родственником королеве Алоне, жене короля Бренина.

«Поднимусь, как только услышу, что старый Геб начал обряд, – думал Корбан. – Или когда мама увидит, чем я занимаюсь».

– Привет, Бан, – раздался голос у него над ухом, и ему в плечо ткнулось что-то твердое. Корбан сидел на корточках, раскачиваясь на пятках, и потому от удара завалился набок в мокрую траву.

– Корбан, что ты там делаешь? – воскликнула мама. Она тут же наклонилась, подняла его на ноги и начала резкими движениями отряхивать. За ее спиной промелькнуло чье-то ухмыляющееся лицо.

– Сколько времени, думала я этим утром, – бубнила она себе под нос, нанося удар за ударом по грязной накидке, – сколько времени пройдет, прежде чем он испачкает свою новую накидку? А вот и ответ: даже солнце взойти не успеет.

– Солнце уже взошло, мам, – поправил Корбан, указывая на огненный шар, зависший над горизонтом.

– Не дерзи, – ответила она, еще сильнее колотя по накидке. – Тебе уже почти четырнадцать лет, а ты все еще не можешь пройти мимо грязной лужи и не изваляться. Не отвлекайся – церемония вот-вот начнется.

– Гвенит, – позвал ее друг. Он наклонился и что-то прошептал ей на ухо. Женщина отпустила Корбана и оглянулась.

– Огромное тебе спасибо, Дат, – буркнул Корбан, когда ухмыляющееся лицо вновь оказалось в поле его зрения.

– Да не за что, – ответил Дат. Однако тут же перестал улыбаться, когда Корбан в отместку ударил его по руке.

Мама Корбана все еще смотрела через плечо на Дун-Каррег. Древняя крепость поднималась высоко над бухтой, восседая на массивном выступе. Корбан слышал приглушенный рокот морских волн, разбивающихся об отвесные скалы. Над изрытым скальным отрогом поднималась завесь брызг.

Тем временем по извилистой дороге от ворот замка в сторону луга прокладывала путь вереница наездников. Копыта лошадей барабанили по дерну, гул от них казался далекими раскатами грома.

Во главе колонны ехал Бренин, владыка Дун-Каррега и король всего Ардана. Его торк и кольчуга сияли красным в первых лучах утреннего солнца. По одну сторону от него ехала Алона, его жена, а по другую сторону – Эдана, их дочь. Чуть позади двигались одетые в серое щитоносцы Бренина.

Колонна наездников обогнула толпу и остановилась, обдав все вокруг дождем из комков дерна. Гар, управляющий конюшен Дун-Каррега, вместе с дюжиной конюхов забрал лошадей и увел их в сторону луга, где расположился огромный загон. Среди конюхов Корбан увидел свою сестру Кивэн, чьи темные волосы развевались на ветру. Она улыбалась так, будто сегодня были ее именины, и, глядя на нее, Корбан тоже не сдержал улыбку.

Бренин с королевой возглавляли процессию, Эдана шла следом за ними. Наконечники копий их щитоносцев горели алым пламенем в лучах восходящего солнца.

Геб, хранитель знаний, воздел руки к небу.

– Фионн ап Торин, Мэррок бен Рагор, зачем пришли вы сюда в первый день Нарождающейся луны? Зачем собрались здесь, перед лицом ваших родов, моря и суши, вашего короля?

Мэррок взглянул на молчаливую толпу. Корбан мельком увидел на лице молодого человека шрамы – доказательство его смертельной схватки с волчнем из Темнолесья, что располагается на севере Ардана. Мэррок улыбнулся девушке, что стояла рядом с ним, и исполосованная кожа его лица покрылась морщинами. Он громко произнес:

– Чтобы рассказать всем о том, что давно знают наши сердца. Чтобы принести клятву и провести обряд, который свяжет наши жизни в одно целое.

– Так поклянитесь же! – воскликнул Геб.

Молодой человек и девушка взяли за руки и, повернувшись к толпе, начали громким и чистым голосом нараспев произносить положенные по обычаю клятвы.

Когда они закончили, Геб скрепил их руки своей, вытащил из складок одеяния кусочек расшитой ткани и обвязал им ладони Мэррока и Фионн.

– Быть по сему! – воскликнул он. – Да благословит вас Элион.

«Странно, – подумал Корбан, – что мы до сих пор молимся Всеотцу, он ведь нас покинул».

– Почему мы молимся Элиону? – спросил он мать.

– Потому что хранители знаний говорят, что однажды Он вернется, и тогда тех, кто не терял веры в Него, ожидает вознаграждение. К тому же Бен-Элимы могут подслушивать, – сказала она тихонько, затем подмигнула и добавила: – Осторожность не помешает.

Толпа разразилась радостными возгласами – молодая пара подняла сплетенные руки.

– Посмотрим, будете ли вы так же улыбаться сегодня вечером, – проворчал Геб под смех толпы.

Королева Алона подошла к молодой паре и обняла их, а король Бренин хлопнул племянника по спине с такой силой, что Мэррок чуть не улетел с обрыва в воду.

Дат ткнул Корбана под ребра и прошептал:

– Пойдем.

Мальчики двинулись в толпу, но не успели они скрыться из виду, как Гвенит их окликнула:

– И куда это вы двое собрались?

– Просто хотим осмотреться, – ответил Корбан. На Весеннюю ярмарку собрались торговцы со всех частей страны, как и многочисленные бароны Бренина, что приехали на свадьбу Мэррока. На лугу можно было наблюдать россыпь палаток, загонов для скота, огражденное веревками пространство для различных игр и соревнований и, конечно же, людей: несколько сотен, не меньше. Больше, чем Корбан когда-либо видел в своей жизни. В преддверии ярмарки Корбан и Дат ощущали радостное волнение, которое росло с каждым днем, пока в один прекрасный миг не стало казаться, будто время остановилось и топчется на месте. И вот наконец наступил тот самый день.

– Ладно, – сказала Гвенит. – Только вы уж будьте там осторожны.

Она залезла рукой под шаль и вложила Корбану в ладонь что-то твердое: серебряную монету.

– Хорошо вам провести время, – ласково потрепала она сына по щеке. – Вернись до захода солнца. Ты найдешь меня здесь, вместе с твоим отцом. Если он все еще будет держаться на ногах.

– Конечно, будет, мам, – ответил Корбан. Сегодня его отцу, Таннону, предстояло биться на ристалище. Сколько Корбан себя помнил, отец всегда был первым кулачным бойцом во всей округе.

Корбан наклонился и поцеловал ее в щеку.

– Спасибо, мам! – ухмыльнулся он и, развернувшись, ринулся в толпу; Дат поспешил за ним по пятам.

– Береги свою новую накидку! – крикнула Гвенит вслед сыну и улыбнулась.

Вскоре мальчики перестали нестись сломя голову и перешли на шаг. Они шли вдоль края луга, за которым располагались взморье и бухта. На берегу грелись на солнце тюлени. Над ними кружили и кричали чайки, привлеченные запахом еды, что исходил от костров и шатров на лугу.

– Сребреник, – подивился Дат. – Дай посмотреть.

Корбан раскрыл ладонь, в которой была крепко зажата серебряная монета.

– Мама тебя любит, а, Бан?

– Знаю, – смущенно ответил Корбан. Он знал, что у Дата в кармане всего лишь пара медяков, и, чтобы их заработать, парень был вынужден долгие луны работать вместе с отцом над их рыбацкой лодкой. – Вот, – сказал Корбан и полез в кожаную мошну, что висела у него на поясе. – Держи.

Он вытащил три медяка, которые заработал тяжелым трудом в кузнице отца.

– Нет, спасибо, – нахмурился Дат. – Ты мне друг, а не хозяин.

– Я ничего такого не имел в виду, Дат. Просто подумал... Для меня одного этого много, а друзья должны делиться друг с другом – ведь так?

Хмурое выражение задержалось на лице у Дата на мгновение, но вскоре оно прояснилось.

– Знаю, Бан. – Дат отвернулся, наблюдая за лодками, что покачивались в волнах залива. – Просто я хотел бы, чтобы и моя мама была здесь и любила меня.

Корбан поморщился, не зная, что сказать. Повисла тишина.

– Может, у твоего отца найдется немного денег для тебя, Дат, – попытался он хоть как-то нарушить неловкое молчание.

– Азрота с два, – фыркнул Дат. – Удивительно, что мне хотя бы это перепало – большинство из них тонет в выпивке. Идем. Найдем, на что их потратить.

Пока мальчики пробирались сквозь толпу и мимо палаток торговцев, солнце успело подняться высоко над горизонтом, щедро одаривая луг своим теплом и прогоняя остатки пред-рассветной прохлады.

– Не думал, что во всей деревне и Дун-Карреге живет столько людей, – пробормотал Дат, когда кто-то в толпе его толкнул.

– Здесь, Дат, собрались люди из земель куда более отдаленных, чем деревня и крепость, – прошептал Корбан.

Мальчики медленно прогуливались, просто наслаждаясь солнцем и обстановкой, царящей вокруг. Вскоре они достигли середины луга, где рядом с огороженным участком заросшей земли уже начинал собираться люд. Здесь будут сражаться на мечях.

– Может, останемся и поищем хорошие места? – предложил Корбан.

– Да ну, еще ждать целую вечность, пока все начнется! К тому же все равно победит Тулл.

– Думаешь?

– А то, – фыркнул Дат. – Не просто же так он – первый меч короля. Слышал, он как-то зарубил человека пополам одним ударом.

– Я тоже об этом слышал, – сказал Корбан. – Но он уже не так молод. Говорят, теряет хватку.

Дат пожал плечами.

– Может быть. Можем вернуться позже – посмотреть, сколько времени ему нужно, чтобы разmozжить кому-то череп. Подождем, пока они немного разогреются, а?

– Ладно, – согласился Корбан. Затем отвесил другу подзатыльник и помчался прочь под возмущенные крики Дата, который рванул за ним следом. Корбан бежал, ловко виляя между людьми. Оглянулся посмотреть, где Дат, но вдруг споткнулся и растянулся на огромном куске кожи, лежащем на земле. На нем были разложены торки, костяные гребни, нарукавники, броши и много чего другого. Поднимаясь на ноги, Корбан услышал низкий раскатистый рык. Дат резко затормозил позади него.

Корбан взглянул на раскиданный товар и бросился подбирать все, что было в поле зрения. Однако из-за спешки почти ничего не мог удержать в руках.

– Эй, парень! Меньше суеты – больше дела.

Корбан поднял взгляд и увидел высокого жилистого мужчину, который смотрел на него сверху вниз. Его длинные темные волосы были собраны в пучок в области шеи. За мужчиной виднелось множество всевозможных предметов, размещенных по открытой спереди палатке: шкур, мечей, кинжалов, рогов, кувшинов, пивных кружек, всяческой конской сбруи. Все это свисало с остова палатки либо было аккуратно разложено и расставлено на столах и кусках кожи.

– Меня не бойся, парень. Мне ты ничего не сделал, – сказал торговец, собирая товар. – Талар же – тут совсем иная песня. – Он указал на огромного серо-черного пса, который поднялся на ноги за спиной у Корбана и зарычал. – Не по нраву ему, когда на него наступают или когда об него спотыкаются. Он может и возмещения ущерба требовать.

– Возмещения ущерба?

– Ну да. Кровью, плотью, костью. Может, и руку твою захочет или нечто подобное.

Корбан нервно сглотнул, а торговец тем временем согнулся пополам от хохота, одной рукой опираясь на колено. Позади него хихикал Дат.

– Я – Вентос, – представился торговец, перестав смеяться. – А это мой верный, хоть и временами ворчливый друг Талар. – Вентос щелкнул пальцами, и огромный пес подошел к нему и обнюхал его руку.

– Да вы не бойтесь, он уже ел утром. Можете быть спокойны.

– Я – Дат, – выпалил сын рыбака, – а это – Бан, то есть Корбан. Никогда не видал таких большущих псов, – продолжал он, затаив дыхание. – Даже у отца твоего поменьше будет, а, Бан?

Корбан кивнул, зачарованно глядя на гору меха, что находилась рядом с торговцем. Ему было не привыкать к собакам – они окружали его с самого детства, – но этот зверь был гораздо больше. Заметив взгляд Корбана, пес снова зарычал: низкий рокот словно зарождался где-то в недрах его живота.

– Не беспокойся ты так, парень.

– Кажется, я ему не нравлюсь, – протянул Корбан. – Голос у него какой-то нерадостный.

– Слышал бы ты его, когда он нерадостный, – ты бы мигом себе разницу уяснил. Я вот наслушался предостаточно по пути отсюда в Гельвет и обратно.

– Гельвет – это же та земля, откуда Гар родом, а, Бан? – спросил Дат.

– Да, – пробормотал Корбан в ответ.

– Кто такой Гар? – полюбопытствовал торговец.

– Друг моих родителей, – ответил Корбан.

– Стало быть, он тоже вдали от дома, – сказал Вентос. – Откуда именно в Гельвете он родом?

– Не знаю, – пожал плечами Корбан.

– Человек всегда должен знать, откуда он родом, – заявил торговец. – Свои корни знать надо.

Корбан в ответ промычал что-то нечленораздельное. Обычно это он был человеком, который задает много вопросов – даже слишком много, если верить его матери, – но быть тем, кого спрашивают, ему нравилось не так сильно.

Внезапно на Корбана упала чья-то тень, а вместе с ней крепко ухватила за плечо рука.

– Привет, Бан, – поздоровался Гар, управляющий конюшен.

– А мы как раз о тебе говорили, – сказал Дат. – О том, откуда ты родом.

– Что? – нахмурился управляющий конюшен.

– Этот человек из Гельвета, – указал Корбан на Вентоса.

Гар моргнул.

– Я – Вентос, – представился торговец. – Так откуда ты из Гельвета?

Гар осмотрел товар, представленный в палатке.

– Мне нужны сбруя и седло. Лошадь пятнадцати пядей в длину, широкая спина, – сказал он, оставив без внимания вопрос торговца.

– Пятнадцать пядей? Да, уверен, среди моих товаров что-нибудь для вас да найдется, – ответил Вентос. – У меня есть сбруя, что я приобрел у ширакцев. Лучше не сыщешь.

– Я бы хотел на нее взглянуть. – Гар проследовал за Вентосом вглубь палатки, как и всегда слегка прихрамывая.

А мальчики тем временем начали осматривать товар в палатке Вентоса. Не прошло и пяти минут, как в охапке у Корбана оказалась гора всевозможных предметов. Он взял ошейник с железными клепками для Буддая, отцовского пса, оловянную брошь с отчеканенным на ней скачущим конем для сестры, серебряный зажим для платья с вставкой из красной эмали для матери и два крепких учебных меча для них с Датом. Дат выбрал две глиняные пивные кружки, украшенные волнами из синих кораллов.

Корбан посмотрел на него с удивлением.

– Почему бы не взять что-нибудь, что действительно пригодится отцу?

– А зачем две? – спросил Корбан.

– Если не можешь победить врага, – изрек Дат голосом мудреца, – стань его союзником. – Он подмигнул.

– Что же тогда никаких кружек для Бетан?

– Моя сестра не одобряет пьянство, – ответил Дат.

В этот момент из недр палатки появился Гар со связкой кож за спиной – железные пряжки звенели на ходу. Управляющий конюшен буркнул что-то в сторону Корбана и скрылся в толпе.

– Похоже, вы тут уже целую сокровищницу собирать для себя успели, – усмехнулся торговец.

– Почему деревянные мечи такие тяжелые? – спросил Дат.

– Так это же учебные мечи. Их сердцевина заполнена свинцом: это хорошо усиливает десницу и приучает к развесовке настоящего меча, но при этом ежели они у вас из рук и вывалятся, то не зарубят вас насмерть.

– Сколько с нас за это все? – спросил Корбан.

Вентос присвистнул.

– Два с половиной сребреника.

– Столько хватит, если мы оставим мечи? – Корбан показал торговцу свой сребреник и три медяка.

– Вместе с этим, – сказал Дат, поспешно добавив свои два медяка.

– Сойдет.

Корбан отдал ему монеты и положил купленные вещи в кожаную сумку Дата, в которой тот хранил кусок сухого сыра и мех с водой.

– Может, увидимся вечером, на празднике.

– Мы там будем, – кивнул Корбан.

Когда мальчики уже было поравнялись с толпой за палаткой, Вентос окликнул их и кинул учебные мечи. Корбан непроизвольно поймал один и услышал, как Дат вскрикнул от боли. Вентос прижал палец к губам и подмигнул. Корбан ухмыльнулся в ответ.

«Настоящий учебный меч! Это тебе не какая-нибудь там игрушка из палок, собранных в огороде! До настоящего меча осталось всего ничего», – думал Корбан, чуть ли не содрогаясь от радостного волнения.

Какое-то время они бесцельно бродили, и Корбан изумлялся количеству людей вокруг и восхищался увеселениями, от разнообразия которых буквально глаза разбегались: сказители, кукловоды, глотатели огня, жонглеры мечами и многие-многие другие. Он вместе с Датом протискивался сквозь сгущающуюся толпу и наблюдал за тем, как выпускают из клетки визжащего поросенка и два десятка, а то и больше человек бегут за ним и сбивают друг друга с ног, когда животное от них уворачивается. К их веселью, какой-то долговязый дружинник из крепости наконец смог поймать поросенка, бросившись на него всем телом, и поднять его верещащую тушку над головой. Зрители кричали и смеялись, а дружинника наградили за труды мехом с медовухой.

Ребята двинулись дальше. Корбан привел их к огражденному канатами ристалищу, где проходили бои на мечах. Сейчас вокруг сражающихся собралось нешуточное количество людей – все наблюдали за Туллом, первым мечом короля.

Мальчики забрались на валун, что находился позади толпы, чтобы лучше видеть происходящее на ристалище. Быстро расправились с куском сыра, что был в мешке у Дата, и тоже стали следить за Туллом. Мужчина был раздет до пояса, и верхняя часть его тела выглядела могучей словно старый дуб. Он без особых хлопот наносил деревянным мечом удар за ударом по своему противнику, пока тот не оказался на земле. Тулл рассмеялся и широко развел руки, как вдруг его соперник подскочил на ноги и снова ринулся на него. Он обрушивал на королевского телохранителя быстрые удары, так что мечи трещали, а Тулл был вынужден сделать шаг назад.

– Смотри, – сказал Корбан. – Теперь он в беде.

Но Тулл ловко увернулся от очередной атаки – подобный маневр тяжело было себе представить, учитывая его габариты, – и так саданул потерявшего равновесие противника по внутренней стороне колен, что тот полетел лицом напрямик во взрытую землю. Тулл опустил ногу на спину поверженному врагу и победно вскинул руку. Зрители кричали и рукоплескали, в то время как противник корчился в грязи, прижатый тяжелым сапогом Тулла.

Вскоре старый воин отошел немного в сторону и протянул поверженному сопернику руку – тот отмахнулся и попытался встать самостоятельно, однако поскользнулся и снова упал в грязь.

Тулл, улыбнувшись, лишь пожал плечами и двинулся в сторону каната, ограждающего ристалище. Побитый воин уставился ему в спину и внезапно ринулся на Тулла. Что-то, должно быть, предупредило старика об опасности, потому как он обернулся и парировал удар в голову, который вполне мог раскроить ему череп. Тулл встал в стойку и пригнул голову, пока атакующий, разогнавшись, летел вперед. Его голова с неприятным хрустом столкнулась с головой старого воина, из носа брызнула кровь. Колено Тулла врезалось противнику в живот – и он рухнул на землю.

На мгновение Тулл навис над поверженным противником, подрагивая ноздрями от гнева. Затем он запустил руку в свои длинные с проседью волосы и вытер со лба кровь единоборца. Толпа разразилась криками.

– Он здесь новенький, – сказал Корбан, указывая на поверженного бойца, что лежал в грязи без чувств. – Я видел, как он приехал пару дней назад.

– Не очень хорошее начало, согласен? – хихикнул Дат.

– Ему повезло, что здесь деревянные мечи. Другие, что решили сразиться с Туллом, так и не поднялись с земли.

– Непохоже, что он встанет в ближайшем будущем, – заметил Дат, указывая в сторону растянувшегося в грязи воина.

– А вот возьмет и встанет!

Дат посмотрел на Корбана, внезапно бросился на него и спихнул с камня, на котором они сидели. Схватил свой новый учебный меч и встал над Корбаном, изображая сцену, которую они только что наблюдали. Корбан откатился в сторону, поднялся на ноги и медленно двинулся вокруг Дата к своему деревянному оружию.

– Так ты жаждешь сразиться с могучим Туллом? – спросил Дат, направив меч на приятеля. Корбан засмеялся и, замахнувшись, ринулся на него. Какое-то время они колотили друг друга, а в перерывах между бешеными приливами боевого задора обменивались подколками.

Прохожие улыбались, глядя на их веселую возню.

После череды неистовых ударов Дат оказался на земле, а Корбан навис над ним, направив свой меч ему в грудь.

– Ты... сдаешься? – спросил Корбан, переводя дух.

– Никогда! – воскликнул Дат и пнул Корбана под лодыжки, повалив того на землю.

Оба так и остались лежать в пыли, глядя в безоблачное синее небо, слишком утомленные шуточной дракой и смехом, чтобы подняться на ноги, как вдруг над ними раздался голос, от которого у обоих екнуло сердце:

– И что это у нас здесь? Две свиньи барахтаются в собственном дерьме?

Глава 2. Верадис

Верадис поерзал в седле, пытаясь успокоить боль в ноющих мышцах. Он гордился тем, что он хороший наездник. Парень улыбнулся, вспомнив свои шестнадцатые именины и испытание воина: тот день, когда он стал мужчиной. Тогда он, совершив почти безукоризненный прыжок, оседлал коня на полном скаку на глазах у дружины своего отца. Все дни его юности, потраченные на упражнения, слились тогда в единый венчающий миг, и, хоть и прошло уже два года, он до сих пор помнил каждую мелочь: как он пустил серого коня рысью, когда настал его черед, как бежал рядом с ним, зажав щит в левой руке. Удары копыт о землю слились воедино с биением его сердца. Время как будто остановилось, а он ухватился за конскую гриву, оттолкнулся от земли и одним плавным движением приземлился точно в седло. Он помнил, как брызнули слезы из глаз, то головокружительное облегчение, что практически заглушило одобрительный рев воинов из отряда отца, стучащих копытами по щитам. Даже его отец, Ламар, барон Рипы, поднялся на ноги и рукоплескал.

Он наклонился вперед и почесал колено: потертые кожаные ремешки килта прилипли к ноге. Рассеянно погладил своего серого коня – подарок брата, Крелиса, на окончание Долгой ночи. Тут он скривился и снова подвинулся в седле. Двенадцать дней подряд, проведенные верхом, – настоящее испытание для любого человека, и неважно, насколько он опытный наездник.

– Отсидел задницу, братишка? – донеслось из-за спины.

– Есть немного.

Крелис пришпорил лошадь, чтобы поравняться с братом.

– Привыкнешь, – улыбнулся он в черную бороду. – В любом случае, готов поспорить, что твоя боль – ничто по сравнению с его. – Он указал большим пальцем назад. – Единственное, на чем *он* когда-либо ездил, – это корабль.

Верадис повернулся в седле, чтобы посмотреть на пленника, которого они везли в Джеролин. Железные кольца в его бороде позвякивали в такт движению. Мужчина смотрел вперед, голубые глаза выделялись на обветренной, испещренной шрамами коже его лица словно два кусочка льда. Но взгляд Верадиса приковывал нос – у него отсутствовал кончик. Хотя руки пленника были связаны за спиной, его охраняли полдюжины воинов из отряда Крелиса.

– Ты действительно думаешь, что он что-нибудь скажет королю? – спросил Верадис.

– Отец так думает, – пожал плечами брат. – И наш дражайший братишка тоже. Хотя здоровье и не позволило ему отправиться с нами в путешествие.

– Эктору вечно нездоровится.

– Да, братишка, – снова улыбнулся Крелис. – Он очень болезненный. Но Эктор умен, о чем мне постоянно напоминает отец. Когда-нибудь, когда я стану бароном Рипы, он будет моим советником.

Верадис поднял взгляд на брата, который возвышался над ним на своем черном боевом скакуне.

«Ты станешь хорошим правителем», – подумал он. Крелис, старший сын Ламара, всегда был выдающейся фигурой и управлял людьми легко и непринужденно.

– А ты, – усмехнулся Крелис, – будешь моим полководцем. А что, если бы ты был в высоту и в ширину на пару пядей больше, я бы сам тебя боялся. – Он хлопнул Верадиса по плечу с такой силой, что тот едва не свалился с лошади.

– Ты ведь знаешь: не нужно быть великаном, чтобы владеть мечом, – улыбнулся Верадис.

– Чтобы орудовать той булавкой, что *ты* называешь мечом, да, не нужно. – Крелис засмеялся. – В любом случае, полководец Рипы – это на потом. Сначала посмотрим, как тебя примет король Аквилус и что он из тебя сделает.

Верадис вошел в большой зал Джеролина. Огромные колонны из черного камня уходили ввысь и терялись где-то в сумраке под сводчатым потолком. Вдоль стен помещения висели большие гобелены, а солнечный свет, проникающий сквозь узкие окна, словно делил зал на части. По обе стороны зала стояли шеренги воинов. На всех были серебряные шлемы, чьи изогнутые забрала делали бойцов похожими на хищных птиц. На нагрудниках из черной кожи красовались серебряные орлы; даже кожаные ремешки их килтов сияли, натертые до зеркального блеска. В руках у воинов были длинные копья, а на поясах – полторные мечи.

Верадис споткнулся, и ратник, шедший позади него, наступил ему на пятку. Он выровнялся и поспешил за Крелисом, который целеустремленно двигался к противоположной стороне зала. Его обитые железом сандалии отбивали ритм о каменный пол. Люди в зале собирались разрозненными кучками в ожидании выхода короля: слуги ухаживали за придворными, бароны, несомненно, пришли просить Аквилуса разрешить их земельные вопросы, крестьяне и прочий люд ожидали, чтобы король по справедливости рассудил их бесчисленные тяжбы.

Люди расступились перед Крелисом и воином, что их вел.

– Арматус, – прошептал ему Крелис. Это был седовласый мужчина с узловатыми руками и кожей, напоминающей кору старого дерева, – оружейный наставник Джеролина, первый меч короля Аквилуса и просто человек, которого все знали как непревзойденного мечника.

Они быстро прошли через весь зал в сопровождении нескольких орлиных стражей Аквилуса, меж которыми находился пленник из Вин-Талуна. Верадис вошел в распахнутые двери и оказался перед винтовой лестницей. Арматус тут же повел их вниз по широким каменным ступеням, а затем, когда пол стал ровным, – по узкому коридору.

Арматус свернул из коридора и вошел в большую, но пустую комнату, в которой не было ни мебели, ни окон. Освещало помещение только дрожащее пламя факелов. Из каменных стен и пола торчали железные кольца, с которых свисали ржавые цепи и кандалы.

В противоположном конце помещения стояли три человека: свет факелов озарял мужчину и женщину, а еще одна фигура скрывалась в сумраке позади них.

Это были Аквилус и Фиделе, король и королева Тенебрала. Верадис смутно помнил их последний визит в Рипу, лет шесть назад, когда они приехали на совет баронов. Фиделе почти не изменилась с тех пор – все такая же белолицая и невероятно красивая. А вот Аквилус выглядел старше: больше морщин вокруг глаз и губ, больше седины в короткостриженных волосах и колючей бороде.

– Крелис, – сказал король Аквилус. – Где этот человек?

Крелиса проводили к Аквилусу и Фиделе, едва только он переступил порог крепости из черного камня. Верадис и воины остались охранять пленника. Крелис отсутствовал недолго и вернулся с указанием немедленно привести арестанта.

– Вот он, мой король, – молвил Крелис и сделал шаг в сторону, чтобы орлиная стража подвела пленника ближе. Он стоял перед Аквилусом с опущенной головой, со скованными руками. В мерцающем свете факелов его многочисленные боевые шрамы казались черными татуировками. Один из орлиных стражей приковал пленника к цепям на полу.

– Я не видел ваших людей уже много лет, – произнес король. – Как так получилось, что разбойник из Вин-Талуна оказался в моих землях? В моей крепости?

– Он был на борту пиратской галеры, Ваше Величество. Они сожгли несколько деревень на побережье, а после имели несчастье подойти слишком близко к Рипе...

Аквилус кивнул, задумчиво глядя на пленника. Тот продолжал стоять с опущенной головой и не отрываясь смотрел на железное кольцо в полу, к которому был прикован.

– Также мне сообщили, что у тебя есть для меня некие ценные сведения. Это так?

Мужчина ничего не ответил и даже не шелохнулся.

Крелис фыркнул, наклонился и дал пленнику затрещину. Тот мгновенно поднял голову, глаза его засверкали, а зубы на миг обнажились. В бороде его звякнули железные кольца – каждое из них было свидетельством отнятых им жизней.

– Давай начнем с чего-нибудь попроще, – сказал Аквилус. – Как тебя зовут?

– Дейнон, – буркнул вин-талунец.

– Откуда у тебя столько шрамов, Дейнон?

– Ямы, – ответил пленник, пожав плечами.

– Ямы?

– Бойцовые ямы. – Дейнон оглядел шрамы у себя на руках. – На каждом острове есть такие. Дело давнее, – добавил он пренебрежительно.

Верадис почувствовал, как по телу пробежали мурашки. Когда вин-талунцы совершали набеги, они похищали не только еду и ценности, но и людей. До Верадиса доходили слухи, что плененных мальчиков и мужчин в Вин-Талуне заставляют сражаться друг с другом на потеху местным жителям. Самые жестокие из бойцов получали возможность покинуть ямы и стать гребцами на вин-талунском корабле. Этот мужчина проявил себя с лучшей стороны, раз его сделали воином.

– То, что сказал Крелис, – правда? Ты был на пиратской галере, что грабила мои земли?

– Да.

– Хорошо. Но ты слишком близко подошел к Рипе, и Крелис тебя поймал. И вот ты здесь. Пират хмыкнул.

– Ты ведь знаешь, что за твои деяния полагается предать тебя смертной казни? Но вроде бы у тебя есть для меня какие-то ценные сведения?

– Да, – пробормотал мужчина.

– И?

– Сведения в обмен на мою жизнь. Это мне *он* сказал, – вин-талунец кивком указал в сторону Крелиса.

– Это будет зависеть от ценности сведений. И от их правдивости.

Пленник опустил голову и облизал пересохшие губы.

– У Ликоса намечена встреча в Тенебрале.

– У Ликоса, – повторил Аквилус, сдвинув брови.

Давным-давно, еще в детские годы Верадиса, вин-талунцы были настоящей чумой тенебральского побережья. Они даже совершали набеги на внутренние области, сплавляясь по рекам, что словно жилы пронизывали местные земли. Разбойники ударяли в самое сердце Тенебрала, грабили и предавали огню все на своем пути. Но затем что-то случилось. Состоялся неудачный набег на Джеролин, что закончился большими потерями с обеих сторон. А затем все стихло, набеги на внутренние земли прекратились. Даже на побережье стало спокойнее. Примерно в то же время среди вин-талунцев все громче и чаще стало произноситься имя некоего Ликоса, молодого атамана. Шли годы, он поднимался все выше и выше по лестнице власти. Один за другим он подчинил себе три острова – Пáнос, Нерин и Пельсет, – поубивав местных атаманов. Тем самым впервые за всю историю Ликос объединил Вин-Талун. Последнее крупное морское сражение случилось менее года назад. С тех пор набеги начали происходить все чаще, но разбойники ограничивались в основном прибрежными землями.

– Расскажи мне об этом Ликосе, – сказал Аквилус.

– Он наш король, – ответил пират, пожав плечами. – Великий человек.

– Он сейчас является единоличным правителем Вин-Талуна? – с нажимом спросил король.

– Наш *король*. Он больше, чем просто правитель. Гораздо больше.

Аквилус нахмурился и поджал губы.

– И зачем ему понадобилось ступить на мои земли?

– У него встреча с одним из ваших баронов. Не знаю, с кем, но встреча будет к югу отсюда, близ Навуса.

Верадис услышал, как по помещению пронесся всеобщий вздох.

– Как ты об этом узнал? – спросил он.

– До моих ушей много чего доходит, – пожал плечами Дейнон. – Мой брат – щитоносец Ликоса. Один кувшин вина – и его язык метет как помело.

– Когда?

– Скоро. В последнюю ночь Волчьей луны. Если бы у меня была карта, я бы мог указать место.

Аквилус воззрился на пленника.

– И как я могу доверять тебе, пирату, что готов предать своих?

– Верность не такое уж большое дело, когда тебя собираются прогнать по мосту мечей, – проворчал пират.

– Да, возможно, – тихо сказал Аквилус. – К тому же, если ты лжешь, это послужит лишь отсрочкой для приговора. В таком случае твоя голова вскоре распрощается с плечами.

– Знаю, – промямлил Дейнон.

– Отец, мы должны послать отряд, – произнес голос из тени за Аквилусом и Фиделе, и кто-то вышел на свет. Это оказался молодой человек, на вид немного старше Верадиса. Он был высоким, его кожа обветрилась на солнце, а красивое лицо обрамляла копна густых кучерявых волос. Верадис видел его всего лишь раз. Это был Натаир, принц Тенебрала.

– Да, я знаю, – пробормотал Аквилус.

– Отправь меня, – вызвался Натаир.

– Нет! – гневно произнесла Фиделе, шагнув к сыну. – Мы не знаем, насколько это опасно, – мягко добавила она.

Натаир помрачнел и отодвинулся от матери.

– Отправь меня, отец, – повторил он.

– Возможно, – буркнул король.

– Нельзя позволить этой встрече случиться, – произнес Натаир, – а Перитус сейчас охотится на великанов в Агульских горах. До последней ночи Волчьей луны осталось десять дней. Этого едва хватит, чтобы добраться до Навуса, если я отправлюсь поутру. – Натаир бросил взгляд на мать, которая продолжала хмуриться. – А этот Ликос вряд ли будет ехать во главе огромного отряда. Тем более на тайную встречу на земле своего врага.

Аквилус задумчиво потер подбородок.

– Возможно, – сказал он более твердым голосом, но при этом бросил взгляд на жену. – Я подумаю об этом и сообщу свое решение позже. Но сначала я должен послать за кем-нибудь, кто может лучше расспросить нашего гостя. – Он взглянул на Арматуса. Седовласый воин кивнул и удалился из комнаты.

– Я говорю правду! – выкрикнул пленник с ноткой смятения в голосе.

– Вот и посмотрим. Крелис, я в долгу перед тобой и твоим отцом.

– Рады служить вам, Ваше Величество, – поклонился Крелис. – Мы не можем быть полностью уверены, что он говорит правду, но посчитали его слова слишком важными, чтобы пропустить мимо ушей.

– Всё правильно сделали. Мы подготовим комнаты для тебя и твоих людей. Вы, должно быть, предали нелегкий путь.

– Так и есть, – произнес Крелис. – Но отец просил, чтобы я вернулся, как только выполню его поручение.

Аквилус кивнул.

– Мы все должны слушаться своих отцов. Передай Ламару мою благодарность. Тогда единственное, что в моих силах, – это обеспечить вас едой и водой на обратный путь.

– Есть еще одно дело, – сказал Крелис, бросив взгляд на Верадису. – Вернее, просьба.
– Если это в моих силах, то конечно.

– Отец просит вас, чтобы вы приняли в свое войско на время моего младшего брата, Верадису. Чтобы вы его обучили, как в свое время обучили меня.

В первый раз за все время взгляд Аквилуса обратился к Верадису. Тот низко – и немного неловко – поклонился королю.

– Конечно! – улыбнулся Аквилус. – Тебе-то это не повредило. Но, пожалуй, не в *мое* войско. Перитус в отъезде, и, насколько помню, ему не раз приходилось выручать тебя из сложных ситуаций.

Крелис ухмыльнулся.

– Мой сын набирает воинов в свою дружину. Тебе ведь нужны хорошие бойцы, Натаир?

– Да, отец.

– Тогда решено, – произнес Аквилус. – Отлично. Добро пожаловать в мой дом, Верадис бен Ламар. Теперь ты один из людей принца.

– Добро пожаловать, – сказал Натаир, подойдя ближе и пожав Верадису руку. Яркие умные глаза голубого цвета смотрели прямо в его глаза, и Верадис ощутил, что его *оценивают*.

– Сочту за честь сопровождать вас, милорд, – склонил голову Верадис.

– Да, это так, – произнес Натаир, усмехнувшись. – Но никаких «милордов». Если ты сражаешься вместе со мной, за меня, рискуешь ради меня своей жизнью, то для тебя я просто Натаир. А теперь иди и смой с себя дорожную пыль. Я пошлю за тобой, и мы поговорим за едой и вином.

Крелис и Верадис снова поклонились Аквилусу и Фиделе, затем развернулись и покинули сырое помещение.

– Прощай, братишка, – сказал Крелис и обнял Верадису. Тот нахмурился, когда они отстранились.

– Я так и не понял, почему должен остаться здесь, – произнес Верадис, когда Крелис забрался на коня.

– Да все ты прекрасно понимаешь. Отец хочет, чтобы ты стал главой над людьми, – улыбнулся Крелис.

– Знаю. Но разве я не могу это делать в Рипе?

– Нет, – ответил Крелис, и улыбка сползла с его лица. – Здесь с тобой не будут обращаться как с сыном барона. Так будет лучше, вот увидишь.

– Он просто хочет от меня избавиться, – пробормотал Верадис.

– Возможно, – ухмыльнулся Крелис. – Я бы так и сделал. Его не в чем винить.

Верадис скривился и пнул камень под ногами.

– Эй, – возразил Крелис, и его густые темные брови соединились в одну линию. Он наклонился в седле и тихо добавил: – Это ценный опыт. Он сделает тебя лучше. – Крелис выпрямился и широко развел руки. – Посмотри, каким стал я.

Верадис фыркнул, не сдержав улыбки.

– Вот. Так-то лучше, – ухмыльнулся Крелис. За его спиной воины рассаживались по лошадям. Полдень уже миновал, и солнце стояло высоко; в конюшнях кипела бурная деятельность. Конь Крелиса тем временем нетерпеливо пританцовывал.

– Я бы остался подольше и посмотрел на отряд, в котором ты будешь, но я должен вернуться к отцу. До залива-то я доеду, но дней за десять, не раньше, – подмигнул он Верадису. – Мы скоро увидимся. А до тех пор проводи время с пользой.

Верадис отступил на шаг, и Крелис натянул поводья, пустив лошадь легким галопом. Его дружинники последовали за ним по пятам. В воздухе повис цокот копыт, стучащих о булыжный камень.

Юный воин долго стоял на месте, провожая взглядом удаляющийся отряд, затем развернулся и направился в огромные конюшни. Он шел вдоль стойл, пока не нашел своего серого скакуна. Тот заржал и потянулся мордой к хозяину, увидев, что он заходит к нему в стойло. Верадис нашел щетку и гребень с железными зубьями и начал чистить коня, хотя прекрасно видел, что его уже привели в порядок. Несмотря на это, он продолжил заниматься делом, которое успокаивало и ободряло, позволяя забыть о времени.

– Всё в порядке, парень? – донеслось сзади. Верадис обернулся и увидел мужчину, что смотрел на него поверх ворот стойла. Это был управляющий конюшен, который занялся их лошадьми, когда они прибыли в крепость.

– Да, всё в порядке, – ответил Верадис. – Просто... – Он пожал плечами, не зная, что сказать.

– Не переживай, парень, твой конь в хороших руках. Я – Валин.

– Верадис.

– Видел, твой брат уехал. Хороший он человек.

– Это точно, – сдержанно ответил Верадис и остановился, чтобы его не выдал голос.

– Отлично помню то время, когда он был здесь. Когда он от нас уехал, чуть ли не все девушки в округе впали в тоску, – усмехнулся Валин. – Слышал, ты будешь в дружине Натаира.

– Ага, – пробормотал Верадис. – Я весьма польщен, – добавил он, понимая, что так надо, хотя не чувствовал в этот миг ничего, кроме одиночества.

Управляющий конюшен воззрился на него.

– Я собираюсь поужинать. Часто нахожусь на внешней стене – оттуда замечательный вид. Не хочешь присоединиться?

– Поужинать? – спросил Верадис. – Но... – И тут его живот громко заурчал.

– Скоро закат, парень. Ты здесь уже довольно долго.

Верадис поднял бровь, и живот снова заурчал.

– С радостью, – согласился он.

Валин повел его в трапезную, где они немедленно наполнили свои блюда хлебом с сыром и горячим мясом, а Валин вдобавок захватил кувшин с вином. Вместе они поднялись по лестнице с широкими черными ступенями и оказались на зубчатой стене.

Джеролин располагался на пологом холме, возвышающемся над широкой равниной и озером, на сверкающей поверхности которого виднелось множество рыбацких лодок. Верадис посмотрел на восток, куда текла река, скрываясь вдаль, и попытался отыскать след Крелиса. Но брат уже был далеко отсюда. На севере и западе возвышались Агулы: зазубренные, покрытые снегом вершины сияли в свете закатного солнца.

Они сидели в тишине, наблюдая за тем, как солнце скрывается за горами. Внезапно Валин заговорил, рассказывая об Аквилусе и Джеролине. В ответ Верадис поведал о своем доме, об отце и братьях и о жизни в Рипе, крепости в бухте.

– У тебя есть жена, дети? – ни с того ни с сего спросил Верадис. Валин не ответил.

– У меня были жена и сын, – после долгой паузы заговорил он. – Как будто в другой жизни. Они погибли, когда много лет назад на крепость напали вин-талунцы. Ты, наверное, слышал об этом, хоть в то время, скорее всего, прятался за мамину юбку.

Верадис кашлянул. Он никогда не прятался за юбку матери – она умерла, рожая его на свет. Парень моргнул и загнал это воспоминание поглубже.

– Да, я об этом слышал, – сказал он. – Тогда они вели себя гораздо более нагло.

Валин вдруг вскочил на ноги и пристально посмотрел на равнину.

– Что случилось? – спросил Верадис, подходя к нему. Он проследил за взглядом управляющего конюшен и увидел, что к крепости приближается одинокий всадник. Он ехал верхом на серой в яблоках лошади. Верадис мало что мог рассмотреть, но заметил, что у лошади на редкость изящная походка.

Валин закрыл рукой глаза. Он стоял молча, наблюдая, как всадник подъезжает все ближе и ближе.

– Ты его знаешь? – спросил Верадис.

– Да, – бросил Валин. – Его зовут Мейкал, и он советник нашего короля. Последний раз я его видел в ту ночь, когда погибли моя жена с сыном.

Глава 3. Корбан

– О нет, – пробормотал Дат, и оба мальчика вскочили на ноги.

На них смотрела ватага парней во главе с Вонном. Он был сыном Эвниса, советника короля, а потому считал себя важной персоной в Дун-Карреге и окрестностях. Вонн недавно прошел испытание воина и Долгую ночь, то есть уже был не мальчиком, но мужчиной. По общему мнению, он великолепно владел мечом.

Вперед выступил другой парень, высокий и со светлыми волосами.

– Ну и? – повторил он. – Что вы тут делаете?

«Только не Рэйф», – подумал Корбан. Рэйф, сын ловчего Хельфаха, жил в имении Эвниса и был примерно на год старше Корбана. Он отличался жестокостью и хвастливостью, и Корбан старался его всячески избегать.

– Ничего, Рэйф, – ответил Корбан.

– Ничего себе «ничего». – Рэйф сделал еще шаг вперед. – Мне-то показалось, ты тут со своим дружком в грязи так славно развлекаешься. – Его друзья захихикали. – А что это у нас тут такое?

– Учебные мечи, – ответил Дат. – Мы только что видели, как сражался Тулл. А вы видели?..

Рэйф остановил его, подняв руку.

– Я каждый день вижу его на Рябиновом поле, – усмехнулся он. – Там, где *настоящие* воины сражаются *настоящими* мечами. А не этими палками.

– И мы там скоро будем, – выпалил Корбан. – Уже в эту Орлиную луну будут мои четырнадцатые именины. Именины Дата тоже не за горами. К тому же у вас там на Рябиновом поле учебные мечи тоже в ходу. Мне отец рассказывал... – он осекся, осознав, что все смотрят на него.

– Тулл не позволит вам пройти испытание воина, – бросил Рэйф. – Особенно после того, как узнает, что вы вдвоем валялись в грязи, как две свиньи в собственном дерьме.

– Не *валялись*, а упражнялись на мечах, – проговорил Корбан медленно, словно пытаясь объяснить ребенку. На секунду повисло молчание, а затем вся ватага разразилась хохотом.

– Идем, Рэйф, – позвал Вонн, когда все перестали смеяться. – В солнцевысь начинается метание камней, и я хочу там побывать.

Рэйф посмотрел на Корбана и Дата.

– Я еще с этими двумя не закончил.

– Они всего лишь дети. Я бы предпочел провести время в компании получше, – сказал Вонн, схватив Рэйфа за руку.

– Идем, Дат, – прошептал Корбан, разворачиваясь, и поспешил убраться подальше от этого места. – Ну же, *идем*, – повторил он сердито. Дат какое-то время продолжал стоять, затем схватил сумку и последовал за ним.

Они пошли прямо в сторону деревни, стараясь уйти как можно дальше от Рэйфа.

– Они идут за нами? – пробормотал Корбан.

– По-моему, нет, – ответил Дат, но секундой позже они услышали топот бегущих ног. Рэйф промчался мимо них и затормозил прямо перед Корбаном.

– Вы не спросили разрешения уйти, – ткнул он пальцем Корбану в грудь.

Корбан сделал глубокий вдох, чувствуя, как сердцебиение отдается в ушах. Он посмотрел на Рэйфа, который был на голову выше него и гораздо шире в плечах.

– Оставь нас в покое, Рэйф. Пожалуйста. Это же Весенняя ярмарка.

– Тебе что, заняться больше нечем? – добавил Дат.

– «Оставь нас в покое», – передразнил Крэйн, приятель Рэйфа, который прибежал вместе с ним. – Не, ну ты слышал, а! Не позволяй ему разговаривать с собой в таком тоне, Рэйф.

– Заткнись, Крэйн, – бросил Рэйф. – Кажется, мелюзге нужен урок вежливости.

Он схватил Корбана за руку и повел его в сторону ближайших домов. Корбан судорожно смотрел по сторонам в поисках хоть кого-нибудь, но они были далеко от места скопления народа. Он видел, что Дата схватил Крэйн и тащит его за собой.

Вскоре мальчиков завели за дом, и там Корбана так швырнули в стену, что вышибли из него дух. Учебный меч выпал из ослабших пальцев.

Рэйф двинул Корбану кулаком в живот, отчего тот согнулся пополам. Потом медленно выпрямился.

– Ну давай, сын кузнеца, чего ты ждешь? – прорычал Рэйф с кулаками наизготове. Корбан молча смотрел на него. Он хотел что-то сказать в ответ, хотел поднять свои кулаки, но не мог. Внутри все сжалось, и, когда он попытался выдавить из себя хоть слово, изо рта вырвался только хрип. Он почувствовал рвотные позывы и покачал головой.

Рэйф ударил его снова, и Корбан пошатнулся, из его губы брызнула кровь. «Сражайся!» – кричал голос в голове, но он только оперся о стену, чтобы не упасть. Он чувствовал себя слабым, был напуган. Смотрел на Дата и видел, что тот атакует своего противника кулаками и ногами, но Крэйн был старше и сильнее. Не шло на пользу и то, что Дат был мелковат для своего возраста, – Крэйн одним ударом уложил его на землю.

– Да ты и в подметки бате своему не годишься, – бросил Рэйф.

Корбан отер с губ выступившую кровь.

– Что? – пробормотал он.

– Твой отец бы дрался, с ним было бы интереснее. А ты просто трус.

На мгновение Корбан почувствовал, будто в нем что-то вспыхнуло. Как пламя в глубине души. Это было похоже на огонь, который вырывался из печи в кузнице отца, когда тот ее открывал. Он почувствовал, как его руки сжимаются в кулаки и поднимаются для атаки, но тут кулак Рэйфа врезался в его челюсть, и ощущение пропало так же стремительно, как и возникло. Он упал, и его тело с глухим стуком рухнуло на землю.

– Поднимайся, – глумился Рэйф, но Корбан остался лежать на земле, надеясь, что все скоро закончится. Рот наполнился железистым вкусом крови.

Рэйф пнул Корбана под ребра, но тут неподалеку кто-то крикнул. Человек обошел здание и быстро приближался к ним.

– А это я прихвачу с собой, – зло усмехнулся Рэйф и поднял с земли учебный меч Корбана. А затем вместе с товарищем помчался вниз по переулку.

Дат склонился над Корбаном, пытаясь помочь ему подняться, а человек, чей крик они слышали ранее, наконец-то добежал до них. Это был Гар.

– Что здесь произошло? – спросил управляющий конюшен, когда Корбан встал на колени. Мальчик сплюнул кровью и пошатываясь поднялся на ноги.

Дат протянул руку, чтобы помочь другу, но Корбан его оттолкнул.

– Отстань! – прошептал он. По щекам, смешиваясь с дорожной пылью и кровью, катились слезы. – Отстань! – повторил он громче и отвернулся, чтобы вытереть слезы. Его переполняли стыд и гнев.

– Пойдем со мной, парень, – сказал Гар и повернулся к Дату. – А тебе лучше оставить нас ненадолго, приятель.

– Но он мой друг! – возразил Дат.

– Да, но я бы хотел поговорить с Корбаном. Наедине. – Он выразительно посмотрел на Дата, и тот нехотя их оставил, хоть и оглянулся напоследок.

Корбан быстро повернулся и пошел в противоположную сторону, не желая ни с кем разговаривать, но мгновение спустя управляющий конюшен его догнал. Некоторое время они шли

молча. Корбан из-за стыда не мог вымолвить ни слова, поэтому сосредоточился на том, чтобы выровнять дыхание. Мало-помалу стук крови в висках прекратился.

– Что там произошло? – спросил Гар, нарушая воцарившееся молчание. Корбан не ответил – не доверял своему голосу. Когда затишье уже слишком затянулось, Гар остановил его и развернул лицом к себе.

– Что произошло? – повторил Гар.

– Хочешь, чтобы я все рассказал тебе и опозорился еще сильнее? – выкрикнул Корбан. – Ты же видел, что произошло. Рэйф ударил меня, а я... я ничего не сделал в ответ!

Гар поджал губы.

– Он старше и крупнее тебя. Ты был напуган.

Корбан фыркнул.

– Даже Дат сражался. А *ты* бы позволил хоть кому-то так себя ударить? – Когда Гар не ответил, Корбан снова попытался уйти, но управляющий конюшен ухватил его за плечо и остановил.

– Из-за чего вы поссорились?

Корбан пожал плечами.

– Чтобы бить тех, кто младше и меньше, ему не нужен какой-то повод.

– Хм, – протянул Гар. – А ты *хотел* ударить его в ответ?

– Конечно, – фыркнул Корбан.

– Так почему же ты этого не сделал?

Корбан оглянулся.

– Потому что испугался. Я *хотел* ударить его в ответ, но не смог. Вообще не мог пошевелиться. Я пытался, но руки у меня будто окаменели, а ноги словно завязли в Баглунской топи.

Гар медленно кивнул.

– Мы все боимся, Бан. Даже Тулл. Но важнее всего то, как мы поступаем со своим страхом. Именно это делает тебя человеком. Ты должен научиться управлять порывами души, парень. Те, кто не умеет этого делать, чаще всего становятся покойниками: из-за злобы, страха, гордыни и так далее. Если тобой управляют порывы, то рано или поздно они тебя погубят.

Корбан поднял на него взгляд, на мгновение позабыв о саднящей губе. Он никогда не слышал, чтобы Гар выдал столько слов за один раз.

Управляющий конюшен наклонился и ткнул Корбана в грудь.

– Научись ими управлять, и тогда они помогут тебе стать сильнее.

– Тебе легко говорить, – проворчал Корбан. – А как?

Гар долго смотрел на Корбана.

– Могу тебя научить, если хочешь, – предложил он тихо.

Корбан удивленно поднял бровь. Гар никогда никого не обучал на Рябиновом поле, как и не ездил верхом вместе с войском, – все из-за застарелой раны в ноге. Сколько Корбан помнил себя, управляющий конюшен всегда прихрамывал. Поэтому чему именно Гар может научить, он не знал.

– Что? – спросил Гар. – То, что я повредил ногу, не означает, что я забыл, как управляться с мечом или драться с противником в бою.

«Управляться с мечом».

– Хорошо, – пожал плечами Корбан. – Правда, отец сам обучает меня управляться с оружием, пока я не dorасту до сражений на поле.

Гар фыркнул.

– Таннон может научить многому. Но точно не тому, как совладать с порывами души.

Корбан улыбнулся. Терпение не было сильной стороной отца.

– Не будем пока что никому говорить о наших занятиях.

– Что, даже Кивэн?

– Особенно Кивэн, – сказал Гар, и уголки его рта изогнулись в улыбке, что бывало крайне редко. – А то она от меня не отстанет. «Гар, научи тому, Гар, научи этому», – передразнил он. – Мне и ее расспросов о лошадях с лихвой хватает.

Корбан хихикнул. Гар протянул ему руку, и Корбан за нее ухватился.

– Отлично. Итак, – продолжал Гар, – ты собираешься обратно на ярмарку?

– Пока нет. – Корбан взглянул на гуляющий люд за спиной у Гара.

– Тебе рано или поздно придется с ними столкнуться, и чем дольше будешь тянуть, тем труднее тебе придется. Как после падения с лошади. К тому же твой друг о тебе беспокоится.

– Знаю. Я вернусь попозже, не сейчас. Думаю сходить к Дилану.

Гар кивнул.

– До дома Дэрола далековато будет. Давай приведем тебя в порядок и оседлаем Ивушку. Так ты вернешься к закату, к окончанию обряда.

Корбан молча согласился, и они пошли вдоль улиц Гавана к конюшням. В деревне было пустынно – все местные собрались на ярмарке. Корбан посмотрел вверх и увидел Дун-Каррег, но даже крепость выглядела пустой и тихой. Никто не ходил ни по стенам, ни вокруг огромного свода Каменных врат, что возвышался над единственным входом в Дун-Каррег.

Они дошли до конюшен, и вскоре Корбан сидел верхом на крепком гнедом пони, а лицо его щипало после умывания в бочке с водой.

– Подожди секунду, – сказал Гар и скрылся в конюшне. Вскоре он вернулся с кожаной седельной сумкой. – Здесь всего понемногу: хлеб, сыр, одеяло и веревка. Будь готов ко всему, – пояснил он в ответ на вопросительный взгляд Корбана. – Никогда ведь не знаешь, что стряется через миг.

Корбан грустно улыбнулся и дотронулся до рассеченной губы.

– Это точно.

– Заруби на носу: ты должен вернуться до заката. Приглядывай за Ивушкой, и она позаботится о тебе. И не приближайся к Баглуну – говорят, там видели волчней.

– Угу, – хмыкнул Корбан. Он не верил слухам. Волчни подошли к краю леса только раз, зимой, привлеченные запахом конины из загонов Дун-Каррега. Это случилось в Бурную луну, когда округу заносило снегом. Обычно же хищники предпочитали лесную чащу открытым пространствам.

Вскоре Корбан покинул Гаван и ехал по дороге, что вела к Баглунскому лесу. Все называли ее великаньим трактом – из-за того, что ее построили поверженные ныне великаны из клана Беноти. Когда-то они правили этими землями, но затем пришли люди и забрали их себе. Тракт пересекал Ардан и Нарвон, но сейчас здесь не было такого количества путешественников, как в былые годы. Дорога заросла травой и мхом, насыпь потихоньку обрушалась. Вдали Корбан видел маленький холм, на котором располагался дом Дилана. У подножия холма сияла в лучах полуденного солнца река Тарин. Еще дальше, на горизонте, виднелось темное пятно Баглунского леса.

Стало жарко – чувствовалось лишь легкое прикосновение морского бриза. Корбан осторожно потрогал губу – та болезненно пульсировала. Голова болела, как и ребра в том месте, куда ударил Рэйф. Он вздохнул: и когда это его день успел так испортиться?

Перед глазами всплыло лицо Рэйфа и его ухмылка, когда он отобрал у Корбана учебный меч и убежал от Гара. Мальчик чувствовал, как шея вспыхнула от вновь охватившего его стыда.

«Быть может, я и есть трус. Хотел бы я быть таким же, как отец, – сильным и бесстрашным».

Что Гар имел в виду, когда говорил об овладении душевными порывами? Как можно этому научиться? Как бы то ни было, если это поможет ему преподать Рэйфу урок, он готов попробовать. Сколько Корбан себя помнил, Гар всегда находился рядом, будучи близким дру-

гом его мамы и папы. По правде говоря, он побаивался мужчины, потому что тот всегда выглядел суровым и хмурым. Однако предложение Гара о помощи возбудило в нем любопытство.

Сквозь его мысли медленно пробился посторонний звук, и Корбан поднял голову. Вдали он видел большую телегу, что двигалась в его сторону. Управляли ей два человека, а остальные либо шли, либо бежали рядом.

– Дилан!

Благодаря размеренному ходу Ивушки Корбан скоро покрыл большую часть пути. По мере того как он приближался к реке, каменистые луга Гавана сменялись вокруг него плодородными пойменными землями. Желтый утесник уступил место зарослям можжевельника и боярышника, а впереди возвышался дом Дэрола.

Дэрол, отец Дилана, сидел спереди тяжело нагруженной телеги и управлял серовато-коричневым пони. Рядом с ним сидела его жена. Дилан шел рядом с телегой, его сестра с мужем были позади, а вокруг них бегал их сын, Фрит. Корбан улыбнулся, глядя на них. Он почти не видел их зимой – из-за того, что мама не разрешала ему выходить за пределы Гавана в пору буранов. Особенно после слухов о голодных волчьих, рысующих в округе. Но предыдущим летом он провел большую часть времени здесь, в обществе Дилана. Во время первой встречи они крепко повздорили – сестра не удержала острый язычок за зубами, Дилан разозлился, а Корбан полез ее защищать. Но тогда все закончилось смехом, а Корбан и Дилан вскоре стали добрыми друзьями, несмотря на то, что Дилан был на несколько лет старше.

Дилан усердно трудился и помогал своему отцу, но всегда старался выделить время для Корбана, когда тот приходил к ним в гости. Он показывал ему, чем занимаются на хуторе; они рыли ямы под столбы забора, сеяли семена и собирали урожай, ловили семгу и делали еще много чего. Для Корбана гораздо интереснее было учиться стрелять из рогатки, различать следы диких животных, охотиться, разделывать и готовить зайцев. Но самыми захватывающими для него стали короткие вылазки в Баглунский лес. Эта чаща выглядела как нечто из иного мира – иногда пугающее, но в то же время манящее. Вот и сейчас Корбан смотрел на уходящую вдаль необъятную крепь деревьев. Он не мог себе представить лес, что был бы больше Баглуна. Даже легендарный Форнский лес, что находился далеко на востоке, судя по рассказам, занимал область, равную половине всех Земель Изгнанников. Корбан фыркнул, вспоминая их с Диланом походы в Баглун. Ближе к концу прошлого лета, когда Дилан был занят от заката до рассвета сбором урожая, Корбан начал ходить в лес в одиночку. Ощущая гордость, он признался в этом Дату и предложил ему сходить в Баглун вместе. Дат в ответ на это замачал руками, отгоняя злых духов, побледнел и сказал, что Корбан либо очень храбрый, либо, что более вероятно, больной на всю голову. По правде говоря, храбрость не имела никакого отношения к его вылазкам в Баглун – Корбану определенно ее не хватало, если судить по сегодняшней встрече с Рэйфом. Ему просто *нравилось* гулять по лесу. Хотя от одной мысли о том, что об этом узнает мама, по телу пробежали мурашки.

Дилан был от него примерно в ста шагах. Корбан решил подождать, пока тот сам до него дойдет, и остановил Ивушку. Дэрол кивнул в знак приветствия, проезжая мимо него на телеге. Дилан же подошел к Корбану.

– Привет, Бан, – поздоровался он и нахмурился, увидев лицо Корбана. – Что случилось?

– Упал, – ответил Корбан. – Шел к тебе, думал, помогу с ловлей лосося. Но, погляжу, опоздал.

– Отец наловил рыбы еще на рассвете. А сейчас нам нужно доставить еду в Гаван, чтобы ее успели приготовить к пиру. В другой раз, а?

В этот миг Фрит подбежал сзади к Дилану и пнул его под лодыжку. Мальчик хихикнул и бросился было наутек, но Дилан, прыгая на одной ноге, успел схватить его за пояс и поднял все еще дрыгающего ногами племянника в воздух. Фрит, осознав, что побег не удался, перестал сопротивляться и ухмыльнулся. Дилан поднял его еще выше и посадил себе на плечи.

– Тебе не кажется, что ты для этого слишком большой? Твои девятые именины уже не за горами.

– Но мне нравится сидеть у тебя на плечах, – возразил Фрит.

– Что ж, если так ты не будешь путаться под ногами, то уж ладно, сиди. – Дилан повернулся к Корбану. – Пойдем с нами? Жду не дождусь, когда наконец увижу ярмарку.

– Нет, спасибо. Я только что оттуда.

– Хорошо, Бан. Но ты ведь придешь на обряд?

Корбан кивнул.

– Отлично. Тогда и расскажешь мне о своем падении.

Внезапно Дилан вскрикнул: Фрит схватил его за уши и с силой потянул.

– Ты чего творишь-то?

– Ты – мой конь. Вперед! – крикнул Фрит и снова потянул Дилана за уши. Тот схватил племянника за руки и пустился рысью за телегой, попрощавшись с Корбаном.

Корбан потряс в воздухе кулаком, едва сдерживая смех, и Фрит улыбнулся ему в ответ.

Долгое время Корбан сидел неподвижно на Ивушке, провожая взглядом телегу, и думал, чем бы заняться. Но потом его взгляд упал на Баглун, и, цокнув языком, мальчик поехал вниз по дороге.

Глава 4. Эвнис

Эвнис взял мех с медовухой, что протянул ему его ловчий Хельфах, откупорил его и сделал глоток, ощущая во рту сладость меда. От хмельного духа по телу разлилось тепло.

– Хороша, а? – спросил Хельфах.

Эвнис в ответ лишь неопределенно хмыкнул. Его ум занимали более важные мысли, нежели качество выпитой им медовухи. Много лет прошло с тех пор, как он присягнул на верность Азроту и стал сообщником Рин, королевы Кэмбрена. Как же высоко он поднялся, став советником Бренина, короля всего Ардана! Та ночь в Темнолесье казалась событием из другой жизни – внушающим ужас, но в то же время пьянящим. Сейчас Эвнис ощущал нечто подобное: в нем смешались чувства страха и радостного предвкушения, когда перед глазами возник призрак клятвы, что он принес в прошлом.

Они сидели в лощине в южной части Баглунского леса, почти в дне езды от Дун-Каррега. Южнее от них поросшую вереском пустошь вытаптывало большое стадо туров: от топота их копыт сотрясалась земля. Над стадом зависло облако пыли, наблюдая за ним словно огромный хищник.

– Да где же он? – пробормотал Эвнис.

Хельфах поднял взгляд, прикрывая рукой глаза.

– Ты сказал, что вы договорились встретиться в солнцевысь. Он должен быть здесь с минуты на минуту.

– Терпеть не могу ждать, – прорычал Эвнис. Он хотел вернуться домой к своей жене, Фэйн. Ей нездоровилось, и она нуждалась в нем. Его снедало беспокойство.

Хельфах ухмыльнулся. Они сидели в тишине, передавая друг другу мех с медовухой. Внезапно лошадь Эвниса подняла голову, подергивая ушами.

– Там, – указал Хельфах пальцем.

Меж деревьев, явно двигаясь в их сторону, мелькнула какая-то тень.

– Накинь капюшон, – посоветовал Эвнис и накиннул свой, чтобы скрыть лицо.

Тень приближалась. Эвнис поднялся на ноги и двинулся ей навстречу. Незнакомец был высок, в руке его был зажат снятый с тетивы лук, а лицо покрывала сеть морщин. И этот холодный взгляд... Эвнису показалось, что мужчина выглядит старше, чем на самом деле.

– Это тебе, – протянул мужчина кожаный футляр.

Эвнис вытащил пергамент, сломал восковую печать и молча прочел его содержимое. Дочитав, он скривился, свернул пергамент и спрятал его в складках накидки.

– Твоя цель – дом, что находится к северо-востоку от Баглуна, – сказал он, – на холме за рекой. Огорожен частоколом.

– Это недалеко от Дун-Каррега?

– Да.

Мужчина хмыкнул:

– Сколько?

– Семья. Шесть человек.

– Сколько способных держать в руках меч?

– Двое мужчин и мальчишка, что с недавних пор занимается на Рябиновом поле. Остальные – женщины и ребенок.

– Баб и малолеток я убивать не стану.

Эвнис прищурился:

– Брейт точно выбрал для дела подходящего человека?

– Пока что он не жаловался.

Эвнис пожал плечами.

– Займись этим сегодня вечером. В крепости сегодня свадьба, поэтому, если тебе потребуются мертвые тела, чтобы донести свою мысль, придется дожидаться, когда семья вернется домой. Сделай так, чтобы их дом полыхал.

– Будет сделано, – хмыкнул мужчина и двинулся обратно в лес.

– Мы здесь закончили? – спросил Хельфах.

Эвнис вытащил из-под накидки пергамент и перечитал:

Приветствую тебя, уверовавший. Брейт сейчас занял выгодное расположение, сулящее большие возможности. Распорядись его людьми с толком. Уведи Бренина подальше от его логова и сделай это как можно скорее. Время подходит. По поводу того, с чем ты ко мне обратился. Если целители ничего не смогут сделать с болезнью твоей жены, ты должен воспользоваться силой земли. Найди книгу. Ты знаешь, где она. Найди дверь – найдешь и книгу. Утас говорит, что она тебе поможет, хотя твою жену не спасет ничего, кроме котла. Приведи ее к нему, если сможешь. Помни, зачем ты это делаешь. Помни свою клятву.

Эвнис прокашлялся и сплюнул, затем зажег свечку и поднес к ней письмо.

– Нам лучше вернуться, – сказал он, запрыгивая в седло. – Если я не вернусь к обряду, Алона заклеят меня изменником и потребует, чтобы Бренин меня казнил.

«Изменником, – подумал Эвнис. – Если бы она только знала, насколько меня пропитала измена».

Хельфах фыркнул.

– Пусть попробует, сучка. Бренин-то послушает твоего совета?

– Да, но он прислушивается и к ней, и даже больше. А она ненавидит меня и всегда будет винить в смерти своего брата Рагора.

«И есть за что», – подумал он.

Молча они выехали из лощины, минуя отдельно стоящие деревья, и двинулись по дороге к Дун-Каррегу. Ветер дул Эвнису прямо в лицо, но мысленно мужчина то и дело возвращался к письму. «Время подходит... помни свою клятву». Как можно ее забыть? «Сделать Рин верховной королевой, вызвать Войну Богов и позволить Азроту вернуться в мир во плоти». Он скривился. Неужели действительно прошло восемнадцать лет с той ночи в Темнолесье? Иногда произошедшее казалось просто сном. Иногда хотелось, чтобы это и правда *был* сон. Многое тогда казалось проще.

«Дойти до конца, – твердил он себе. – У тебя нет выбора».

Его мысли вернулись к Фэйн, что они имели обыкновение делать спустя определенное время.

«Одно я знаю точно. Я должен найти эту книгу».

Глава 5. Корбан

Чем ближе Корбан подъезжал к реке, тем ровнее становилась земля под ногами. Посмотрев направо, он увидел закол для семги.

Он взглянул на деревья, обрамляющие противоположный берег: они быстро сгущались и переходили в лес. Корбан ощутил прилив радостного волнения – оно всегда охватывало его, когда он приходил к Баглуну.

Разбрызгивая воду и стуча копытами о камни, пони Корбана пересек реку, и мальчик отправился напрямик в объятия леса.

Великаний тракт убежал в чащу Баглуна. Дорожные камни были скользкими от покрывающего их мха. Сплетения ветвей над головой почти не пропускали свет, погружая все вокруг в сумрак. Корбан чувствовал, как улучшается его настроение в тени леса.

Он позволил пони идти с той скоростью, с какой тому захочется, а сам тем временем воображал себя великим охотником вроде Мэррока, преследующим шайку разбойников, что пришли из Темнолесья на северной границе королевства. Эту историю он слышал от отца. За работой Таннон любил поговорить и поведал сыну немало рассказов о Землях Изгнанников – материке, на котором они жили. Также он рассказывал о королевстве Ардан: о том, какое оно *сейчас*; о размолвке между королем Бренином и Оуайном, королем соседнего государства Нарвон; о резком увеличении числа разбойников в Темнолесье, что разделяло два королевства. Таннон рассказал о шайке таких людей, совершающих набеги на земли Ардана: они сжигают жилища крестьян и грабят путников на большой дороге. Он говорил, что, возможно, они направляются в Баглун.

Осматриваясь, Корбан представил себе беззаконников, затаившихся в засаде за деревьями, – и глаза у него широко распахнулись, внутри все сжалось. Да только у кого хватит ума разбить лагерь в поле видимости крепости самого Бренина?

«Здесь нечего бояться».

Деревья становились все гуще, а пространство между деревьями занимал колючий кустарник. Немного впереди великаний тракт выходил на прогалину, где солнечный свет покрывал землю пестрыми пятнами, пробиваясь сквозь редкую сень леса. Корбан поспешил туда. Поляну устилал ковер из колокольчиков, что опоясывал камень клятвы.

Он возвышался над поляной – цельный кусок темного камня, испещренный рунами, написанными на давно забытом языке, – еще одно напоминание о великанах, когда-то живших здесь. Камень до сих пор использовался для торжественных обрядов и церемоний, но официально здесь ничего не проводилось с тех пор, как Бренин принял меч своего отца, став королем Ардана, а это случилось лет пятнадцать назад. От этого места веяло стариной и уединением. Корбану здесь нравилось.

Он слез с пони и подошел к камню. Сегодня он выглядел иначе: камень покрывали *влажные* темные подтеки, что тонкой струйкой сочились из глубоко выдолбленных рун. Он вытянул руку и дотронулся до камня. Внезапно поляну накрыла тень, тучи заслонили солнце, и Корбан поежился. Убрал руку с камня и увидел на кончиках пальцев что-то красное. *Кровь?*

Сердце билось в груди словно бешеное, а в ушах звенело. Затем его взор застелил туман – и он упал.

* * *

Проморгавшись, Корбан пришел в себя и осмотрелся.

Он лежал на той же поляне с камнем клятвы, о который продолжал опираться, но что-то его смущало. Что-то было не так. Все вокруг побледнело, будто из мира высосали все краски. Он поднял взгляд. В небе, словно море во время шторма, бурлили темные облака. А вокруг было так тихо. *Слишком* тихо. Не пели птицы, не жужжали насекомые, не было слышно никаких привычных звуков леса – только ветер свистел меж ветвей деревьев.

Он вдруг услышал шаги; хруст лесной подстилки казался таким громким в окружающей тишине. Из зарослей вышел человек с мечом на поясе, одетый в выдавшую виды накидку. Увидев Корбана, он остановился, склонил голову и двинулся в его сторону.

– Я тебя искал, – сказал мужчина, присев перед Корбаном.

Корбан не мог определить, сколько ему лет. Вокруг его глаз и рта были видны морщины, нижнюю часть лица скрывала короткая борода. У него были темные волосы с небольшой проседью. Затем Корбан взглянул ему в глаза: те были желтыми, как у волка, и в них читалась старость. Нет, не старость. *Древность*. И мудрость.

– Зачем? – спросил Корбан.

Мужчина улыбнулся тепло и дружелюбно, и Корбан почувствовал, как его лицо расплывается в ответной улыбке.

– Мне нужна помощь. Надо тут выполнить одну задачку, а в одиночку не с руки.

Из кармана накидки он вынул яблоко, поразительно красное на фоне поблекшего мира, и укусил его за истекающий соком бок. Ногти у мужчины были обломанные, все в трещинах, с въевшейся грязью.

– Но почему я? – пробормотал Корбан.

– Ясный ум, – отметил мужчина, вновь улыбаясь. Пожал плечами. – Это будет сложная задача. Опасная. Далеко не каждый сможет мне помочь. – Он сделал долгий и глубокий вздох, прикрыв глаза. – Но в тебе что-то есть. Что-то особенное. Я чувствую.

Корбан хмыкнул. Он никогда не ощущал себя особенным, и никто никогда не говорил ему ничего подобного. Никто – кроме мамы, разумеется.

– Что за задача?

– Мне нужно кое-что найти. Давай покажу, – сказал мужчина и прикрыв глаза Корбана рукой...

...Корбан стоял посреди каменной комнаты, арочные окна которой в свете факелов казались черными. Будто тьма снаружи поглощала весь свет.

В центре комнаты находился огромный котел – приземистая машина из чугуна, широкая и выше человеческого роста. Внезапно из котла вырвался крик – и эхом разнесся по комнате. Он становился все выше и звучал так, будто кто-то испытывал нестерпимую боль. Корбан зажал уши, но крик тут же прекратился – и опустилась тишина, прерываемая лишь потрескиванием огня в факелах. Из котла высунулись бледные пальцы и, ухватившись за его черную стенку, подняли из сосуда тело и перекинули его через чугунный борт. Тело медленно поднялось на ноги: это был мужчина, одетый в свободные штаны из шерсти, его темные волосы были распущены – за исключением воинской косички, что лежала на широких плечах. Кожа была бледно-серой, тонкой и туго натянутой, а под ее поверхностью *что-то* шевелилось, будто пытаясь выбраться наружу. Все тело мужчины фиолетовой паутиной покрывали выпирающие вены.

Он обернулся и посмотрел на Корбана.

Его глаза были черны как ночь – ни зрачков, ни белков в них не наблюдалось – и пристально смотрели на него. Лицо скривилось в наводящей ужас улыбке, а из уголка рта сочилась кровь. Она медленно собралась в каплю и тяжело упала на пол.

Корбан отступил на шаг. Мужчина, повторяя за ним, сделал шаг вперед. Корбан хотел было уже развернуться и бежать, но вдруг замер, почувствовав, что за его спиной кто-то стоит. Он приказал себе повернуться, но тело не слушалось; волосы на загривке встали дыбом.

Существо рядом с котлом тоже остановилось – и, когда черные глаза увидели то, что стояло за спиной у Корбана, его лицо скривилось. За собой мальчик ощутил движение. Краем глаза увидел два больших покрытых белыми перьями крыла, что вытянулись подле него. Существо перед ним состроило гримасу и подняло руки, будто пытаясь защититься от неминуемого удара. Зашипело, запрокинуло назад голову и завывло громким пронзительным голосом. Корбан взглянул на крылья и почувствовал, как тревога и страх его отпускают, а на их место приходит ощущение покоя, хотя существо перед ним продолжало неистово выть. Комната медленно растворялась перед глазами Корбана, и скоро все окутала уже знакомая темнота...

...Вздыхнув, Корбан резко распахнул глаза. Спина взмокла от пота. Он потряс головой, пытаясь прогнать нечеловеческий вой из сна. Ивушка топала копытом по земле, разрывая комья дерна. По мере того как сознание Корбана покидали остатки сна, он начал понимать, что вой не прекратился, а, наоборот, стал яснее и четче и сменил тональность. Внезапно он осознал, что Ивушка тоже его слышит.

Мальчик подскочил на ноги и попытался успокоить животное. Ивушка фыркнула, но постепенно утихла, несмотря на продолжающийся разноситься по лесу вой. Корбан замер на мгновение и прислушался.

– Кто бы это ни был, – пробормотал он, – он *напуган*.

Корбан еще немного погладил пони по шее, затем принял решение и повел его туда, откуда доносился вой.

За пару мгновений лес превратился в сумеречный мир. Ветви деревьев свисали слишком низко, чтобы ехать верхом на Ивушке, но он легко маневрировал меж деревьями. Корбану приходилось смотреть под ноги, потому как по земле стелились ползучие растения, в которых его ноги то и дело норовили застрять.

Путь сплошь и рядом пересекали мелкие ручейки, а земля под ногами стала пружинить. Копыта Ивушки издавали чавкающий звук, то проваливаясь во влажную почву, то освобождаясь из ее плена.

«Надо бы вернуться», – подумал Корбан. Дилан предупреждал его о смертельной опасности, что несут в себе Баглунские топи. Вначале они кажутся твердой землей, но не успеешь оглянуться, как затянут тебя и прикончат. Он остановился. Кто-то снова завыв, и источник звука находился довольно близко.

«Еще немного».

Только он сделал шаг вперед, как вой неожиданно прекратился.

Корбан обошел непроходимое скопление деревьев, локтями пробил себе путь сквозь красный папоротник и резко остановился.

Не более чем в двадцати шагах он увидел голову и плечи волчня, торчащие из земли. Его клыки сверкали, каждый длиной с предплечье мальчика и острый как кинжал. Корбан не верил своим глазам. Волчнии были грозными созданиями, что всегда охотились в стаях. Если верить сказаниям, их разведением занимались великаны кланы во времена Войны Сокровищ. Они были похожи на волков, но крупнее, сильнее и умнее. Однако здесь их редко можно было встретить – звери предпочитали южные земли Ардана, покрытые густыми лесами и обширными болотами, где водились туры. На мгновение мальчик и волчень уставились друг на друга, но тут зверь сомкнул челюсти, а вокруг его пасти проступила пена. Одна из его лап вяло поскребла землю. Животное было на грани смерти, выглядело слабым и изможденным. Раздалось чавканье, и зверь погрузился еще глубже в землю, будто кто-то потянул его за задние лапы. Земля вокруг волчня, заросшая все теми же ползучими растениями, казалась достаточно твердой, но Корбан знал, что животное попало в один из коварных Баглунских зыбунов.

Он стоял молча, не зная, что делать дальше. Присев на колени, Корбан посмотрел на серую с белыми подпалинами голову зверя, вымазанную черной грязью.

– Что мне делать? – прошептал он. – Ты меня съешь, даже если я смогу тебя вытащить отсюда.

Зверь смотрел на него глазами цвета меди.

Корбан осмотрелся, поднял с земли длинную ветку, бросил ее перед собой и начал осторожно двигаться вперед под неодобрительным взглядом Ивушки. Внезапно ветка ушла под землю, а вместе с ней, прежде чем он успел опомниться, и его левая нога по колено. На мгновение его охватило смятение, и он попытался вытащить ногу, но грязь сковала его в своих плотных объятиях. Корбан отклонился назад и медленно высвободил из чавкающего плена стопу, покрытую отвратительной черной жижой. Он упал на спину.

Весь мокрый от пота, какое-то время он просто лежал. Что-то булькнуло, Корбан поднял голову и увидел, что волчень погрузился еще глубже. Мальчик встал и подошел к Ивушке, неожиданно осознав, что должен сделать, но в то же время понимая, что это глупо. Он погладил Ивушку и увидел белки ее глаз. Пони был готов пуститься наутек. Когда он немного успокоился, Корбан добыл из седельной сумки веревку, привязал один ее конец к седлу и медленно подвел Ивушку к краю болота. Мальчик сделал петлю на другом конце веревки, как его учила Кивэн, и бросил ее в сторону зверя. Со второй попытки он накинул петлю зверю на голову и плечо. Бережно поднял веревку и очень медленно потянул. Веревка натянулась и держалась крепко. Он повел пони прочь от болота. Веревка трещала, дрожала от натяжения, все остальное взяла на себя Ивушка. Волчень скулил, кусал воздух тем яростнее, чем сильнее веревка впивалась в кожу, затем с громким чавканьем начал выходить из трясины. Ивушка сделала шаг вперед, затем еще один... и вскоре зверь уже лежал на боку на краю болота, весь в грязи и тяжело дыша. Он пошатываясь поднялся на ноги, голова его была опущена.

Глядя на волчню, Корбан не мог удержаться от восхищения, несмотря на то, что тот был весь облеплен жижой. Стоя, он оказался немногим ниже Ивушки, его мех был окрашен в тускло-серый цвет, испещренный белыми полосами. Он медленно поднял голову и легким движением челюстей перекусил веревку. Затем он завыл. Ивушка заржала, встала на дыбы и понеслась прочь. Корбан же не мог пошевелиться и как зачарованный смотрел на длинные изогнутые клыки волчню.

Корбан ощутил чье-то присутствие, заметил движение в тени. В темноте мерцали глаза – множество глаз.

«Его стая пришла, – подумал Корбан. – Я – труп».

Волчень, которого он спас, неторопливо двинулся в сторону мальчика, в области его шеи и плеч выступали развитые мышцы. Живот покачивался из стороны в сторону в такт движениям – полный и тяжелый.

– Так ты беременна, – прошептал Корбан.

Самка волчню обошла вокруг него, остановилась прямо перед его лицом и уставилась на него своими глазами медного цвета. Затем она сделала глубокий вдох и, сопя, ткнулась мордой ему в пах. Корбан подавил желание отпрыгнуть назад, зная, что его жизнь висит на волоске. Животное подняло голову, продолжая его обнюхивать, провело носом по животу, шее, нижней челюсти. Горячее дыхание обжигало, а в нос бил запах мокрой шерсти. Он ощутил, как волчениха ткнулась в него мордой, почувствовал на своей коже холодные твердые зубы. Мочевой пузырь отпустило. Затем зверь отступил на шаг, повернулся и ускакал прочь, скрывшись под сенью леса.

Глаза в тени исчезли вместе с ней, и Корбан судорожно выдохнул, падая обратно на землю.

«Что я только что сделал?»

Он полежал еще немного на влажной земле в ожидании, пока не успокоится бешено колотящееся сердце, затем поднялся на ноги и пошел прочь от болота. Лес выглядел другим, еще более темным. Идти было тяжело – постоянно приходилось смотреть под ноги, чтобы не осту-

питься о заросли ползучих растений, словно ковер устилающих землю. Прошло еще некоторое время, прежде чем он осознал, что не видит ни одного из тех маленьких ручейков, через которые переступал ранее. Топнул ногой о землю – та больше не пружинила, под слоем лесной подстилки ощущалась твердь.

– О нет. – Он лихорадочно смотрел по сторонам в поисках хотя бы чего-то знакомого, но не нашел ничего. Сквозь ветви деревьев проникал лишь рассеянный свет, не давая никакого представления о том, где сейчас находится солнце. Сделав глубокий вдох, он продолжил путь.

«Просто нужно двигаться дальше, – подумал он. – Нужно найти ручей, который приведет меня обратно».

Он содрогнулся, пытаясь обуздать постепенно захватывающую его тревогу. Корбан прекрасно знал: на то, чтобы пережить ночь в лесу, нечего и рассчитывать, а чтобы найти выход, нужен был ясный ум.

«Просто продолжай идти, – сказал он себе, – и надейся, что не уходишь глубже в лес».

Он ускорился, постоянно переводя взгляд с земли под ногами на выбранный им путь и обратно.

Когда мальчик наконец решил остановиться, его ноги совсем устали, а пальцы онемели. У него было такое чувство, точно он шел целую вечность, но так и не нашел ручей. Осмотревшись, он выбрал высокий вяз и начал на него взбираться. Чем выше он поднимался, тем реже ему встречались ветки и тем больше было расстояние между ними. Наконец он добрался до места, откуда не мог дотянуться до следующей ветки даже встав на цыпочки.

«Если смогу добраться до верхушки, то увижу Дун-Каррег. Тогда я по крайней мере буду знать, куда нужно идти».

Охваченный отчаянием, он слегка присел и подпрыгнул. Обеими руками ухватился за ветку, на которую целился, и некоторое время висел на ней, покачиваясь. Но тут его кисть соскользнула. Он завертелся, отчаянно пытаясь ухватиться, но не удержался и упал. Во время падения потерял сознание, ударившись о пару веток, и пришел в себя лишь уже на земле. Со стоном присел – и тут услышал тихий звук. Он был далеко, но лес по большей части хранил молчание, не позволяя потревожить покой даже порыву ветра. Корбан напряг слух, практически уверенный в том, что слышал голос, чей-то зов. Он подскочил на ноги, забыв про усталость, и побежал. Когда остановился, мгновение слышал лишь тишину, которую снова нарушил голос. Он звучал намного ближе и выкрикивал его имя.

– Ау! – крикнул он в ответ, сложив руки вокруг рта, чтобы усилить голос. Бросился бежать, продолжая выкрикивать. Вскоре увидел высокого человека, скрывшегося за деревом, который вел за собой двух лошадей – большую пегую и пони. Человек прихрамывал.

– Гар! – воскликнул Корбан и сломя голову понесся навстречу. Бросился обнимать управляющего конюшен, а по лицу между тем текли слезы. Поначалу мужчина стоял неподвижно, словно статуя. Затем он неловко приобнял мальчика в ответ и похлопал его по спине.

– Что ты здесь делаешь? – спросил Корбан дрожащим голосом.

– Тебя ишу, дурачок. Ивушка всегда найдет дорогу домой, даже если ты ее забудешь, – ответил Гар, отступив на шаг, чтобы осмотреть Корбана. – Что с тобой произошло? Когда мы виделись в последний раз, ты уже выглядел неважно, но сейчас...

Корбан взглянул на себя – всего чумазого, исцарапанного и с дырками в накидке и штанах.

– Я был... – начал Корбан, но осекся, понимая, что дальнейший рассказ прозвучит глупо. – Я просто хотел побыть в тишине, в одиночестве... – пискнул он робко, не отрывая взгляда от земли. – И заблудился. – Выражение лица Гара дало ему понять, что рассказать сейчас о волчении – не лучшая идея.

Управляющий конюшен посмотрел на измазанного грязью мальчика, потянул носом и глубоко вздохнул:

– Скажи спасибо своей сестре. Когда Дат рассказал ей о вашей стычке с Рэйфом, она настояла на том, чтобы я тебя нашел.

– Так она знает, – сказал Корбан, и у него поникли плечи.

– Да, парень, но забудь сейчас об этом. Поедем домой. Если будешь за мной поспевать, то мы должны успеть к началу церемонии. По крайней мере, не получится так, что я спас тебя только для того, чтобы твоя мама тебя убила.

– Она все равно меня убьет, – протянул Корбан, глядя на свою рваную накидку.

– Что ж, пойдем выясним. – Гар развернул свою лошадь и поскакал прочь.

Глава 6. Верадис

Верадис согнул плечи, пытаясь поправить кольчугу. Она натирала кожу несмотря на льняную рубаху, поверх которой была надета. Оттого, что он ехал верхом, поспевая за находившимся в десяти шагах от него Натаиром, было только хуже.

«Нужно было надевать ее чаще», – подумал Верадис. Однако в кольчуге ему было неудобно.

В Рипе кольчуга имелась только у нескольких воинов: конечно же, у его брата Крелиса и у их отца. Также у Альбена, оружейного наставника крепости, и двух-трех сыновей местных баронов. Те пару раз, что он *надевал*-таки кольчугу, ощущались иначе: он чувствовал себя отличным от других. Верадис был сыт по горло этим чувством и не хотел еще сильнее его раздувать. Поэтому кольчуга по большей части не покидала пределов его комнаты.

Как бы то ни было, он ее оберегал. Во многом из-за того, что эта кольчуга была подарком Крелиса на окончание его Долгой ночи, своего рода последней печатью на его испытании воина, когда он перестал быть мальчиком и стал мужчиной. Другой причиной были слова брата:

– Кожа поможет при слабом или скользящем ударе, но эта штука спасет тебя от сильного. Обращайся с ней как с лучшим другом.

Вот он и обращался. Каждый вечер Верадис вытаскивал ее из деревянного ящика, смазывал, чистил, затем складывал и убирал обратно.

Аквилус одобрил просьбу Натаира и позволил ему возглавить отряд, задачей которого было сорвать встречу Ликоса, самопровозглашенного короля пиратов. Из-за этого Верадис провел в Джеролине только две ночи, после чего снова оказался в седле.

Он посмотрел через плечо. Верадис ехал практически во главе небольшой колонны по три ратника в ряд. Всего их было восемь десятков, но только половина из них являлись членами новоиспеченной дружины Натаира. Остальные были из орлиной стражи Аквилуса. На их присутствии настояла Фиделе, мать Натаира.

По сторонам от Натаира ехали его сподвижники: по левую руку был Раука, третий сын местного барона, приятный добродушный парень, отлично владеющий оружием; по правую руку – Бос, сын одного из орлиных стражей Аквилуса, с толстой шеей, широкими плечами и узловатыми, словно ветви дуба, руками.

Они быстро продвигались на юг от Джеролина, преодолевая лигу за лигой по волнистым лугам, иногда прерываемым лесной порослью, и сейчас, три ночи спустя, Верадис увидел горы, которые лежали примерно на середине их пути, торчащие из земли словно изогнутая спина иссохшего и сгорбленного старика.

– Верадис, – позвал его Натаир.

Верадис прищипил коня и нагнал Натаира.

– Мы так до сих пор и не поговорили, хотя я обещал, – добродушно улыбнулся Натаир.

– Вы были заняты, милорд, – ответил Верадис.

– Нет-нет. Никаких «милордов». Помнишь, что я тебе сказал по этому поводу?

– Простите, мил... – начал было Верадис, но осекся на полуслове.

Натаир усмехнулся.

– Я рад, что ты в моем отряде. Нас пока немного, но будет больше.

– Так точно.

– А ты, как я слышал, лучший мечник Рипы. Прекрасное дополнение к моему отряду.

Верадис всхрипнул.

– Кто...

– Твой брат. Я успел с ним переговорить перед его отъездом. Он очень лестно отзывался о тебе и о твоих способностях.

Верадис вздохнул, и по его лицу скользнула тень улыбки.

– Твой отец, должно быть, очень тобой гордится, – предположил Натаир.

Верадис хмыкнул. Открыл рот, но не смог придумать, как на это ответить.

– Так точно, – в итоге пробормотал он.

– Крелис. Его любят. *Тяжко* было расти в его тени?

Верадис нахмурился, но ничего не ответил.

– Прости, если лезу не в свое дело, – сказал Натаир, – это я так, из праздного любопытства.

Верадис пожал плечами. По правде говоря, ему было тяжело, учитывая, что его отец, по его собственным ощущениям, всегда отмечал и хвалил только Крелиса. Другого брата, Эктора, это не волновало – его заботили только книги. Но для Верадиса такое отношение было сродни ножу, который загоняли все глубже и глубже в его плоть. Однако он любил Крелиса, крайне редко на него за это обижался, да и тогда это чувство уходило так же быстро, как и приходило. Если кто-то и был виноват, то это отец. Он снова пожал плечами.

– Иногда, – признался он.

– Я кое-что об этом знаю, – тихо сказал Натаир. – Каково это – расти в тени кого-то другого.

Бросив взгляд на принца, Верадис заметил, что у него покраснели глаза, а под ними залегли тени.

– Вы в порядке? – спросил он.

– Что? А, ничего страшного, – ответил Натаир. – Не выпался просто – вот и все. Сны дурные замучили.

Некоторое время они ехали молча; их путь пролегал по лесным просторам, покрытым белыми цветками дремы. С веток, потревоженная шумом проходящего отряда, вспорхнула стайка лесных жаворонков.

– Видел всадников, что выехали из Джеролина перед нами? – внезапно спросил принц.

– Да, видел. – В день, когда Верадис готовился к этой поездке, крепость покинуло более двух десятков воинов – все с дополнительными лошадьми и запасами для долгого путешествия. – Я подумал, что это, возможно, связано с возвращением Мейкала – он ведь советник твоего отца, правда?

– Да, он действительно сыграл определенную роль. – Принц на мгновение нахмурился. – Всадники – это гонцы. Отец созывает на совет всех королей Земель Изгнанников.

– *Всех?*

– Да. Гонцы посланы во все земли.

– Но зачем?

– Об этом мне нельзя говорить. По крайней мере, пока. Обо всем расскажет отец на совете.

– А они приедут? Короли всех земель?

– Должны. Мой отец – верховный король, – сказал Натаир.

– Возможно. – Верадис скривился. Аквилус действительно *был* верховным королем, хотя по большей части от слов остался лишь титул. Много поколений назад, когда Изгнанников выбросило на берег и они начали войну с великаными кланами, был лишь один король – Сокар. Когда над великанами одержали победу и Земли Изгнанных заселили люди, то все преклонили перед ним колена. Но это было давным-давно. Появились и выросли новые державы, и сейчас в Землях Изгнанников было много королей, но все они до сих пор признавали владычество главы Тенебрала, кто являлся потомком первого короля. По крайней мере, так дело обстояло согласно изначальной задумке.

– Отец говорит, что приедут, – пожал плечами Натаир. – Между нами говоря, не думаю, что это так уж важно. – Он наклонился ближе и продолжил более тихим голосом: – Слышал, что

великаны камни *кровоточат*? – Он улыбнулся, казалось, в радостном предвкушении. – Мы живем в великое время, Верадис, когда, я думаю, нам очень понадобится твое прославленное умение владеть мечом. Мы на пороге чего-то нового. Поэтому сейчас самое время собирать отряд. Как уже говорилось, я рад, что ты в негоходишь.

Принц обернулся и посмотрел на колонну позади себя.

– Они все хорошие люди: храбрые, верные. Как на подбор. Но ты сын барона. У нас больше общего, понимаешь?

– Да, мило... – начал было Верадис, но вовремя спохватился. – Да, понимаю. И я рад, что я ко всему этому причастен.

Он чувствовал, как в нем пробуждается любопытство, чувствовал, как от слов Натаира у него забурлила кровь. Воодушевление принца было заразным, и впервые за долгое время Верадис ощутил проблеск чего-то глубоко внутри, проникся осознанием собственной важности.

Дни пролетали мимо, а Верадис вместе с отрядом упорно двигались на юг. Некоторое время они придерживались гор, которые до этого видел Верадис, пересекали быстрые вспененные реки, что бежали с высокогорья. Окружающие земли начали меняться, чем дальше позади оставались горы: леса из платана и вяза исчезли, и их сменили бескрайние заливные луга, что в свою очередь становились все реже и суше, выгоревшие и обезвоженные под лучами нещадно палящего солнца.

Со временем они достигли берегов Нокса. Отряд пересек реку по древнему каменному мосту, построенному великанами много поколений назад. Далее они пошли вдоль реки на юг, прокладывая путь по каменистой земле, пока как-то утром, задолго до солнцевыси, Верадис не почувствовал в воздухе привкус соли и не услышал вдалеке крики чаек.

Оркус – командир отряда – поднял руку, и колонна ратников остановилась. Натаир жестом позвал Верадису и Рауку присоединиться к нему.

Принц вместе с орлиной стражей стояли, склонившись над начерченной на свитке картой. Верадис, нахмурившись, наклонился поближе. Он всегда испытывал трудности с толкованием карт и уж точно не любил их, в отличие от своего брата Эктора, который мог днями и ночами просиживать в книгохранилище Рипы, согнувшись над многочисленными пергаменами. Некоторые из них отображали границы земель великанов во времена, когда Земли Изгнанников находились под их управлением, еще до прибытия самих Изгнанников.

– Мы находимся здесь, – ткнул Оркус в точку на карте у побережья.

– Да, – подтвердил Натаир. – А это, похоже, указатель, о котором говорил заключенный вин-талунец. – Принц указал на высокий кедр: его ствол раскололся и обуглился от попавшей в него молнии. – Если он сказал правду, эта встреча должна произойти в лиге на восток от этого дерева.

– Вот и увидим. – Оркус наскоро свернул карту и убрал ее в кожаный футляр.

– Сообщите воинам, что мы почти у цели, – велел Натаир Верадису и Рауке.

Оба поскакали в конец колонны, выполняя поручение принца. Натаир махнул рукой, отряд повернул за ним на восток и пошел вдоль ручья.

Вскоре они оказались на пустынной земле, где взору представали пологие холмы, острые края скал и выжженные солнцем извилистые долины. Натаир остановил их уже после солнцевыси, когда стало безжалостно жарить ослепительное белое солнце.

– Дальше пойдем пешком, – провозгласил Натаир, и восемь десятков ратников спешили под клацанье доспехов и упряжи. Дюжина осталась охранять лошадей, остальные взяли направление на цепочку пологих холмов.

Верадис вытер пот, что застилал глаза, и отпил из своего меха с водой. В отличие от большинства, ему к жаре было не привыкать. Его родной город, Рипа, находился восточнее по побережью, почти на том же расстоянии от юга, что и отряд Натаира сейчас, поэтому их погодные условия совпадали. Единственное, чего не хватало, так это постоянного ветерка со

стороны бухты – в Рипе он, похоже, никогда не стихал. Здесь же ничего подобного не было, и жара ощущалась гораздо хуже. Она душила, вызывала жжение в носу и горле при каждом вдохе.

Они поднимались на холм, выстроившись в длинную цепочку за Натаиром и Оркусом. Гвозди, на которых держались кожаные подошвы сандалий Верадиса, постоянно скрежетали о разбросанные по земле камни. Предводители остановились, склонив головы. Оркус указал маленькому отряду рассеяться свободной дугой и лишь затем взбираться на холм.

Верадис оперся на свое копье, как на посох, поправил щит, висящий на спине, в более удобное положение и медленно двинулся вверх вслед за Натаиром. Прежде чем достигнуть вершины холма, принц лег на живот и остаток пути проделал ползком. Отряд последовал его примеру, и вскоре они оказались на краю длинного горного хребта: Верадис – по одну сторону от Натаира, Раука – по другую. Верадис осторожно глянул через край.

Перед ним был крутой спуск, длиной в сорок, от силы пятьдесят шагов, а затем земля выравнивалась. Плоскую каменную поверхность рассекал ручей, на берегу которого кучковались несколько тощих лавров.

Перед деревьями, в тени огромного булыжника, стоял человек. Это был старик, судя по седым волосам, зачесанным назад и аккуратно собранным при помощи кожаного шнурка у затылка. Он сидел на корточках у костра, из которого вырывался сноп искр каждый раз, когда мужчина ворошил палкой горящие поленья. Над костром что-то скворчало. Мужчина напевал под нос какую-то мелодию. Позади него, слева от лавров, находился раскрашенный в яркие цвета шатер.

Верадис взглянул на хмурое лицо Натаира, затем перевел взгляд обратно на мужчину.

По всем признакам, он пребывал в одиночестве, хотя однозначно судить об этом было нельзя. Другие могли прятаться за кучей булыжников либо среди лавров. Да и в шатре вполне могла притаиться дюжина-другая воинов.

– Что будем делать? – прошептал Верадис Натаиру.

Принц пожал плечами.

– Ждать, – пробормотал он.

И они стали ждать под палящим солнцем, которое не щадило воинов, что расположились вдоль края хребта. Верадис чувствовал, как медленно за жаривается в своей кольчуге. Старик в ложине продолжал готовить и есть то, что скворчало над костром. Закончив трапезу, он с довольным видом облизал пальцы, отряхнул аккуратно подстриженную седую бороду и помыл руки в неглубоком ручье, после чего посмотрел вверх на горный хребет, где прятался Натаир.

– Вы бы лучше спустились, что ли, – усмехнулся старик. – А то мне к вам туда карабкаться как-то неохота.

Верадис замер, повергнутый в ужас. Он посмотрел на Натаира, который выглядел не менее потрясенным. Старик повторил приглашение, пожал плечами и откинулся на валун у себя за спиной.

– Я спускаюсь, – прошептал Натаир. – Верадис, Раука – со мной. Остальные – ждите здесь. Возможно, он видел только одного человека.

Принц поднялся на ноги и соскользнул по спуску, Верадис и Раука – следом за ним. Верадис осмотрел ложину на предмет затаившихся врагов.

Старик с улыбкой встал, ожидая, пока Натаир подойдет ближе. Позади них слышалось шарканье. Верадис обернулся и увидел, что к ним спускается Оркус.

– Добро пожаловать, Натаир бен Аквилус, – молвил старик и низко поклонился.

Верадис обыскал мужчину – вдруг у него окажется оружие? – но ничего не нашел. От него веяло силой, внутренней энергией, а его оголенные руки выглядели жилистыми, но мускулистыми. Лицо покрывали глубокие морщины, а в глазах плясали золотые отблески, что выглядело *странно*. Неужели его глаза и правда настолько желты, как кажется?

– Король Ликос? – спросил Натаир, останавливаясь в полдюжине шагов от старика. Верадис, Раука и Оркус окружили принца, находясь в шаге от него.

– Я? Ликос? – переспросил мужчина, по-прежнему улыбаясь. – К сожалению, нет. Хотелось бы мне, чтобы это было правдой, завидую его юности и бодрости. Я всего лишь слуга Ликоса. Он просил передать извинения за свое отсутствие.

– Где он? – спросил Натаир, бегло оглядывая камни вокруг себя.

– Ему пришлось задержаться, – ответил старик. – Поэтому он прислал меня.

– А ты кто?

– Я советник Вин-Талуна и Ликоса, короля Трех Островов и моря Тетис, – снова поклонился старик. Оркус фыркнул.

Верадис заметил, что мужчина так и не назвал своего имени.

– А кто такой этот барон, с которым вы должны встретиться? – спросил Натаир.

– А да. – Мужчина подергал короткую бороду. – Вы должны понять, что мы с Ликосом очень хотели встретиться с вами. Встреча с бароном была всего лишь... маленькой хитростью. Это показалось нам наилучшим способом сделать так, чтобы вы точно оказались здесь.

– Что? Но откуда вы знали, что я приеду?

Советник улыбнулся.

– Что ж, все знают, что Перитус, первый меч вашего отца, руководит походом против великанов и что он увел большую часть войска Джеролина в Агульские горы. Его вычеркиваем. Так как под подозрение попал один из баронов вашего отца, Аквилус вряд ли отправил бы кого-то из *них* на выполнение данного задания – это было бы просто глупо. Кто еще остался из тех, кому можно доверять? И ни для кого не секрет, что вам, хм, *давно пора* возглавить отряд.

Натаир помрачнел, и его лицо налилось румянцем.

– То есть это все, – обвел он рукой лошину, – всего лишь уловка?

– Именно так, хотя я назвал это иначе. Как я уже говорил, мне очень хотелось встретиться с вами.

– Зачем?

– А вот *это* очень хороший вопрос. Сразу к цели, – похвалил старик. – Вопрос, который нуждается в подробном ответе. Возможно, нам следует переместиться в шатер? Там есть стулья, вино и фрукты. Условия гораздо более подходящие для долгого разговора.

Натаир все хмурился, подозрительно прищутив глаза.

– Пока не готовы, – пожал плечами советник. – Вижу, принц, вы мне явно не доверяете.

– Мне кажется, это естественно, – ответил Натаир, – учитывая обстоятельства.

– И вправду, и вправду. Что ж, тогда пока что буду краток. Ликос хочет, чтобы мы достигли взаимопонимания.

– Между нами? – грубо спросил Оркус.

– Между материковым Тенебралом и Островами. Предлагает перемирие, возможно, даже союз.

Оркус фыркнул. Натаир же уставился на советника Ликоса.

– Отец на это никогда не согласится. Он ненавидит вин-талунцев.

– Да, нам известно мнение Аквилуса на этот счет, – сказал советник. – И это отчасти является причиной, почему я разговариваю с вами, Натаир. Но, помимо этого, именно вы – будущее Тенебрала и любого перемирия между нами. Вы.

– Но на престоле сейчас не я, а мой отец.

– Сейчас – да. Но так будет не всегда. – Старик улыбнулся, словно разговаривал со старым другом. – Обычно ведь чем ты старше, тем сложнее тебя переубедить. Иногда для движения в будущее нужна свежая кровь. Мы живем в потрясающее время – уверен, ваш отец это с вами обсуждал. Возможно, *ваши* мнение, *ваши* правление будет достойным.

Натаир фыркнул, но продолжал смотреть советнику прямо в глаза.

– Даже если я соглашусь, что в союзе между нами есть смысл, как я смогу вам доверять? – спросил принц. – Людям, которые годами нападали на тех, кто слабее, жгли, грабили и до сего момента не могли сосуществовать в мире друг с другом?

– И снова мы к этому вернулись, – сдвинул брови советник. – Доверие. Важнейшая основа любых отношений. Я мог бы осыпать вас красивыми словами, обещаниями, но это всего лишь слова. Не думаю, что они смогли бы вас убедить. – Старик сделал шаг к костру. – Возможно, нам необходимо более *наглядное* доказательство доверия.

– Доказательство чего? – спросил Оркус с подозрением в голосе.

– Альцион, подойди сюда, – позвал советник, и из зарослей лавра вышла огромная фигура с черными, заплетенными в косы волосами и ниспадающими усами, что обрамляли обветренное, покрытое глубокими морщинами лицо. Вокруг его мощных рук обвивались клубящиеся синие татуировки – и исчезали где-то под кольчугой. Из-за плеча торчал эфес палаша.

– Великан! – выкрикнул Раука, словно проклятие, и все как один соратники Натаира подняли мечи.

В то же время советник наклонил голову и что-то пробормотал. Внезапно пламя костра взвилось в воздух выше человеческого роста и скакнуло вперед, отрезав Натаира от соратников и оставив его по одну сторону с великаном и советником.

Оркус шагнул вперед к пламени, но тут же отшатнулся – обжигающая струя огня прянула ему прямо в лицо.

Верадис услышал шарканье: то остаток их отряда перепрыгнул через хребет и присоединился к ним. С противоположной стороны пламени он видел мутные фигуры великана, Натаира и советника. Великан вытащил свой громадный палаш и направил его острие на Натаира.

Верадис сделал глубокий вдох и, прикрыв голову щитом, ринулся в полыхающий огонь.

Глава 7. Кивэн

«Где же они?» – подумала Кивэн, проводя ладонью по передней ноге крупного чалого жеребенка, – Гар попросил ее проверить нескольких лошадей в его отсутствие. Хмыкнула, нащупав шишку на нижней части копыта.

– Что такое? – спросила торговка лошадьми и владелица жеребенка.

– Он хромой, – пожала плечами Кивэн и поправила прядь темных волос, выбившихся из-под заколки.

– Что? – Торговка прищурила взгляд и уставилась на Кивэн поверх своего длинного тонкого носа.

– Он хромой, – повторила Кивэн.

Они стояли внутри огороженного участка на лугу, где находились лошади, привезенные на Весеннюю ярмарку. Никогда еще она так славно не развлекалась. Сначала Гар попросил ее помочь ему выбрать и поторговаться за новых лошадей, которых хотел приобрести Бренин. К тому же девушка должна была подсобить ему с уже купленными табунами. Лучшего дня, по крайней мере в ее представлении, было и не придумать. Так оно и было до тех пор, пока она не увидела выражение лица Дата, столь же кислое, как и у лошади, с которой она работала. Он все ей рассказал, но только после того, как Кивэн пригрозила поставить ему синяк под глазом.

«Бедный Корбан! – думала она, то беспокоясь о брате, то злясь на Рэйфа. Почувствовала, как ее охватывает ярость, и представила, как бьет Рэйфа по его надменной морде. – Нет, мама с меня шкуру сдерет, если меня снова поймут за дракой». – А теперь и Гар пропал – сказал, что должен пойти на поиски Корбана. Кивэн начала переживать и за *него* тоже... Она заставила себя переключить внимание обратно на торговку лошадьми.

– А где Гар? – спросила сухоликая торговка.

– Не здесь, – пожала плечами Кивэн. – Сказал, что у него какое-то неотложное дело и что его может не быть весь день. Как я уже говорила, этот жеребенок хромой. Уверена, Гар по-прежнему будет не прочь его купить, но больно уж высокую цену ты просишь. Возвращайся следующей весной, если так хочешь с ним поторговаться.

Торговка нахмурилась, еще немного попричитала, но в итоге взяла то количество монет, что предлагала Кивэн, и церемонно пошла прочь, что-то бормоча себе под нос. Кивэн улыбнулась и похлопала чалого жеребенка по шее.

– Это было замечательно! – раздался голос позади Кивэн. Она испуганно обернулась и увидела высокую грациозную девушку: длинные золотистые волосы обрамляли красивое серьезное лицо.

– Спасибо! – ответила Кивэн. Вдруг она поняла, кто перед ней стоит. – А вы...

– Эдана, – представилась юная принцесса. – А тебя как зовут?

– Кивэн, работаю в конюшнях. Я дочь Таннона, кузнеца.

– Я тебя уже видела в конюшнях, в основном с Гаром. Только не знала твоего имени. Ты очень ловко обошлась с этой торговкой.

Кивэн улыбнулась.

– Жеребенок-то и впрямь хромой. Но это ненадолго. Смотри. – Кивэн подняла переднюю ногу чалого жеребенка и положила копытом вверх себе на колено. Эдана наблюдала за происходящим через ее плечо.

– Гляди сюда. – Кивэн провела пальцем по шишке на мягкой части копыта. – Вот как это делается. – Она надавила кончиком ножа на шишку и аккуратно надрезала кожу. – Эта штука здесь уже давно, кожа огрубела, – объяснила девушка. Кряхтя от напряжения, продолжила осторожно надрезать огрубевшую кожу. Кивэн поставила палец за шишкой и надавила. Раздался хлопок, кожа лопнула – и потек желто-зеленый гной. У жеребенка задрожали мышцы.

Кивэн начала тихим голосом успокаивать его, продолжая давить на шишку большим пальцем, пока оттуда не перестала вытекать жидкость.

– Это отвратительно, – поморщилась Эдана.

– Мы еще не закончили. – Кивэн намочила тряпку в корыте, что стояло рядом, и начала промывать рану. Крепко прижала кончик ножа к месту надреза и с силой надавила большим пальцем с противоположной стороны.

– Вот она, – прошептала Кивэн, вынимая из надреза занозу. Показала длинный шип Эдане. – Теперь с ним все будет в порядке. – Она ухмыльнулась и хлопнула жеребенка по шее.

– Как ты узнала об этой занозе? – спросила Эдана.

Кивэн пожала плечами.

– Гар многому меня научил.

– Это точно.

Вдруг внимание Кивэн привлекла копна светлых волос, что промелькнула за плечом у Эданы, и знакомая самодовольная походка. Рэйф.

– Пригляди за жеребенком, – выпалила она и стремглав помчалась к парню, нырнув под канат, которым был огорожен загон. Пронеслась сквозь толпу и прыгнула Рэйфу на спину. Спутанный клубок из рук и ног с грохотом упал на землю.

– Как тебе это нравится? – крикнула Кивэн, отскочив от парня, чтобы он не смог до нее достать, когда перевернулся на спину. Пнула его в живот, а затем бросилась на него снова, обрушив на парня шквал тумачков. Они катались по земле, Рэйф пытался защититься, пока Кивэн не схватила и не оттащила от противника.

– Отпустите! – кричала она, извиваясь в крепкой хватке Вонна и Крэйна и пытаясь нанести последний удар по лежащему на земле Рэйфу.

– Успокойся, дикарка, – сказал Вонн.

Кивэн продолжала сопротивляться, пока не поняла, что ее не собираются отпускать. Рэйф застонал, повернулся на бок, держась при этом за живот, и неуверенно поднялся на ноги. Он был весь облеплен травой и грязью, волосы торчали в разные стороны, а из носа тонкой струйкой текла кровь.

Вокруг них собралась толпа, кто-то засмеялся. Щеки Рэйфа залились румянцем.

– Девка, ты с ума сошла? – вскрикнул он, утирая нос тыльной стороной ладони. Бросил взгляд на толпу. – Впредь будешь осторожнее. Повезло, что я тебя не поранил.

– Это тебе повезло, – огрызнулась Кивэн. – Повезло, что у тебя есть два телохранителя, всегда готовые прийти на помощь.

– Что за болезнь тебя одолела, – проворчал Рэйф, – что заставляет тебя нападать на невинных людей? Да еще и со спины, как трус.

Кивэн с новыми силами начала вырываться из сдерживающих ее рук, а Рэйф тем временем рассмеялся. Когда девушка все с большим и большим отчаянием пыталась освободиться, шипя и рыча на Рэйфа, его смех подхватила толпа.

– Пожалуйста, прекрати, – сказал Вонн. – А то придется мне попросить Рэйфа сходить за ведром с водой и остудить твой пыл.

– Он... трус... – пропыхтела Кивэн, но прекратила сопротивление. – Рэйф. Он учится военному искусству уже больше года, нападая на тех, кто и ногой не ступал на Рябиновое поле. – Она посмотрела на Рэйфа и яростно крикнула: – Ты еще не начинал учить кодекс воина? Или слишком туп, чтобы его понять?

Лицо Вонна скривилось в улыбке.

– А в ней что-то есть.

Рэйф прищурил глаза.

– Твоему брату нужно было преподать урок. Похоже, с тобой нужно сделать то же самое, – прошипел он, сжимая кулак и сделав шаг в сторону Кивэн.

– *Прекратите!* – раздался голос из толпы. Рэйф остановился, не разжимая кулак, и из толпы вышла высокая стройная девушка. Это была Эдана. Держа спину прямо и со строгим выражением на лице, она прошла сквозь кольцо, сформированное толпой вокруг молодых людей.

– Отпустите ее, – резко бросила она, испепеляя взглядом Крэйна и Вонна.

– Мы бы не причинили ей вреда, – сказал Вонн, отпуская Кивэн. – Просто не хотели, чтобы она избила Рэйфа.

– Она на меня напала, – сообщил Рэйф, облизывая губы. – Ей следует преподать урок.

– Урок? – переспросила Эдана. – Что ж, может быть, но не тебе этим заниматься, Рэйф бен Хельфах. Я слышана об *уроках* твоего отца и не пожелала бы их никому. Даже тебе.

Лицо Рэйфа залилось румянцем.

– Идем, – обратился Вонн к своим друзьям. – Нам лучше отступить. Кажется, мы в меньшинстве. – Он подмигнул Эдане.

– Жаль, – бросил Рэйф через плечо, – у Корбана, в отличие от сестры, нет ни капли смелости. Тогда бы ему не нужно было, чтобы она за него заступалась. – Он ткнул пальцем в Кивэн. – А тебе стоит запомнить, что в следующий раз дочери короля может и не оказаться рядом.

С этими словами он скрылся в толпе. Кивэн двинулась было за ним, но Эдана дотронулась до ее руки и остановила девушку.

– Идем. – Эдана мягко, но настойчиво повела ее в сторону загона. Они шли молча.

– Спасибо, – сказала Кивэн, поглаживая жеребенка. – Иногда я делаю что-то не подумав. Хотя, если подумать, немного чаще, чем *иногда*. – Она покраснела, вспоминая о том, что только что натворила в присутствии Эданы, дочери короля. – Простите, – промолвила она.

– Расскажешь мне, в чем дело?

Эдана внимательно выслушала рассказ Кивэн о том, что произошло между Рэйфом и ее братом. В это время солнце начало опускаться к горизонту, окрашивая бескрайнюю водную гладь бухты в бронзовый цвет. По мере того как приближался закат и в северной части луга собирались люди, загон постепенно пустел.

– ...И теперь я переживаю еще и из-за Гара, потому что никто из них до сих пор не вернулся, а посмотрите, как уже поздно, – закончила рассказ Кивэн.

Эдана бросила взгляд через плечо Кивэн на великаний тракт.

– Вижу двух наездников. Смотри!

– Думаю, это *они*, – сказала Кивэн.

Девушки двинулись через луг. Кивэн практически бежала в сопровождении Эданы, чей широкий шаг позволял с легкостью поспевать за помощницей Гара. Они выбрались на дорогу и двинулись по ней до развилки, где пути расходились на восток и на запад. Наездники подъезжали все ближе: один верхом на лошади, второй – на пони.

Как только он остановил своего пегого коня, Кивэн побежала им навстречу и кинулась Гару в ноги.

– Где вы пропадали? – кричала она. – Вас так долго не было!

– Лучше спроси своего брата, – сказал Гар, и его лицо приняло обычное каменное выражение.

Кивэн взглянула на Корбана, подъезжающего на пони.

– Эх, Бан, – протянула она, глядя на синяки и порезы на его лице.

– Кивэн, – пробормотал он с вымученной улыбкой. Тут к сестре подошла Эдана, и Корбан залился краской.

Гар кивнул светловолосой девушке в знак приветствия.

– Я видела, как Кивэн работает с лошадьми, – сказала Эдана. – Должна сказать, что я под впечатлением. Она говорит, что у нее был хороший учитель.

– Она все быстро схватывает, когда хотя бы на минутку перестает болтать и начинает слушать, – ответил управляющий конюшен.

– Где ты был, Бан? – спросила Кивэн.

– В Баглуне.

– Что? Зачем?

– Неважно, – бросил Корбан и поспешно добавил: – Только не говори маме. А кое о чем *другом* мы поговорим с тобой позже, – прошептал он, глядя на Эдану.

– Кое о чем другом? Ты о Рэйфе? – Кивэн проследила за взглядом брата. – Не переживай по поводу Эданы. Она все знает.

– Ох, – выдохнул Корбан и плечи его опустились.

– Твоя сестра поговорила с Рэйфом, – сказала Эдана.

– Что? – пискнул Корбан. – Что вы имеете в виду?

– Я так разозлилась, Бан, когда Дат рассказал мне о случившемся. А затем увидела его в толпе – Рэйфа то есть – и...

– Что же ты сделала? – строго спросил Гар. Корбану, судя по выражению лица, стало нехорошо.

– М-м-м, точно не помню, но я сбила его с ног и наподдала ему пару раз. В том числе ногами.

– Когда их увидела я, у Рэйфа из носа шла кровь, – добавила Эдана.

Гар продолжал пристально смотреть на Кивэн, и она повернулась к брату в поисках поддержки. Но лицо Корбана словно застыло.

– Прими мою благодарность, – холодно произнес он спустя время. Голос звучал так, словно парню было тяжело дышать.

Кивэн смотрела на него и чувствовала растущее ощущение пустоты в области живота.

– В следующий раз, когда мне нужно будет с кем-нибудь драться, я позову тебя.

– Рэйф сказал примерно то же, – ляпнула Кивэн и тут же в ужасе закрыла рот и прикрыла его рукой.

Корбан поморщился.

– Бан, не глупи, – произнесла Кивэн. – Завтра об этом никто и не вспомнит. И прекрати корчить такие страшные рожи. Ты становишься похож на Элюнед, и ты знаешь, что это не смешно.

Парень сделал глубокий вдох.

– Как бы то ни было, нам нужно привести тебя в порядок и сделать что-нибудь с твоей накидкой до того, как тебя увидит мама. Она с тебя шкуру сдерет, если ты явишься на церемонию в таком виде.

– Знаю, – охнул он, понутив голову.

– Раз уж зашла речь о матерях, – взяла слово Эдана, – думаю, мне пора, иначе уже *мне* влетит от матушки по первое число.

Управляющий конюшен кивнул.

– Пойдем, миледи.

– Да, Гар, – промолвила Эдана с улыбкой и, повернувшись, быстрым шагом направилась в сторону людей, что толпились на лугу.

– Вот ведь *тупица*! – выпалил Корбан.

– Она не тупица! – рявкнула Кивэн.

– Да не она! *Я*!

Кивэн с трудом удержалась от того, чтобы с ним согласиться.

«Надо ему напомнить об этом, когда он не будет таким смущенным», – подумала Кивэн.

– И я не с тобой сейчас разговариваю, – указал он пальцем на сестру.

– Вы двое, а ну успокойтесь, – буркнул Гар. Внезапно он привстал в седле, устремив взор на восток, вниз по великаньему тракту.

– Что там? – спросила Кивэн.

– Два наездника, – пробормотал Гар. Пожав плечами, он уселся обратно в седло, и компания двинулась в сторону деревни.

– Что ты делал в Баглуне? – спросила Кивэн. Корбан пропустил вопрос мимо ушей. – Ну же, Бан! Знаю, нехорошо вышло с Рэйфом. Что они сотворили с твоим лицом! – Она положила руку на его колено, но Корбан резким движением руки увел Ивушку прочь.

– Со мной-то ты так за что? – спросила она со слезами на глазах. – Если хочешь злиться на кого-то, почему бы не начать с Рэйфа?

Корбан бросил на нее сердитый взгляд и пустил Ивушку рысью. Кивэн побежала было за ним, но как только поравнялась с Гаром, тот ее окликнул.

– Оставь парня в покое, – велел он.

– Но...

– Оставь, – повторил он строго. – Так ты ему не поможешь.

– И ты туда же, – проворчала девушка, топнув в сердцах.

– Ты хочешь сделать как лучше, я знаю, но иногда, например, *сейчас*, было бы лучше, если бы ты подумала головой, прежде чем лезть. Неужели не понимаешь, что своим поступком ты сделала его еще бóльшим трусом в собственных глазах?

– Он не трус, – огрызнулась Кивэн.

– Неважно, что мы с тобой думаем по этому поводу. Он сам так считает.

– Неужели это так важно? – спросила она. – У него всего лишь разбита губа. Я вот когда с лошадей падала, мне гораздо хуже приходилось.

– Это не из-за разбитой губы. Вскоре он выйдет на Рябиновое поле и начнет свой путь во взрослую жизнь. То, что случилось, так и будет висеть у него на шее тяжким грузом.

– Что мне делать? – спросила Кивэн.

– Делать? Ничего, да простит меня Элион! Он должен пройти через это сам. Лучше научись думать головой, прежде чем действовать. Вот это ты *могла бы* сделать. – Он посмотрел на ее поникшую голову. – Дай ему время.

Она кивнула.

Навстречу им бежал Дат. Корбан остановился, и Дат добрался до него раньше, чем Кивэн с Гаром.

– Ты как, Бан? – спросил Дат, пристально глядя на друга.

– Я в порядке, Дат, – резко ответил Корбан. Затем вздохнул и продолжал более спокойным голосом: – Подбородок слегка побаливает, и, по правде говоря, губа тоже. И ребра.

– Твои вещи у меня, – сказал Дат.

– А я про них уже и забыл, – ответил Корбан, роясь в сумке друга.

– Слышал, что ты сделала, – Дат ухмыльнулся, смотря на Кивэн. – На ярмарке только об этом и говорят. – Девушка скривилась, и улыбку с лица у Дата как ветром сдуло.

– Это тебе, – пробормотал Корбан и бросил сестре какой-то предмет.

– Какая красивая! – ахнула она, проводя пальцами по лошади, отчеканенной на броши. – Спасибо, Бан! – На ее глазах вновь выступили слезы.

Позади них послышался цокот копыт: всадники, которых видел Гар, неслись галопом, стремительно поглощая расстояние между ними. Они поравнялись с компанией. У обоих на седлах висели большие круглые щиты, на поясе виднелись мечи, а накидки покрывала дорожная пыль. Гар кивнул в знак приветствия. Один из всадников – что помоложе, подумала Кивэн, – улыбнулся в ответ, сверкнув голубыми глазами на красивом юношеском лице.

– Приветствую, – сказал он. – Судя по вон той груде камней на утесе, мы достигли Дун-Каррега.

– Да, – ответил Гар. – Достигли.

Голубоглазый мужчина улыбнулся своему товарищу и хлопнул его по спине.

– Ты это слышал, брат?

Его спутник молча сидел на лошади, не отрывая взгляда от крепости.

– Мы будем говорить с королем Бренином, – молвил он. Его строгое обветренное лицо обрамляли черные волосы.

– Вы найдете его на лугу, – сообщил Гар. – Сегодня у его племянника переплетение рук.

– Благодарствую, – сказал строгий воин; оба всадника съехали с дороги и поскакали в сторону луга.

Гар смотрел им вслед с угрюмым выражением на лице, а затем повернулся к Корбану:

– Идем, солнце почти село. Кивэн, попробуй привести его накидку в порядок, ну а я пока пойду познакомлю твоего брата с ведром воды.

Глава 8. Кастелл

Кастелл потянулся в седле и сделал глубокий вдох. В морозном воздухе ощущался запах хвои от сосен, растущих на склоне горы, в сторону которой они ехали. Чем больше он удалялся от дома, крепости Микил, тем лучше становилось настроение. В последнее время жизнь в крепости стала тягостной, и, когда дядя Ромар, король всего Изилтира, предложил ему охранять караван этого купца, он согласился без промедления.

Его оруженосец Макуин ехал подле него, на сгибе его руки покоилось длинное копье. Кастелл знал Макуина дольше кого бы то ни было, так как он остался в живых последним из придворных его отца. Все остальные погибли еще десять лет назад от рук великанов, что совершили набег на Форнский лес.

Кастелл натянул поводья и оглянулся, убрав упавшую на глаза прядь рыжих волос. На востоке, всего в паре лиг, лежал Форнский лес – старейший и опаснейший лес во всех Землях Изгнанников. Кастелл бросил взгляд на его мрачную громаду и поежился, несмотря на палящее солнце. Огромные деревья стояли бастионом, словно темные волнующиеся воды океана, что не имел конца и края и простирался далеко на север. Несмотря на то что Микил находился всего в паре дней пути от огромного леса, Кастелл впервые за многие годы рассмотрел его по-настоящему. С тех пор, как вся его семья была убита. Многие воины Изилтира несли дозор у границ леса, защищая родную землю от чудовищ, что иногда покидали его пределы: свирепых великанов из клана Гунен, одержимых жадой мести за прошлые обиды, стай волчней и роев исполинских нетопырей, что могли досуха высосать всю кровь из человека.

– Ненавижу этот лес, – прошептал Кастелл.

– Да уж, – проворчал Макуин, едущий подле него. – Много связано с ним недобрых воспоминаний...

На западе он видел Микил: серые стены возвышались над окружающей равниной. Кастелл был рад оказаться вдали от него и родни, что там жила. По крайней мере от одного их представителя – его двоюродного брата Джаэла, чей отец был убит в одном из набегов, в котором погибли мать и отец Кастелла.

Они с Джаэлом были примерно одного возраста и могли относиться друг к другу по-братски, но между ними не было никаких теплых чувств. Джаэл очень любил издеваться над Кастеллом. Когда они были молоды, это было не очень приятно, как игра, в которой Кастелл не чувствовал ни радости победы, ни удовольствия от участия. Сейчас же, спустя год с их шестнадцати лет, испытания воина и Долгой ночи, когда они перестали быть мальчиками, но стали мужчинами, травля перешла на более глубокий, более ощутимый уровень, так что каждый раз, когда Джаэл его подстрекал, в Кастелле вскипала ярость – и он едва себя сдерживал.

«Хорошо быть вдали от Микила».

Кастелл сосредоточился на пути, что лежал перед ним: то была широкая каменная дорога, ведущая в горы. Он прищипорил лошадь.

Они с Макуином были в самом конце длинной колонны: караван купца, что они охраняли, состоял из двадцати повозок, все были загружены товаром из Микила: серебром из знаменитых копей крепости, а также бочками с медовухой, свертками ткани и бочонками с яблоками. Они направлялись в Гальстат, рудокопский городок в Гельвете. Повозки сопровождали четыре десятка ратников. Среди них были наемники из Гельвета, что работали на купцов в Гальстате, и другие воины, нанятые у дяди Ромара, который мог извлечь выгоду из любого положения. Набеги великанов были великолепным предлогом для увеличения количества дозорных, особенно если учесть, что единственная дорога через горы в Гельвет пролегла вблизи Форнского леса.

– Как долго нам ехать до Гальстата? – спросил Кастелл, когда они догнали колонну.

– Двенадцать-четырнадцать ночей, может, и дольше, если продолжим двигаться с этой скоростью, – сказал Макуин. – Кто бы мог подумать, что на соль можно столько всего купить.

Гальстат разбогател на соляных копиях, поставляя соль в большую часть Гельвета и окрестные земли, включая Изилтир.

– Я бы с радостью облегчил наш груз, выпив кувшин медовухи, – добавил он. – А то и три.

– Если только от этого повозки начнут двигаться быстрее. – Медленная езда давила Кастеллу на нервы.

«Лучше, чем в Микиле рядом с Джаэлом», – напомнил себе он.

Остаток дня прошел без происшествий. Они продолжали ползти по поднимающейся в гору дороге, пока солнце не опустилось настолько, что их тени вытянулись в причудливые длинные фигуры. Был объявлен привал, и путники быстро разбили лагерь.

Кастелл расположился поодаль от других воинов и купцов и стал тщательно обрабатывать точильным камнем сначала один край своего меча, затем – другой. Выполняя этот ежевечерний обряд, слушая знакомый скрежет, он всецело погрузился в созерцание, как вдруг в поле его зрения возникла пара сапог. Взглянув наверх, он увидел нависшего над ним Макуина: в руках у него были две чарки и мех с медовухой, зажатый под мышкой. Макуин усмехнулся.

– Держи, парень, – протянул старый воин чарку Кастеллу.

Медовуха оказалась кислой и крепкой, и это немного помогало справиться с ночной прохладой.

– Мы в любой момент можем сесть у костра, – напомнил Макуин, когда Кастелл поежился от холода.

– Мне и здесь хорошо, – ответил Кастелл. Вокруг костра сидели воины Микила вместе с наемниками и купцами.

«Скорее всего, ложь Джаэла настроила их против меня», – думал он с раздражением.

Макуин смерил его долгим оценивающим взглядом, но ничего не сказал.

Внезапно меж повозок появился ратник – Агила, руководитель отряда наемников. Он подошел к ним и присел перед Макуином, протягивая мех седому воину. Макуин взял его и сделал большой глоток, по его бороде потекла темная жидкость. Он закашлялся.

– Лучше, чем та лошадиная моча, что вы пьете, – улыбнулся Агила. – И согревает быстрее.

– Верю, – ответил Макуин, сделал еще глоток и вернул мех владельцу.

Агила протянул мех Кастеллу. Тот принялся.

– Не бойся, приятель, это не смертельно, – сказал предводитель наемников.

Кастелл сделал большой глоток и зашелся в кашле. Горло и желудок словно обожгло пламенем.

– Что это? – выдавил из себя он.

– Лучше не спрашивай, – усмехнулся Агила. – Дальше пойдет легче. Да и получше.

Кастелл не поверил, но тем не менее сделал еще один глоток, поменьше. На этот раз пламя обожгло не так сильно.

– Красавчик, – хлопнул его по плечу командир. – Рад, что вы с нами. – Он посмотрел на меч и точильный камень Кастелла.

– Приятно побыть какое-то время вне стен Микила, – произнес Макуин.

– Ага. Мой последний приезд точно отличался от предыдущих. Как ни надумаю я заглянуть в таверну, повсюду натыкаюсь на людей Ромара.

– Ты говоришь о моем дяде, – сказал Кастелл. Его голос был не так тверд, как хотелось бы.

– Ты прав, – произнес Макуин. – Странные вещи творятся в Микиле.

– Какие? – спросил Агила.

– Например, камень великанов, что на границе Изилтира. До нас в Микиле дошел слух, что он *кровоточит*.

– Наслышан, – кивнул Агила. – В Гельвете, к югу от Гальстата, есть круг, составленный из этих камней. Говорят, там происходит то же самое.

– Есть еще кое-что, что гораздо хуже. По крайней мере, если верить Ромару. Вот, скажем, недавно выкрали топор из звездного камня.

– А, тогда понятно, – кивнул Агила.

Топор из звездного камня был легендарной реликвией тех времен, когда нога Изгнанников еще не ступила на их собственные земли, даже до Бичевания. Легенда гласила о камне, что упал с неба, когда люди и великаны еще жили в мире и согласии друг с другом. Кастелл в такое, конечно, не верил – где это видано, чтобы великаны не враждовали с людьми? По преданию, из звездного камня выковали Сокровища, числом же было тех Сокровищ семь: котел, торк, ожерелье, копье, кинжал, боевой топор и кубок. За обладание ими вспыхнули войны, которые привели к тому, что Элион обрушил свой гнев на этот мир: произошло Бичевание. Боевой топор в Микиле, согласно молве, был одним из этих Сокровищ, и люди со всех земель приезжали, чтобы на него взглянуть. Верили, что топор волшебный и что с его помощью можно связать наш, тварный мир с Изнанкой, где обитают Элион и Азрот.

Кастелл не располагал какими-либо сведениями на этот счет и сомневался в правдивости всей истории. Но что он знал наверняка – так это, что Микил разбогател благодаря этому топору и что нескончаемый поток паломников, жаждущих увидеть реликвию, приносит в казну устойчивый доход в виде серебра и золота. Ромар тоже это понимал, и потому, когда он узнал о том, что топор украден, гнев его был поистине велик. Вот тебе и еще одна причина побыть немного вне стен Микила. Между насмешками Джаэла и гневом Ромара он очутился как между молотом и наковальней.

– Когда это произошло? – спросил Агила.

– Десять дней назад, – ответил Макуин.

– Но кто же его украл? – проворчал наемник. – Должно быть, великаны из клана Гунен?

– Гунены, – кивнул Кастелл. – Они, конечно, хотят завладеть этим топором, да и нет в пределах ста лиг от Микила никакого другого великаньего клана. Но я считаю, что они не могли незаметно пробраться в крепость – любой, кто возвышается над землей на пятнадцать пядей, явно будет выделяться. – Он отпил еще медовухи; на этот раз тепло показалось почти приятным.

– Так-то оно так, но все же, – возразил Агила. – Они – стихийные маги, так что вполне могли воспользоваться чарами.

– Возможно, – согласился Макуин, потянувшись за мехом в руке у Кастелла.

– Гунены коварны и свирепы, – продолжил Агила.

– Знаю, – пробормотал Кастелл.

– Имел с ними дело?

– Гунены убили его семью, – мрачно сказал Макуин. – Убили человека, которому я присягнул на верность.

Кастелл закрыл глаза, вспоминая огромные подсвеченные полыхающим огнем фигуры, что шли через разрушенные ворота его дома, размахивая гигантскими молотами и боевыми топорами. Он вздрогнул. Ему тогда было всего шесть лет. Он хотел, чтобы Агила перестал об этом говорить. Кастелл молча взял мех у Макуина и сделал еще один глоток.

– Они требовали за тебя выкуп? – спросил Агила.

– Гунены не берут пленников, – ответил Кастелл. – Меня спас Макуин и унес оттуда.

– Гунены – это налетчики и убийцы, – прорычал Макуин. – И ничего больше.

Кастелл пошевелил пальцами, рисуя в воздухе защитный знак от зла.

Агила увидел это и улыбнулся.

– Можешь не переживать о великанах, приятель. Нас сорок воинов, да и ты, бьюсь об заклад, умеешь обращаться со своим мечом. Элион на небесах знает, что твой меч достаточно острый. – Он посмотрел на точильный камень и подмигнул Макуину.

– Ты издеваешься? – воскликнул Кастелл, чувствуя, как его захлестывает волна гнева. – Небось общался с Джаэлом, да? – прорычал он. Кастелл ощущал, что его лицо налилось кровью, а рука опустилась на рукоять меча. С лица у Агилы пропала беззаботная улыбка, и он посуровел.

– Поосторожнее, парень, – одернул его ратник, поднимаясь на ноги. – Может, ты Ромару и родня, но от всего на свете это тебя не спасет.

Агила ушел прочь, провожаемый испепеляющим взглядом Кастелла.

– Ты только посмотри на это, – процедил он сквозь сжатые зубы. – Раз меня презирает Джаэл, то и все остальные считают своим долгом надо мной поиздеваться.

Макуин глубоко вздохнул.

– Кас, иногда ты видишь врагов там, где их нет. – Старый воин покачал головой. – В словах Агилы не было ничего такого. Надеюсь, ты это понимаешь?

Кастелл хмыкнул.

– Я не хотел с тобой об этом говорить, – сказал Макуин, – много раз останавливал себя, надеялся, что ты сам поймешь. Когда ты прошел испытание и Долгую ночь, стал мужчиной, я надеялся, что это прекратится. – Он покачал головой. – Кажется, пора тебе кое-что услышать. Джаэл не настроил всех против тебя, как бы он ни пытался. Тебя не считают мальчиком для битья. Но многие думают, что ты заносчивый и надменный тип. Слишком гордый, чтобы общаться с нами, простым народом. В тебе много хорошего, Кас, но будь осторожнее, иначе ты погребешь все это под толстым слоем жалости к себе. Твой отец был бы разочарован, если бы услышал, что ты говоришь. – На этом Макуин поднялся и пошел прочь, а Кастелл так и остался сидеть на траве с широко распахнутыми глазами.

Остаток ночи он просидел в одиночестве, слушая тихие разговоры и песни, что доносились от прочих путников. Когда большая часть лагеря уснула, Макуин сказал, что теперь его очередь нести дозор. Кастелл молча вышел из кольца повозок и пошел на край лагеря.

«Жалость к себе», – думал он, хмурясь в темноте и испытывая то злость, то стыд.

Когда меж гор подул холодный ветер, Кастелл поплотнее закутался в накидку. Месяц то появлялся в небе, то снова пропадал, скрываясь за стремительно летящими облаками. Кастелл до сих пор был под впечатлением от слов Макуина и почти на всем протяжении своего дозора их обдумывал. Нехотя он осознал, что старый воин прав, и эта горькая правда пробудила в нем смущение и гнев. В основном на самого себя, но также и на остальных: на Макуина, Агилу и многих других, чьих лиц он не помнил, за то, что они его не поняли. Он вел себя как ребенок. Как надутый, избалованный ребенок. Однако, помимо этих чувств, он ощущал проблеск надежды. Мысль о том, что львиная доля людей в крепости не поддерживает Джаэла в его нападках на Кастелла, грела душу. Тогда, глубокой ночью, он принял решение.

«Утром», – твердил он себе.

Когда свеча, по которой он отслеживал время своего дозора, потухла, Кастелл зажег новую от тлеющих углей костра и отправился будить однополчанина, который должен был нести дозор следующим. Вскоре после этого он уснул.

Когда Кастелл открыл глаза, серое небо уже подернулось жилками приближающегося рассвета. Он резво встал, занялся привычными утренними делами, оседлал лошадь, помог запрячь остальных лошадей в повозки, собрал свой заплечный мешок. Когда все дела были сделаны и большая часть людей села завтракать, Кастелл увидел Агилу, идущего в одиночестве к своей лошади, крупной зверюге мышастой масти. Он поспешил за воином и хлопнул его по руке.

– Я... Прости меня за то, что сказал тебе вчера вечером, – проговорил Кастелл с легкой дрожью в голосе. – Я неправильно тебя понял.

Агила взглянул на него и снова беззаботно ему улыбнулся:

– Принято и забыто, приятель.

Кастелл кивнул, затем, не зная, что еще сделать, повернулся и пошел прочь, чувствуя, как его губы тронула улыбка. Краем глаза он видел, что Макуин за ним наблюдает.

Глава 9. Корбан

Геб, озаренный лучами заходящего солнца, воздел руки.

– Фионн ап Торин, Мэррок бен Рагор! – воскликнул он громким голосом, который не соответствовал его хилому телосложению. – Ваш день подошел к концу. Ваши руки и сердца были связаны, вы прожили этот день как одно целое. Настал час Выбора. Останетесь ли вы связаны друг с другом навеки, иль нити, что связывает вас, суждено быть перерезанной?

Мэррок и Фионн посмотрели друг на друга и подняли свои сплетенные нитью руки.

– Мы будем связаны друг с другом и проживем остаток наших жизней как одно целое.

По собравшейся толпе пробежал шепот, Геб сделал шаг вперед и взял их связанные ладони в свою.

– А теперь заключите соглашение! – воскликнул хранитель знаний.

– Фионн ап Торин, – начал Мэррок. – Я клянусь тебе, что ты будешь первой, кто вкусит мою трапезу, кто отведаст моего вина...

Корбан беспокойно поерзал.

«Помираю с голоду», – подумал он, глядя на длинные столы, что стояли рядами вдоль костров, наполненные только что приготовленной едой. Его мама со слезами на глазах наблюдала за парой. Возле нее стоял Таннон, его отец. Рядом с Гвенит он выглядел скорее медведем, нежели человеком. У ног мужчины свернулся пес Буддай. Таннону подбили глаз и раскрасили губу, но это его, казалось, совсем не беспокоило – он в очередной раз подтвердил звание первого кулачного бойца в округе.

«Все прошло гораздо лучше, чем я ожидал», – подумал Корбан, поглаживая разбитую губу. Мама спросила, куда делась накидка, но, похоже, осталась вполне удовлетворена, хотя и несколько раздражена его ответом: он рассказал ей, что оставил накидку на Ивушке, торопясь на церемонию. Свои порезы и синяки Корбан объяснил тем, что якобы они с Датом неудачно впечатались в какое-то дерево (и это было не так уж далеко от истины). Удивленное выражение лица матери и молчаливый пристальный взгляд отца его немного встревожили, но тут Корбан решил, что самое время раздать подарки, и таким образом смог предотвратить дальнейшие расспросы.

Он вздохнул.

«Почему все эти церемонии такие скучные?» – думал Корбан. К счастью, Геб уже распевно произносил слова завершающего благословения:

– ...чтобы мир вас окружал, счастьем путь в ваш дом давал.

Он поднял объемистый кубок, и пара взяла его связанными руками. Вместе они испили из кубка, после чего хранитель знаний бросил его на землю и раздавил ногой.

– Дело сделано! – воскликнул он, и толпа разразилась радостными возгласами.

– Идем, – сказал Дат, ткнув Корбана под ребра. – Давай поедим.

Корбан кивнул, и вместе с Датом они двинулись к столу с едой, где до этого он видел Дилана.

Дилан улыбнулся, увидев Корбана.

– Ты все же вернулся.

– Ага.

– Так что все-таки случилось с твоим лицом? – спросил Дилан.

Корбан пожал плечами, а внутри у него вспыхнул огонек злости при одной только мысли о Рэйфе.

– После нашей с тобой встречи я пошел в Баглун, – сказал он в надежде сменить тему.

– Один?

– Да. Один.

– Ох и зря ты это сделал, Бан. Мог угодить в нешуточный переплет.

Корбан фыркнул.

«Я и так угодил в нешуточный переплет».

– Я не ребенок, – отрезал он. Корбан не знал наверняка, что заставило его так грубо ответить Дилану. Он тут же почувствовал стыд за свои слова. Корбан знал, что на самом деле он злится на Рэйфа, а не на Дилана. Но тут Дилана позвал Дэрол, и он покинул мальчиков. Корбан и Дат доверху наполнили свои деревянные подносы мясом и теплым хлебом, а Дат так еще и ухитрился походя сунуть под мышку кувшинчик с подливкой. Внезапно он замер.

Перед ним стояла женщина – наполняла свой поднос едой. Длинные серебристые волосы волнами спадали ей на спину. Это была Брина, целительница.

– Что случилось, Дат? – пробормотал Корбан.

– Да вон... – прошипел Дат и кивнул в сторону Брины. Среди жителей Дун-Каррега об этой женщине сложилась слава весьма определенного рода. – Она ведьма!

Брина, должно быть, услышала его слова – она посмотрела прямо на Дата и скривила рот.

У Дата чуть глаза не вылезли из глазниц. Он быстро развернулся и врезался в плотную стену из кожи и железа, при этом опрокинув на воина, с которым только что столкнулся, свой поднос и кувшин.

Над мальчиками возвышался брат королевы, Пендатран, и хмуро на них взирал, в то время как с его рубахи на сапоги медленно стекала подливка. Мужчина не просто так получил прозвище Медведь.

– П-п-прошу... п-п-прощения, – заикаясь выдавил Дат, пытаясь очистить одеяние воина от остатков еды, но в итоге просто размазал ее еще больше. Пендатран схватил Дата за руку и зарычал. На мгновение Корбану показалось, что его друг вот-вот потеряет сознание от страха, но тут Пендатран перестал хмуриться и усмехнулся.

– Не переживай, парень, – произнес ратник. – Сегодня женился мой племянник, и по такому случаю я тебя прощаю. Даже несмотря на то, что ты – неуклюжий дурачок.

Дат с облегчением улыбнулся. Пендатран поднял взгляд, и его благодушное настроение как рукой сняло, уступив место суровости.

– Пендатран, – окликнул худощавый мужчина, который выглядел весьма невзрачно на фоне какого-то широкоплечего и высокого юноши.

Пендатран какое-то время смотрел на него сердито, затем развернулся и пошел прочь. Худой мужчина понаблюдал за удаляющейся спиной Пендатрана, покачал головой и двинулся дальше.

– Кто это был? – спросил Дат у Корбана, когда они заново наполняли опустошенные поднос и кувшин.

– А то ты не знаешь? Это же Энворт со своим сыном Фарреллом. Если верить слухам, то Энворт – это тот трус, который притворился мертвым, когда Рагора, брата королевы Алоны и Пендатрана, убили разбойники в Темнолесье.

– Я думал, в этом виновен советник Эвнис.

– Его обвиняла Алона, но король Бренин не наказал ни Эвниса, ни Энворта. Сказал, что у него нет доказательств.

Дат надул щеки.

– Получается, они друг с другом на ножах.

– Все верно.

Дат кивнул.

– Как это Фаррелл умудрился так вымахать? Его отец такой щуплый!

– Ну а мамашу его ты видел? Она весьма крупная дама. А Фарреллу примерно столько же лет, сколько и нам, – он даже немного младше. Он очень *восприимчив*, как я слышал. К словам, очерняющим доброе имя его отца.

– Это как? – поинтересовался Дат.

– А очень просто: кто эту тему затронет – тому тотчас в бубен и прилетит.

– Да уж. Напомни тогда мне не говорить при нем об этом. Такое ощущение, что он скоро твоего папу в размерах догонит.

Корбан усмехнулся:

– Должно быть, мама хорошо его кормит.

– Хотел бы я жить в крепости, – размышлял Дат. – Там можно услышать много чего любопытного.

– Ну, не знаю. Жизнь в деревне тоже довольно интересная. Где еще узнаешь столько о различных видах рыб...

Дат пнул друга по голени.

Когда они нашли Гвенит и Таннона, те сидели на разостланной накидке, доедали угощение со своих полупустых подносов и пили медовуху. Кивэн тоже была здесь, но Корбан присел, даже не взглянув в ее сторону.

– Бан, я нашла твою накидку, – сказала Кивэн, передавая ее брату. Она, как и обещала, заштопала этот злосчастный предмет одежды. Однако облегчение быстро сменилось раздражением: Корбан не хотел быть в долгу у сестры.

– Спасибо, – выдавил он.

– Где твой отец? – спросил Корбан у Дата.

Друг скривился.

– Да как-то без понятия, где он сейчас...

Корбан понял, что тот имеет в виду. Дат и не *желал* знать, где находится отец. Мордвир тяжело принял смерть жены и начал напиваться все в более и более раннее время.

– Присядь с нами, поешь, – похлопала Гвенит по свободному месту рядом с собой.

Дат благодарно улыбнулся.

Уже было темно, и на лугу горело множество небольших костров. Озираясь по сторонам, Корбан увидел Бренина и Алону: они смеялись чему-то вместе с Мэрроком и Фионн. Вдруг рядом с Бренином появилась Эдана. Она улыбалась ему, Корбану, и махала рукой...

Его лицо расплылось в мечтательной улыбке, он поднял руку и смущенно помахал в ответ. Эдана поманила его ладонью, приглашая присоединиться. Немало удивленный, он начал было подниматься, но тут позади него раздался голос Кивэн.

– Мам, пап, меня Эдана зовет. Я приду позже, – сказала она и побежала к дочери короля.

Корбан рухнул на землю, щеки пылали огнем. Когда он наконец набрался мужества и поднял глаза, то наткнулся взглядом на Вентоса – тот смотрел ему прямо в глаза, улыбался и держал в руке кружку медовухи. Его пес Талар был подле него.

– А я тебя искал, – обратился он к Корбану.

– Привет, Вентос. – Корбан представил торговца маме с папой, которые настояли на том, чтобы мужчина присоединился к их трапезе.

Таннон вытянул руку, чтобы Талар ее понюхал. Пес зарычал. Буддай сел и раскатисто рыкнул в ответ.

– Мой Буддай не из тех, кто затевает драки, – заметил Таннон, – но уж если кто к нему полезет, тому несдобровать.

– Талар! – прикрикнул торговец, и рычание прекратилось.

– Вентос из Гельвета, – сказал Дат.

– Гар ведь оттуда, да, мам? – спросил Корбан.

– Да, – ответила мама, переглянувшись с Танноном.

Тут из темноты вышел Гар и хромая подошел к ним. Похлопал Таннона по плечу и неуклюже присел, вытянув перед собой ногу. Нахмурился при виде Вентоса.

– Как седло? – спросил Вентос у Гара.

– Село хорошо.

– Слышал, ты из Гельвета, – сказал Вентос.

– Да. А что?

– Ничего. Я тоже оттуда – только и всего. Дун-Каррег далеко от Гельвета. Как тебя сюда занесло?

Гар прикрыл глаза, и на мгновение Корбану показалось, что управляющий конюшен снова пропустит неудобный вопрос. Но тот поднял взгляд и начал рассказ.

– Я жил в деревне неподалеку от Форнского леса. Однажды на нас напали великаны, сожгли всю деревню, почти всех убили. Я и еще пара человек едва сумели сбежать. Вся моя родня мертва, – пожал он плечами. – Больше меня ничего там не держало, вот я и ушел. Шел-шел – да и оказался здесь. Бренин сделал доброе дело – взял меня к себе на службу.

Таннон передал ему чарку медовухи. Гар сделал большой глоток.

– Великаны, чтоб им пусто было, – буркнул Вентос. – Гунены до сих пор досаждают Гельвету будто заноза в зад, и в последнее время они обнаглели, забираются все дальше от Форнского леса. Ходит слух: дескать, Брастер, король Гельвета, собирает войско, чтобы пойти в этот лес и перебить их всех до единого.

– Добро бы так, – сказал Гар и отхлебнул еще медовухи.

Корбан увидел, как Дэрол запрягает своего пони в телегу, в которой сзади сидит Дилан. Вскочив на ноги, Корбан подбежал к ним.

– Чего это вы уезжаете так рано? – спросил он у Дилана, поспевая за движущейся телегой.

– Отец устал, – поморщился Дилан. – Я бы и хотел, чтобы мы *остались*. Слышал, Геб сегодня будет рассказывать какое-то из своих преданий. – Он вздохнул. – Да вот только отец в дурном настроении и не хочет оставаться. А ты так и не рассказал мне, почему у тебя такой вид, будто ты врезался в дерево.

– Приду к тебе завтра, – сказал Корбан, когда телега начала набирать скорость. Помахал Дилану и его семье, после чего они скрылись в темноте.

Другие тоже начали покидать луг, растворяясь во тьме ночи. Корбан вернулся к скромному кругу семьи и сел рядом с мамой. Пришла и Кивэн. Он все еще дулся на сестру, но, пока сидел с близкими, слушал их рассказы и смеялся, настроение постепенно улучшалось. Корбан лежал положив руки под голову, смотрел на звезды и луну, что сияли на темном полотне неба, и слушал размеренный шум морских волн. Мама протянула руку и начала гладить его по голове.

Некоторое время спустя он услышал рукоплескания и поднялся. Геб забрался на стол рядом с костром. Кучки людей на лугу начали собираться вокруг него, жажда услышать одну из знаменитых историй хранителя знаний, и Корбан вместе с семьей тоже присоединились к ним.

– Что бы вы хотели услышать? – крикнул Геб.

Из толпы зазвучали голоса, но прежде чем Геб успел ответить, на свет костра вышла королева Алона.

– По заветам предков, выбрать должен Мэррок, – промолвила она, подзывая своего племянника и его невесту. Геб вопросительно взглянул на Мэррока, который пристально смотрел на огонь, затем улыбнулся какой-то своей мысли.

– Расскажи нам о Камбросе, – сказал он.

– Столь грустную повесть в столь радостный вечер? – спросил Геб, вопросительно изогнув бровь.

– Повесть, в которой говорится о том, как я родился в здешних землях и встретил свою невесту, – не может быть грустной, – возразил Мэррок, глядя на жену.

– Да он уже пьян! – выкрикнул голос из толпы, вызвав волну смеха.

Геб поднял ладонь.

– Повесть о Камбросе, – провозгласил Геб, затем склонил голову – и на луг опустилась тишина.

– Наши предки, – начал он, – прибыли в эти земли с огромным флотом; себя они называли Изгнанниками, ибо их сослали из Солнечных земель после долгой кровавой войны. Выбросило их на берег далеко к югу и востоку отсюда. И нарекли они новый мир Землями Изгнанников. Королем же их был тогда Сокар.

– Вскоре, – продолжал Геб, – поняли наши предки, что они в этих землях не одни и что здесь живут великаны, вернее, те, кто пережил Бичевание Элиона. У старой неприязни глубокие корни, и вражда между родом человеческим и великанами ничуть не ослабла, несмотря на то, что не одно поколение сменилось со времен Бичевания, когда ярость Элиона чуть ли не полностью выкосила род людской и великаний. Это положило начало войнам с великанами, великих сказаний о горе и победе в которых сложено слишком много, чтобы рассказать их все за один вечер.

– Во времена этой великой войны разослал Сокар своих военачальников в разные стороны, – молвил хранитель знаний. – На запад отправил он Камброса, по прозвищу Бык, вместе с сыновьями – Кадласом и Ардом, – дабы сразились те с Беноти – кланом великанов, что обитали тогда даже здесь и возвели Дун-Каррег. – Геб остановился, указывая на нависшую над ними крепость. – Повержены были великаны, бежали, а Кадлас со своими воинами их преследовал...

Корбан прикрыл глаза, представляя рассказ Геба так, будто он сам был свидетелем этих событий. Он знал эту историю, потому как его мама и папа часто учили его сказаниям о жизни предков. Корбан слушал, как Геб рассказывал о походе войска, что одолело великанов Беноти и оттеснило их далеко на север.

– Затем объединились великаны для решающей битвы на склоне Дун-Ванера, – сказал Геб. – Гордым строем – а надо вам сказать, что непомерная гордость во все времена несла великанам погибель, – выступили Беноти из своей каменной твердыни, дабы встретиться с Быком Камбросом и его войском. Два дня не утихала битва. Поле боя почернело от пролитой крови, небо потемнело от вороньих стай, что слетелись полакомиться павшими.

– Под конец второго дня, – продолжал Геб, – когда уходящее солнце обагрило небо красным цветом, прорвали Камброс и его щитоносцы оборону Беноти и столкнулись лицом к лицу с Руадом, королем великанов. Один на один схватились они друг с другом, окруженные телами павших своих щитоносцев. И поразил Руад Камброса огромным своим боевым топором и расколол его щит. Трижды удалось Камбросу ранить Руада, да только растрескался постепенно меч в его руках, и вскоре рухнул Бык на землю.

Корбан услышал, как собравшиеся на поле застонали, и увидел, что мама вытирает проступившие слезы.

– В отчаянии схватил Камброс упавшую с дерева ветвь. И когда замахнулся Руад топором, ударил Камброс изо всех сил великана по колену, сломал кость и разорвал сухожилие. Взревел Руад и пал на землю. Забрался Камброс великану на грудь и вонзил свой сломанный меч глубоко ему в самое сердце. Увидев, что король их мертв, утратили Беноти боевой дух, а на том сражение и закончилось.

– Итак, Беноти были разбиты и скрылись на севере, где и обитают по сию пору. Камброс же разделил завоеванные земли между собой и своими сыновьями, Ардом и Кадласом, и с тех пор они жили в мире. – Геб взглянул на Мэррока и Фионн и продолжил: – Именно так ты, Мэррок бен Рагор, оказался здесь, на этом лугу посреди королевства Ардан, и переплетя руки с Фионн.

Мэррок склонил голову в знак признательности. Бренин произнес тост, и толпа разразилась одобрительными криками.

Корбан еще долго сидел в тишине, думая об услышанном. Разговор между его соседями затянулся до глубокой ночи. Тем временем семьи вокруг них начали потихоньку возвращаться в деревню или к своим близлежащим угольям. Костры потухли, и звезды на небосводе засияли еще ярче.

Из раздумий Корбана вырвали голоса за спиной, что становились все громче и громче. Люди смотрели вдаль, на запад, в сторону Баглунского леса. Корбан поднялся на ноги и подошел поближе, чтобы посмотреть, что происходит.

Вдали колыхались красно-оранжевые огни – то поднимались, то опускались, словно пламя свечи на ветру.

Гар встал рядом с мальчиком.

– Что это такое? – спросил он у управляющего конюшен.

Гар ничего не ответил, но громко закричал:

– По коням! По коням!

И прихрамывая побежал в сторону деревни.

– Что случилось? – крикнул Корбан ему вслед.

– Это частокол Дэрола, парень, – бросил Гар через плечо. – Там пожар!

Глава 10. Кастелл

Пока караван неспешно двигался в сторону Гальстата, Кастелл наслаждался походной обстановкой. Агила часто отставал от колонны, чтобы некоторое время провести в их с Макуином компании. После той первой ночи Кастелл и Макуин присоединились к остальным путникам у теплого костра. Кастелл говорил мало, но тем не менее ему нравилось ощущение того, что он является частью чего-то большего. Это чувство он позабыл во всех политических играх Микила. На четвертый день путешествия, едва лишь рассвело, впереди возникла фигура всадника, что во весь опор мчался в их сторону. Это был одинокий воин, одетый в доспех с гербом Тенебрала – земли, что лежала далеко на юге. Он отказался разделить с ними трапезу, сказав, что у него срочное сообщение для Ромара.

Ранним утром шестого дня один из наемных охранников прискакал в конец колонны, где обычно ехали Кастелл с Макуином, и сказал:

– Командир хочет, чтобы вы ехали вместе с ним во главе колонны.

– Чем вы двое собираетесь заняться, когда мы прибудем в Гальстат и ваша работа будет окончена? – спросил Агила, когда Кастелл с Макуином присоединились к нему.

– Думаю, отправимся обратно в Микил, – ответил Кастелл. – А что?

– Если вы пока что не готовы возвращаться, то у меня для вас всегда найдется работенка. Поедете с моим отрядом?

– Даже не знаю, – удивленно сказал Кастелл. Он не думал о том, что будет после Гальстата, но одна мысль о возвращении в Микил наполняла его унынием. Хорошо было в дороге, а главное – без Джаэла. – Вполне возможно, мы примем твоё предложение, – продолжил он, бросив взгляд на Макуина.

– Я не тороплюсь возвращаться в Микил, – пожал тот плечами.

Несколько дней их путь пролегал вдоль Форнского леса, не заходя в него. Сейчас же дорога прильнула к чаще, оттесненная крутым склоном горы, которая врезалась в гущу деревьев. Кастелл смотрел вверх на горы, что выглядели в свете восходящего солнца словно неровные со сколами зубы. Легенда гласила, что эта горная цепь возникла на руинах, оставшихся после Бичевания, когда земли разрушались и создавались заново. Далеко на севере, за пределами Форна, как говорилось, на многие лиги распространилось опустошение: поля праха и огромные разломы в самой земле; пропасти без конца и края.

Повозки следовали по дороге, которая все ближе и ближе подступала к Форну, пока Кастелл не начал различать отдельные ветки, колеблющиеся на ветру.

– Когда мы обойдем этот склон, – сказал Агила, показывая на гору, – дорога уйдет в сторону от леса и отправится напрямик в горы. Далее мы пойдем вдоль Данвиуса, который пересекает дорогу вплоть до ворот Гальстата.

– Отлично, – ответил Кастелл с чувством, и Макуин с Агиллой усмехнулись.

Когда они приблизились к склону, что острыми и неровными краями взмывал высоко в облака, дорога опустилась в ложину, минуя подножие горы.

– Ближе к Форну мы вряд ли подойдем, – сказал Макуин, когда караван начал спускаться в ложину. – Разве что ты не захочешь присоединиться к тем, кто стережет Дал-Гадрай.

– Ближе и не нужно, – ответил Кастелл. Дал-Гадраем называлась долина на восточной границе их родных земель, высеченная в Форнском лесу рекой. Отряд воинов, все добровольцы, – ибо туда никого не отправляли по принуждению – несли дозор на берегах реки, протекающей через Форн, и в основном защищали корабли торговцев, что сплавлялись по реке. Но также они служили щитом, оберегающим от всех лесных тварей, что норовили проникнуть в Изилтир. Вступить в Гадрай – именно так, по названию долины, стал называться отряд –

могли только те, кто убил хотя бы одного из гуненов – клана великанов, что до сих пор обитали в Форнском лесу. Бойцы Гадрая часто становились щитоносцами Ромара, короля Изилтира.

Дорога резко уходила вниз, а навстречу им поднималась дымка, кружась у копыт лошадей. Кастелл обернулся и увидел, как она взбирается вверх по колесу повозки, что ехала следом за ним. Он вздрогнул, ни с того ни с сего ощутив холод.

Некоторое время они ехали в тишине. Земля постепенно выравнивалась, укрытая дымкой. Все звуки казались приглушенными. Кастелл только слышал бряканье поводаев своей лошади, скрип колеса повозки, что ехала позади него, и гораздо более тихое журчание ручья где-то впереди.

– Что-то мне не по себе, – пробормотал Кастелл. Макуин и Агила, что ехали по обеим сторонам от него, казались темными силуэтами.

– Да, парень, – пробурчал Макуин. – Мне тоже. – И пришпорил лошадь.

Внезапно они услышали свист: в воздухе мелькнуло что-то неясное – и Агила с влажным «хрясь» исчез из седла. Вокруг поднялись крики. Макуин и Кастелл вертелись в седлах, пригибаясь, и пытались отыскать Агилу.

Вскоре его нашли. Из его груди торчало копьё толщиной с запястье Кастелла. Глаза смотрели невидящим взглядом, изо рта, лужей разливаясь вокруг тела, вытекала темная кровь. Кастелл упал на колени рядом с павшим воином.

– Парень, не тормози! – крикнул Макуин. – Ему уже ничем не поможешь. – И направил лошадь в рой теней позади них.

Кастелл последовал за ним. Одна только мысль о том, что придется остаться наедине с этой проклятой дымкой, подстегивала его будто бич.

То, что он увидел, казалось настоящим кошмаром. Лошадь, запряженная в повозку, была пригвождена копьём к земле. Она истошно ржала и закатывала глаза; из ее рта сочилась кровавая пена. На земле россыпью лежали мертвые тела – торговцы и воины, попавшие под град из копий. Из густой белой пелены вдруг возникли гигантские фигуры. Гунены. Кастелл увидел великана, в котором было по меньшей мере полтора его роста. Его черные волосы были заплетены в косы и обрамляли разъяренное угловатое лицо, в темных глазницах блестели глубоко посаженные глаза. Кастелл открыл от удивления рот, когда понял, что перед ним женщина: ее грудь плотно обматывали кожаные ремни. Крича и размахивая топором, она бежала на них. Брызнула кровь – и на землю упал еще один ратник, голова и туловище его покатались в разных направлениях. Макуин отвел руку назад и бросил в нее копьё – оно пронзило черный кожаный доспех великанши и вонзилось ей в плечо, повернув ее на месте. Она выпрямилась и выдернула копьё, и вид у нее при этом был скорее разъяренный, чем потрясенный.

Макуин помчался на великаншу, замахнувшись мечом. Раздался звон железа – гуненка парировала удар старого воина и внезапно огрела его обухом топора, выбив Макуина из седла. Кастелл взялся было за копьё, но передумал и вместо этого пришпорил лошадь. Он ринулся на огромную воительницу, которая уже занесла топор над Макуином. Та запоздало обернулась на стук копыт. Кастелл крепко взялся за поводья, и его лошадь встала на дыбы, лягая передними копытами лицо великанши и превращая его в кровавое месиво. Вскоре воительница рухнула на землю, словно срубленное дерево. Кастелл со всей силы вонзил в ее тело копьё, а Макуин взобрался на распростертую фигуру и взмахнул мечом.

Кастелл поймал поводья лошади Макуина и потряс ими перед его лицом. Старик стоял над телом великанши – ноздри раздулись, седые волосы были черны и мокры от крови. Он моргнул, глядя, как Кастелл сует поводья ему в руку, затем дернул головой и влез в седло. Они снова были одни, их все еще окружали звуки сражения, но что-либо разглядеть было решительно невозможно.

– Нужно забраться повыше, – пробормотал Макуин. Кастелл кивнул – и вместе они помчались вперед, надеясь, что движутся в верном направлении. Вскоре земля под их ногами

выровнялась, и спустя пару мгновений они вырвались на солнечный свет. Воины обернулись, чтобы посмотреть на лощину.

Всю низину заполняла коварная дымка, в которой то тут, то там просматривались расплывчатые фигуры. За пределами лощины, перед лесом, виднелась залитая солнцем лужайка. На нее выскочила кучка людей, направляясь из лощины в сторону леса, но из темноты на них с ревом напали великаны. Они не успокоились, пока никого из людей не осталось в живых.

– Надо убираться отсюда, – тихо сказал Макуин. – И быстро, пока нас никто не заметил. Наши лошади скачут быстрее гуненов, но эти великаны как псы. Если они увидят нас и решат преследовать, то смогут гнаться за нами ночи напролет.

– Но... – начал Кастелл. Все его естество кричало: надо бежать. Повернуться и скакать прочь от этого места, полного безумия и рек крови, так быстро, как только возможно. Но что-то его останавливало. – Мы должны защитить этих людей.

– Конечно, – прорычал Макуин. – Только там не осталось никого из тех, кого *нужно* защищать. Прислушайся.

Он был прав: звуки сражения прекратились. Кастелл услышал ржание умирающей лошади и карканье ворон, что жадно кружили в дымке над телами. Хоть они ничего и не видели, но ощущали запах крови. Тишина была почти такой же пугающей, как предшествующие ей звуки сражения. Кастелл кивнул, они развернулись и направили лошадей на дорогу, по которой приехали в это место.

Яростный лай заставил Кастелла остановить лошадь и снова взглянуть на лощину.

Дымка постепенно рассеивалась. Внизу виднелись тела коней и людей, разбросанные вокруг повозок кровавыми кучами. Воды ручья приобрели тошнотворно-розовый оттенок. У одной из телег собралась кучка великанов: они разрубали сундуки, что стояли на ней. Внезапно в их рядах раздался громкий возглас: один из великанов потянулся к сундуку, выхватил из него какой-то предмет и начал им размахивать. Предмет засиял на свету.

– Топор из звездного камня! – прошипел Макуин.

– Что? Как? – удивленно спросил Кастелл.

– Будь я проклят, если б знал.

В лощине протрубил какой-то непривычно звучащий рог – и у Кастелла сердце ушло в пятки. Их заметили: по крайней мере дюжина великанов бросилась подниматься за ними по горной тропе.

Кастелл обменялся взглядом с Макуином – и они помчались вверх по дороге.

– Осторожно! – крикнул Макуин, стараясь перекрыть топот копыт. – Если перейдем на галоп, то загоним лошадей еще до солнцевыси. Мы уже двигаемся быстрее, чем гунены, поэтому сохраняем скорость, постараемся от них оторваться и будем надеяться, что они прекратят погоню.

– Но ты же сказал...

– Я знаю, что сказал, парень! – прорычал Макуин в ответ.

Кастелл сделал глубокий вдох, пытаясь справиться со смятением и сосредоточиваясь на дороге перед собой.

Они ехали в тишине. Слышны были только равномерный топот копыт и шум воздуха, вырывающегося из лошадиных ноздрей. Когда солнце миновало зенит, они с плеском въехали в ручей, что пересекал дорогу. Там всадники остановились и спешили, чтобы наполнить свои мехи водой и дать лошадям возможность попить и немного отдохнуть.

Макуин пил большими глотками. Он смотрел на дорогу позади них, но тут неожиданно подскочил к лошади.

– Поднимайся! Гунены приближаются!

Старый воин был не из тех, с кем стоит спорить, – особенно учитывая то, как он выглядел сейчас, с запекшейся великаньей кровью в волосах и на лице. Кастелл посмотрел на линию

горизонта и увидел там множество неуклюже двигающихся теней. Он ловко взобрался на лошадь, на спине которой высыхал белыми подтеками пот, и тронулся в путь.

Они пустили лошадей легким галопом по широкой дороге. Изредка Кастелл оборачивался и бросал взгляд через плечо, иногда краем глаза замечая какие-то мимолетные движения. Когда солнце опустилось за горизонт и их тени вытянулись далеко назад, Макуин сделал еще один привал.

– Как топор оказался в той повозке? – спросил Кастелл.

– Подозреваю, что его украл тот, кто нанял Агилу, – ответил Макуин, пожимая плечами.

– Но гунены – откуда они узнали, что он там?

– Не знаю, парень. Темная магия?

– Как мы смогли их победить? – поинтересовался Кастелл.

– Мы?

– Люди. Как мы смогли победить великанов? – Перед глазами у Кастелла все стоял черноволосый исполин, который чуть не убил Макуина.

– Трудно поверить, да, – сказал Макуин. – По правде говоря, хоть древние сказания и гласят о великих деяниях и чести, я подозреваю, что все сводилось к численности. Нас было больше, чем их. В этом все дело, а еще – в великаньей гордости. Они смотрели на нас свысока, никогда не видели в нас угрозу. В этом есть урок. Даже если ты силен и свиреп, как великан, никогда не недооценивай противника. – Он прокашлялся и сплюнул. – Ну что, парень, теперь вступишь в Гадрай?

Кастелл посмотрел на него с недоумением.

– Ты убил великана. Я выступлю как свидетель. Я видел своими глазами, как ты это сделал.

Кастелл фыркнул.

– Великаншу, – поправил он. – И если в Гадрай может вступить любой, то в него скорее должен вступить мой конь. – Он похлопал его по дрожащему боку. – Это он убил великана, а ты в этом убедился.

– Просто не хотел, чтобы она снова поднялась на ноги, – улыбнулся Макуин. – Для того, что ты сделал, парень, нужно быть твердым духом. К тому же ты спас мне жизнь. Я этого не забуду.

Кастелл смущенно отвел взгляд.

– Каковы наши шансы, как думаешь?

Макуин долго молчал.

– Не думаю, что они последуют за нами за Ренус. Если мы сможем пересечь реку и въехать в Изилтир, то они, скорее всего, прекратят погоню. Раз уж они проследовали за нами досюда, сомневаюсь, что от нас отстанут раньше.

– Но мы проехали Ренус пять дней назад, – сказал Кастелл, пытаясь не дать страху завладеть своим голосом.

– Твоя правда. Но тогда мы ехали с другой скоростью – ее задавали повозки. Мы уже проскакали столько, сколько проехали с повозками дня за два. – Он скривился. – Но наши лошади устают, мы слишком их загоняем. Мы должны ехать всю ночь, чтобы была вероятность дожить до рассвета, но ехать будем медленнее. Думаю, если гунены не догонят нас завтра до солнцевыси, мы увидим реку. *Если только* мы проедем всю ночь и если лошади под нами не сдохнут.

– Что такого хорошего во сне, если из-за него рискуешь очнуться с копьём в заднице? – промолвил Кастелл. Макуин угрюмо кивнул.

Они съели немного солонины и запили ее водой.

– По коням! Посмотрим, сможем ли мы дожить до рассвета.

Ночь для Каstellла прошла как в тумане. Большую часть пути лошади замедлялись до изнуренного шага. Несколько раз он засыпал, резко просыпаясь только тогда, когда начинал соскальзывать с седла, и не раз протягивал руку, когда то же самое случалось с Макуином. Бубня под нос молитвы, он благодарил Элиона за чистое небо, что позволяло луне и звездам ярко сиять в ночи и освещать горную тропу. Незаметно подкрался рассвет: небо стало серо-стальным, затем темно-синим, и только тогда они поняли, что ночь закончилась. Однако Макуин все еще не позволял остановиться. Луга внизу покрывала густая дымка, образуя плотную серую пелену вплоть до самого леса. Макуин недоверчиво смотрел на нее и упорно пого- нял лошадь.

К тому моменту, как они остановились, почти уже вываливаясь из седел, дымка внизу рассеялась, а солнце вовсю жарило им спины. Каstellл попытался проверить, нет ли за ними хвоста но, когда он сощурившись посмотрел назад, на горную тропу, солнце еще стояло низко и слепило его своими лучами.

– Пей, – пробормотал Макуин, наливая воду в сложенные лодочкой ладони и давая ее лошади.

Каstellл снова посмотрел назад. От круга света отделились некие черные очертания. Они были близко, гораздо ближе, чем он предполагал. Каstellл схватил Макуина за руку и прохри- пел что-то в знак предупреждения.

– Уходим отсюда! – крикнул Макуин и толкнул Каstellла к его коню.

Они пустили измученных коней вскачь – все мысли о том, что стоило бы пощадить лоша- док, остались где-то далеко позади, когда их начала нагонять смерть. Внутри Каstellла нарас- тало смятение, и он кричал на своего коня, пытаясь заставить его двигаться быстрее. Они достигли вершины хребта и увидели вдали проблеск воды – Ренус, что утекал прочь от гор. Затем дорога опустилась по небольшому склону к другому горному хребту, и река пропала из виду. Позади Каstellла раздался крик, сопровождаемый звуками удара. Он обернулся и увидел, что Макуин лежит на земле, его лошадь упала позади него, а ее передняя нога загнулась под туловище под неестественным углом. Каstellл повернул своего коня и поехал назад к Маку- ину, который пытался подняться на ноги. Часть его лица покрывала запекшаяся кровь и грязь. Одного взгляда на его жеребца было достаточно, чтобы понять: он больше не встанет.

– У него нога сломалась, – сказал Макуин. Каstellл протянул ему руку, и Макуин схва- тил ее, запрыгивая в седло позади Каstellла. Его конь начал перебирать дрожащими ногами. Каstellл выругался и прищипил животное. Конь сдвинулся с места, но пошел медленным шагом. Они прошли совсем немного, а затем Макуин ругнулся и соскользнул на землю.

– Езжай, парень, – сказал он Каstellлу. – Если хотя бы один из нас выживет, то все это было не впустую. – Каstellл молча смотрел на него. – Езжай, парень, – повторил Макуин, спо- койно застегивая шлем. – *Ну же*, – поторопил он, – пока и для тебя не стало слишком поздно. Видишь реку? – Каstellл кивнул. – Я постараюсь выиграть тебе немного времени, так что для тебя еще не все потеряно. Это не то, чего стоит стыдиться, приятель. *Живи*.

Мгновение Каstellл неподвижно сидел в седле, в голове изнуренно и беспорядочно вер- телись мысли, а затем он покачал головой и слез с лошади.

– Ты так легко от меня не отделаешься, – буркнул он.

Макуин угрюмо улыбнулся.

– Тогда дай мне хотя бы свое копье. Свое я оставил в теле великана, а ты копьем не попадешь даже в борт корабля с десяти шагов.

Каstellл ухмыльнулся. Отдал Макуину копье и отстегнул свой щит. Его лошадь утоми- лась, так что в бою была бесполезна. Он с силой хлопнул ее по боку, она рысью поскакала вверх по склону и скрылась за горным хребтом.

Мужчины встали плечом к плечу – и тут на горном хребте, который они только что пере- секли, появились гунены. Великаны завидели людей, дико завывали и заулюлюкали, и Каstellл

почувствовал укол страха, все внутренности словно сковало льдом. Потом замолкли, и только их окованные железом сапоги громко топали по земле. Кастелл попытался их сосчитать. Великанов было не менее дюжины, а может, и больше – трудно сказать. Среди них имелись женщины, которые отличались по отсутствию усов и бороды. Солнечный свет блеснул на боевых топорах и молотах, что они достали из-за пазухи.

Рядом с собой Кастелл слышал шепот, увидел Макуина, глаза которого были закрыты, а губы двигались. Затем он открыл глаза, оттянул руку назад, и копьё Кастелла со свистом взлетело в воздух. Взмыло ввысь и, описав в воздухе изящную дугу, прилетело в великана – тот пошатнулся, упал и уже больше не вставал.

Кастелл вынул меч из ножен. Когда в его руках появлялось оружие, он ощущал себя другим человеком, куда-то сразу девалась его всегдашняя неуклюжесть. Он поклялся забрать с собой за мост мечей по крайней мере одно чудище. Далеко позади Кастелл слышал рокот, похожий на раскат грома. Он посмотрел на небо, но на нем не было ни облачка. Великаны были так близко, что можно было рассмотреть черты каждого из них. Черные кожаные доспехи, которые оплетали их тела, образуя странные узоры. Татуировки, что словно змеи обвивали им руки. Темные глаза, что грозно сверкали на бледных лицах, обрамленных заплетенными в косы черными волосами. На лицах у мужчин красовались длинные усы.

Великаны достигли павшего коня Макуина. Кастелл пробормотал последнюю молитву Элиону и поднял меч. Гром прозвучал снова, на этот раз – сильнее. Теперь он не затихал, но усиливался. Внезапно Макуин столкнул его с дороги в сторону. Он упал и покатился по камням, чертыхаясь. Рокот все нарастал, пока не задрожала земля, и тогда Кастелл понял, что звук идет вовсе не с неба, а из-за горного хребта позади них. Тут на склоне показались лошади. Они спускались с хребта словно лавина, а возглавлял ее, весь в сияющей кольчуге, дядя Кастелла. Словно ангел возмездия из времен, что предшествовали Бичеванию, на помощь явился Ромар.

Глава 11. Корбан

Корбан ехал в седле прижавшись к Гару. Он слышал больше, чем видел, потому как перед его лицом колыхалась накидка управляющего конюшен. Вокруг них мерцал оранжевый свет: он исходил от множества факелов, которые люди зажигали на пути к дому Дэрола. Но даже несмотря на это, путь во тьме был медленным и утомительным. Корбан не знал, сколько еще ехать до места назначения, а спросить не мог, поскольку вся группа хранила напряженное молчание. Слышен был только топот копыт по древней дороге.

«И все же я еду с ними», – думал он, вспоминая о том, как умолял Гара, чтобы тот взял его с собой.

– Далеко еще? – в который раз канючил он Гару в спину, но управляющий конюшен не проронил ни слова. Он повторил еще раз, громче.

– Недалеко, – пробубнил Гар. – И клянусь, если ты еще раз задашь этот вопрос, я скину тебя с лошади.

Корбан скорчил кислую мину, но ничего не сказал в ответ. В его голове вновь всплыло лицо Дилана – оно почти не покидало ее с момента, как он услышал о пожаре. Многие побежали к конюшням, услышав зов Гара, и сейчас Корбан ехал в составе отряда по меньшей мере из сорока человек, включая короля Бренина. Корбан вздохнул и плотнее прижался к Гару.

Спустя, как показалось, целую вечность Молот, пегий конь Гара, повернул и начал взбираться по склону. Они приехали на место. Небо над их головами посветлело, и сперва Корбану показалось, будто незаметно подкрался рассвет. Но затем он услышал потрескивание горящего дерева, почувствовал запах дыма и понял, что свет исходит от охваченного пламенем дома Дэрола.

Всадники остановились. Корбан спрыгнул с лошади, огляделся, и у него вырвался вздох изумления. Частокол полыхал, языки пламени рвались высоко в небо. В огне виднелась темная прореха – из открытых ворот вырывался столб черного дыма.

Бренин поднялся на вершину холма. Его щитоносцы поспешили встать вокруг него полукругом.

– Постарайся не привлекать к себе внимания, – прошептал Гар. – Тебя здесь быть не должно.

Корбан кивнул. Он прекрасно знал, что вместе с королем следует ехать только тем, кто прошел испытание воина и высидел Долгую ночь. Даже ребятам вроде Рэйфа, что проходили обучение на Рябиновом поле, нельзя было присоединиться к ним.

Едва только Корбан прошел через открытые ворота, его окутали облака дыма. К запаху горящего дерева примешивался другой, тошнотворно-сладкий аромат, который словно оседал в глотке. Здания внутри ограды полыхали не так сильно; на месте трапезной и конюшни осталась пара обугленных бревен.

Бренин присел посреди двора, несколько воинов встали подле него. Затем король встал и двинулся дальше, а Корбан подошел поближе, чтобы рассмотреть, что привлекло внимание Бренина.

На земле лежало тело. Это был Дэрол. Вокруг его живота растекалось темное пятно. Скрюченные, окровавленные пальцы застыли в попытках зарыться в землю.

Впереди послышался клич. Рядом с черной кучей, что когда-то была трапезной, стоял какой-то ратник и пытался раздвинуть сгоревшие бревна древком копья. Кто-то поспешил помочь – это был один из братьев, что приехали в деревню прошлой ночью. Остальные же столпились вокруг, загораживая Корбану обзор. Сапоги мальчика почернели от мягкого пепла, он позабыл о том, что не должен привлекать к себе внимание, и начал проталкиваться сквозь собравшихся воинов, пока не остановился как вкопанный перед разобранной грудой бревен.

На земле перед ним лежали почерневшие и покореженные огнем тела. Запах ударил в нос Корбану так резко, что у него перехватило дыхание, а содержимое желудка попыталось вырваться наружу. Он насчитал пять тел, все обугленные до неузнаваемости, а среди них одно, что было меньше других, – Фрит. Корбан не понимал, какое из тел принадлежало Дилану, но точно знал, что его друг лежит перед ним в числе других. К горлу снова подступила тошнота, а из глаз брызнули слезы. Он смахнул их, краем сознания понимая, что стоит сейчас среди лучших бойцов Дун-Каррега. Мальчик развернулся и спотыкаясь отошел в сторону, где упал на колени и его вырвало прямо на усыпанную пеплом землю.

На его плечо опустилась чья-то рука. Он сморгнул обжигающие слезы и увидел Таннона. Отец без труда поднял его с земли.

– Тебе не следует быть здесь, Бан, – прорычал Таннон.

– Дилан... – пролепетал Корбан, и отец прижал его к себе. Плечи паренька не переставали содрогаться. Какое-то время они так и стояли вдвоем, в то время как другие воины ходили по двору, тщательно осматривая пепел. Вскоре Корбан отстранился от отца. Гар подошел к ним в тот момент, когда Корбан вытирал глаза, размазывая пепел по щекам.

– Бренин отправил своих людей осмотреть участок вокруг холма, пусть попытаются найти хоть что-то, надо понять, что здесь произошло.

– А *ты* как думаешь, что здесь произошло? – спросил Корбан.

– Кровная месть или грабеж – что же еще? – зло произнес Таннон.

– Я думаю, это были разбойники, – сказал Гар. – Ходят слухи, шайка Брейта отправилась из Темнолесья на восток, грабя и сжигая все на своем пути. Баглун не столь велик, как Темнолесье, но все же для них это заманчивое местечко.

– Если не брать в расчет волчней и близость к Бренину, – подметил Таннон.

Гар пожал плечами.

– Волчни водятся и в Темнолесье, – сказал он. – Думаешь, это кровная месть? Думаешь, у Дэрола были враги, способные на такое?

Таннон вздохнул и покачал головой.

– Просто не нравится мне мысль о том, что рядом с домом орудуют разбойники.

Со стороны ворот донесся шум. Приехала вереница телег с людьми из деревни и крепости. Многие привезли с собой различные орудия труда – от ведер до лопат. Корбан увидел маму и сестру, спешащих к ним по склону холма. Гвенит подбежала к нему и схватила за руку.

– Дилан умер... – пробормотал он, чувствуя ком в горле и свежие слезы в уголках глаз. Гвенит попыталась его обнять, когда мимо них проходили жители деревни, но Корбан отстранился.

Только что прибывшие селяне принялись за работу: убрали с земли обугленные бревна, раскапывали пепел и тщательно осматривали руины. Остаток утра пролетел незаметно. Корбан снова забрался сзади на пегого коня Гара и отправился вместе с управляющим конюшен к реке, где уже усердно трудились многие, включая Бренина. Разбирали ловушки для лосося, что поставил Дэрол, и укладывали на телеги камни со дна реки, которые были необходимы для строительства каирна.

Во дворе дома камни выгружали из телег и возводили из них на вершине холма большой каменный каирн вокруг тел Дэрола и его семьи. Когда солнце начало опускаться за горизонт, свои места заняли последние камни сооружения. Бренин выступил вперед.

– Дэрола и его семью знали почти все из тех, кто здесь собрался. Это были хорошие люди. Прошлой ночью на них напали разбойники. – Он позвал Мэррока.

– Мы нашли две цепочки следов, – сказал ловчий, – одну, идущую из леса, и другую – обратно в лес. Примерно дюжина лошадей. Полагаю, часть из их всадников перелезла через частокол и открыла ворота остальным. Дэрол услышал шум, вышел из дома и был убит. Прочих убили в трапезной. Мы шли по их следу до Баглуна, но там он оборвался. – Он скривился

и подозвал кого-то из толпы. Вперед выступил один из братьев, которых Корбан встретил на дороге прошлой ночью, – старший и наиболее суровый.

– Галион нашел вот это. – Мэррок кивнул мужчине, и тот протянул руку, показывая всем жемчужное ожерелье, которое Корбан видел на Элин, сестре Дилана.

Бренин вынул свой меч.

– Здесь свершились темные дела, – сказал он гневно. – Сим я клянусь: не позволю вора и убийцам творить в Ардане все, что им вздумается, и уж тем более – у самого моего порога. Для Дэрола и его семьи восторжествует правосудие. Виновные поплатятся кровью за содеянное ими преступление. Клянусь мечом отца и скрепляю клятву своей кровью. – Бренин сжал руку в кулак вокруг лезвия меча, по краю которого тонкой струйкой потекла кровь, и убрал его в ножны.

На следующее утро, когда Корбан проснулся, он чувствовал себя сносно, а потом на него обрушилась вся тяжесть воспоминаний о предыдущем вечере. Пожар. На глаза навернулись слезы. Он бы попытался повернуться на бок и снова уснуть, но Гвенит, должно быть, услышала, как он ворочается в постели, потому как она влетела в его комнату и не дала ему укрыться одеялом. Она присела на кровать рядом с сыном, проводя рукой по его волосам, нагнулась и нежно поцеловала в щеку.

– Вставай, идем завтракать.

Некоторое время Корбан ковырялся в медовике и делал вид, будто пьет молоко из кружки.

– А где Кивэн? – спросил он.

– В конюшнях, с Гаром. – Мама краем глаза следила за ним. – Отец сказал, что сегодня ты ему нужен в кузнице.

Корбан вздохнул и встал из-за стола.

– Тогда пойду и найду его.

Таннон сообщил ему, что до солнцевыси помощь не понадобится. Корбан решил сходить к Дату. Когда он постучался, дверь открыла Бетан.

– Дат ушел с отцом, – сказала она.

– Хм, – протянул он, шаркая ногой.

– Они уплыли с приливом, едва взошло солнце.

– Понятно, – кивнул Корбан и развернулся.

– Корбан! – крикнула Бетан ему вслед. – Ты ведь хорошо знал семью Дэрола, да?

– Да.

Она подошла к нему и взяла его за руку:

– Бренин их поймает.

Корбан только вздохнул и пошел прочь.

Луг, на котором два дня назад были толпы людей и стоял шум, почти полностью опустел. На противоположной стороне луга Корбан увидел высокую фигуру, что загружала повозку, а рядом с нею – огромного пса.

Уши Талара повернулись в сторону Корбана, а тот уже подбегал к Вентосу, поднимающему огромный узел овчины.

– Так ты уезжаешь, – сказал Корбан.

– Да, парень. Товар сам себя не распродаст. Надеюсь, к середине лета объеду большую часть Ардана. Грустное дело вчера стряслось. Ты близко знал эту семью?

– Да. Особенно Дилана, сына Дэрола. – У него увлажнились глаза. – Спасибо за помощь.

– Доброе тут место, – крикнул Вентос. – И люди тут живут добрые. Далеко не везде в Землях Изгнанников можно увидеть столько людей, готовых помочь, как это было вчера.

– Обычно-то здесь не происходят убийства, – пробормотал Корбан. Он слышал о преступлениях разбойников, знал, что дома ближе к Темнолесью часто поджигают. Но для него,

обитателя крепости, такие вещи всегда оставались просто байками. Тем, с чем он никогда не сталкивался.

Вентос кивнул.

– У вас хороший король, который не позволяет подобному случаться. В других местах происходят гораздо худшие вещи. Даже не сомневаюсь, что он найдет и покарает тех, кто учинил такое беззаконие. А теперь помоги-ка мне с погрузкой. – Он вытер пот со лба.

Когда они загрузили повозку, торговец забрался на скамью спереди. В повозку был запряжен крепкий на вид пони, еще один, тяжело груженный, – привязан к заднему борту.

– Не приближайся к Баглуну, – сказал Корбан, когда торговец взял в руки вожжи.

– Не переживай за меня, приятель. За мной Талар присмотрит. – Вентос хлопнул поводьями, и пони тронулся с места. Торговец широко улыбнулся и помахал рукой, взяв направление на великаний тракт; Талар побежал следом. Корбан стоял и смотрел, пока Вентос не скрылся за горизонтом, затем поднял взгляд на солнце, выругался и со всех ног помчался в крепость.

Буддай поднял голову, чтобы посмотреть на Корбана, а тот подбежал, перепрыгнул через пса и скрылся в дверях кузницы. Мальчик прислонился к деревянному косяку и жадно глотал ртом воздух. Грудь поднималась и опускалась словно кузнечные мехи, качаемые рукой Таннона.

– Ты опоздал, – сказал отец. Его озарял свет от горна, четко выделяя границы света и тени. Таннон стоял по пояс голый, широкую грудь и живот закрывал фартук из шкуры тура. В воздухе витал запах жженных волос: из-под молота мужчины вылетали искры – и опаляли ему либо бороду, либо могучие руки.

– Прости, пап, – выдавил Корбан, тяжело дыша.

– Неважно. Хотя мужчина должен быть верен своим словам. – Таннон смерил сына суровым взглядом. – Мне нужно, чтобы ты поработал молотом. Торин заказал полдюжины кос. – Он посмотрел на Корбана, который все еще стоял прислонившись к дверному косяку. – *Ну же*, давай, приятель. Нужно обработать железо, пока оно не остыло.

Корбан надел свой фартук из осклизлой кожи и взял молот, которым Таннон вертел у него перед носом. Меж лапами наковальни был зажат толстый длинный кусок раскаленного железа. Он источал жар и белый свет, прерываемый темными раковинами. Корбан знал, что нужно делать, – и молот зазвенел в его руках, когда он опускал его на металл; по мере медленного очищения железа во все стороны полетели слепящие искры.

Остаток дня прошел в потоке жара и звона, иногда прерываемом застывшими картинками прошедшего дня, что всплывали в его памяти. Неожиданно для Корбана его поднятую руку зажала в тисках огромная лапа Таннона.

– Бан, на сегодня всё, – сказал отец, глядя на него с волнением. Корбан моргнул, повесил молот вместе с другими инструментами на стену и начал выгребать золу из горна, собирая недогоревший сегодняшний уголь с краю.

Когда Корбан с отцом вышли из кузницы, мальчик ощутил, как прохладный вечерний воздух легко пощипывает его вспотевшую кожу. В это время по вымощенной булыжником дороге в сторону конюшен проскакал всадник. На его щите красовался герб, которого Корбан никогда прежде не видел.

Белый орел на черном поле.

Глава 12. Верадис

Когда Верадис прыгнул сквозь огненную стену и откатился в ручей, ощущая запах жженных волос, кожи и мяса, по его телу пробежало обжигающее дыхание огня. С него стекала вода, от открытых участков плоти шел пар. Однако Верадис не стал оценивать ущерб, нанесенный ему огнем, а просто метнул копье в грудь великану, который по-прежнему пытался достать мечом Натаира.

Каким-то непостижимым образом двигаясь быстрее, чем Верадис мог за ним уследить, великан рассек двуручным мечом воздух. Раздался треск – и обломки разрубленного копья полетели в разные стороны.

Великан не атаковал его – просто равнодушно таращился своими черными глазами. Верадис бросил на него сердитый взгляд и, зашипев, вынул из ножен свой меч.

– Верадис, стой! – крикнул Натаир, но Верадис уже сорвался с места. Описав круг, он быстро приближался к противнику с щитом наизготове. Великан замахнулся двуручником, но Верадис пригнулся, ощутив, как клинок со свистом пронесся над головой, и сделал рывок вперед. Острие его меча скользнуло по кольчуге великана, не нанеся никакого урона, потому как тот успел сделать шаг назад. Вместо того чтобы отступить, Верадис продолжил теснить противника, пытаясь находиться как можно ближе к нему, чтобы великан не смог нанести по нему удар мечом. Он двинул врага щитом в живот, а меч его впился в лодыжку.

Великан крикнул: меч вонзился в него, хоть и неглубоко. На мгновение Верадис почувствовал облегчение, но внезапно огромная рука ухватила его щит за край и вырвала оружие из рук воина, да с такой силой, что на нем лопнули кожаные ремни. Грудь взорвалась резкой болью – и через мгновение он уже летел по воздуху, шмякнулся на землю, покатился – и лишь потом остановился, врезавшись лицом во что-то твердое. Из глаз посыпались искры.

– Хорошо сражаешься, человечиска, – пробасил великан, резво приближаясь к нему. Его усы раздвинулись в едва заметной улыбке, а голос звучал как заржавевшая от неиспользования металлическая петля.

Верадис попытался подняться, шаря свободной рукой в поисках рукояти своего пропавшего меча. В глазах потемнело, и эта тьма его постепенно затягивала. Он силился собраться, понимая, что он всего в шаге, в миге от смерти.

А затем рядом с ним оказался Натаир с мечом наизготове.

– Стой! – воскликнул голос за спиной великана. Верадис оттолкнулся от земли, но виски от приложенных усилий сдавила резкая боль, а затем он стал падать, пока сознание окончательно его не покинуло.

Боль. Ритмичная, пульсирующая боль. Верадис осторожно открыл глаза и тут же почувствовал, будто его голову пронзили острыми ножами, а к горлу подступила тошнота.

«Где я? Натаир!»

Он поднялся, но сделал это слишком быстро, и голову пронзила новая волна боли. Верадис сделал глубокий вдох, медленно выдохнул и начал ждать, пока мир вокруг не перестанет кружиться.

– Живой, значит, – сказал нависающий над ним Раука. Воин помог Верадису присесть и опереться на ствол лавра.

– Натаир? – пролепетал Верадис.

– В том шатре, – ответил Раука, указав кивком через плечо.

Они всё еще были в ложине, и Верадис сейчас сидел в тени лавров, стоявших рядом с ручьем. Ратники рассыпались по пятаку вблизи шатра, силуэты некоторых из них виднелись на горном хребте, неся дозор. У входа в цветастый шатер стоял темноволосый великан.

– Что случилось?

– Ты о том, что случилось после того, как ты попытался себя поджечь? – ухмыльнулся Раука, присев рядом с ним.

Верадис хмыкнул в ответ.

– Я толком и разглядеть ничего не смог: ты какое-то время махал на великана мечом, а затем он отвесил тебе затрещину, и ты полетел напрямик в эти деревья...

– Это я помню, – пробормотал Верадис, поднося руку к пульсирующему от боли носу, покрытому липкой кровью.

– Потом на мгновение показалось, что великан вот-вот вонзит в тебя меч, но Натаир заслонил тебя собственным телом. – Раука снова усмехнулся. – Вроде как ты его телохранитель, а не наоборот...

Лицо Верадиса залилось румянцем.

– Все пошло не по плану. Что случилось потом?

– Ну, вмешался старик – он успокоил великана. Мне показалось, все это – огонь, великан, меч – было для того, чтобы донести мысль.

– Мысль?

– Ну да. О том, что Натаир находится в их милости и что если бы они *хотели*, то легко могли бы причинить ему вред.

– Но они этого не сделали.

– Нет. Как я и сказал – хотели донести мысль. По крайней мере, в этом убежден Натаир. После того как он убедился, что ты все еще дышишь, он ушел с советником в шатер и все это время находился там.

Верадис посмотрел на шатер, на великана, охраняющего вход, и скривился.

– А что насчет огня? – Он вспомнил, что обжигающая стена пламени изначально была маленьким костром.

– Не знаю. – Раука пожал плечами. – Слышал я рассказы о людях, что могли творить такое. Стихийники? – прошептал он.

– Я тоже, – поежился Верадис.

Раука помог ему подняться, дойти до ручья и снять кольчугу – все это сопровождалось стонами и вспышками боли. У него болели почти все части тела: те, которые пострадали, когда он упал на землю и когда врезался в дерево; участки обожженной пламенем кожи. Но больше всего болели два места: грудь, где наливался насыщенным цветом синяк от великаньего удара (однако ребра, благодаря кольчуге, остались целы и невредимы), и нос, который все еще отдавал пульсирующей болью после удара о дерево.

– Он сломан, – заявил Раука слишком довольным, по мнению Верадиса, голосом. – Мне его вправить или ты предпочтешь выглядеть как какой-нибудь из Кадошимов Азрота?

– Вправить, – пробурчал Верадис. Расстегнул свой ремень и прикусил его.

Раука положил обе ладони ему на лицо по бокам от переносицы и резко их повернул. Раздался глухой хруст – Верадис охнул от боли и вцепился зубами в ремень. Затем, набрав ладонью воды из ручья, начал смывать кровь, что вновь потекла из носа.

– Прими мою благодарность, – пробурчал Верадис, когда Раука присел рядом с ним.

– Всегда пожалуйста, – ухмыльнулся друг и похлопал его по плечу.

Этой ночью они разбили лагерь в лощине. Когда солнце опустилось за горизонт и небо превратилось в черный бархат, на котором, словно ледяные осколки, блестели звезды, Натаир все еще находился в шатре.

Оркус оставил дозор на горном хребте. Другая же группа всю ночь наблюдала за входом в шатер и великаном.

* * *

Верадис проснулся с ощущением боли по всему телу.

Отряд молча завтракал в ожидании принца. Вскоре великан, что по-прежнему охранял шатер, поднял закрывавший вход полог, и на дневной свет вышли Натаир и седовласый старик.

Натаир отыскал Оркуса, и спустя некоторое время отряд уже готовился к отбытию. Пока шли сборы, великан разбирал шатер, а старик стоял со скрещенными на груди руками и не сводил глаз с Натаира.

Сборы были в самом разгаре, как вдруг Натаир увидел Верадису и направился напрямик к нему.

– Рад, что ты в порядке, – сказал принц, положив руку на плечо Верадису. – Никогда не забуду твоего поступка.

– Я слышал, что это *ты* меня спас, – возразил Верадис.

– Это правда, – усмехнулся Натаир. – И все равно. Верадис, ты прыгнул в огонь, чтобы меня спасти. Сделал то, что не осмелился сделать никто другой... – Принц покачал головой. – Я этого не забуду.

Вскоре все было готово. Натаир еще раз поговорил с советником и взял у него кожаный футляр для свитков. Верадис стоял рядом с принцем, наблюдая за великаном, который сердито зыркал по сторонам с высоты в полтора обычных человеческих роста. На нем было одеяние из темной кожи и кольчуга. Всю левую и отчасти правую его руку обвивала татуировка в виде колючего стебля. Из-за спины торчала рукоять палаша. Лицо великана походило на человеческое – только с резкими и угловатыми чертами. В его длинные усы вплелись кожаные ленточки. Внезапно черные глаза великана уставились на Верадису. Тот поспешно отвел взгляд.

– Счастливого пути! – воскликнул старик, сжав Натаиру предплечье на воинский манер.

– До встречи.

– До встречи, – эхом отозвался советник, и они разошлись в разные стороны – Натаир повел своих людей вверх по крутому склону.

Вскоре они сели на лошадей и поскакали вдоль побережья Нокса. Возглавлял колонну Оркус с несколькими орлиными стражами. Натаир же со своими людьми ехал позади, Верадис и Раука – справа и слева от него.

С тех пор как они покинули лошину, Натаир не проронил ни слова.

– Я договорился о перемирии, – вдруг сказал он, испугав Верадису.

Раука исподлобья взглянул на принца.

– Знаю, для многих это будет потрясением. Но думаю, что перемирие много на что повлияет в положительном смысле.

– Если бы только потрясением. Многие этому воспротивятся, Натаир. – Верадис вырос на побережье, и, хотя вин-талунцы вот уже десять лет как на них не нападали, их дурная слава оставалась неизменной. А с недавних пор набеги возобновились.

– И тем не менее это ради общего блага, – сказал Натаир.

– Но как ты можешь им верить? – проворчал Раука.

– Я им не верю. Но они донесли свою мысль, – ответил принц. – Если бы хотели, они могли бы меня убить. Они явно *хотят*, чтобы я им доверял. Зачем? Это мы выясним. К тому же многое из сказанного ими действительно правда – союз был бы выгоден всем нам. С их помощью можно многого достичь. Я просто использую их так, как они хотят использовать меня.

– Просто будь осторожен, – предупредил Верадис, бросая взгляд на Рауку.

– Конечно, – усмехнулся Натаир. – Друзей держи вблизи себя, а врагов – еще ближе, не так ли?

– Он тебе представился? – спросил Верадис.

– Да. Его зовут Калидус, – тихо, почти шепотом, ответил Натаир. – Только его имя нельзя никому называть. Судя по всему, много лет назад у него с моим отцом случилась какая-то размолвка. Я не хочу, чтобы отец поставил крест на всем, чего я добился, всего лишь из-за какого-то там несчастного имени. – Он посмотрел на Рауку и Верадису: – Мне нужно, чтобы вы поклялись.

– Конечно, – сказал Раука. Верадис кивнул.

Натаир внезапно улыбнулся и кивнул сам себе.

– Говорю же – это ради общего блага.

Когда Верадис достиг вершины небольшого холма и увидел перед собой крепость с озером, в лучах солнца ярко заблестели черные стены Джеролина. На горизонте возвышались Агульские горы, неровная линия которых разделяла небо и землю.

Обратный путь прошел без приключений. Отряд двигался быстро: все были рады покинуть южные земли с их невыносимой жарой. Здесь, на севере Тенебрала, тоже было жарко, но благодаря легкому ветерку, что дул с гор, теплынь ощущалась не так сильно.

На озере медленно покачивались рыбацкие лодки и более крупные купеческие суда, в то время как отряд проехал обнесенные частоколом границы приозерной деревни и направился вверх по склону, ведущему к крепости. На ветру колыхалось знамя Тенебрала с орлом. Сопровождаемые топотом копыт по каменной мостовой, они въехали в широкие ворота, где и спешились.

Вокруг царила сумятица: там смешались работники конюшен, воины и лошади. Верадис видел, как Валин пытается навести хоть какое-то подобие порядка: его зычный крик был отчетливо слышен среди всей этой разноголосицы. Затем подоспели король Аквилус и королева Фиделе, окруженные ратниками, и в конюшнях стало заметно тише.

Фиделе подбежала к Натаиру и крепко его обняла. Принцу явно было неудобно, а глазами он искал отца. Аквилус стоял поодаль и приветствовал сына в более сдержанной манере. Король подозвал Оркуса, и они вчетвером ушли в сторону трапезной и башни, что находилась позади нее.

Некоторое время спустя Верадис проследовал за Раукой и Босом в трапезную. Бос с силой опустил на стол кувшин с вином. Разлил напиток по трем бокалам и осушил свой одним залпом.

– Теперь я вижу, почему ты такой здоровенный, – сказал Раука, глядя на переполненный едой поднос Боса. Бос в ответ лишь пожал плечами и продолжил есть.

Верадис принялся за еду. Когда с трапезой было покончено, он отодвинул пустую тарелку и откинулся назад. Верадис медленно потягивал вино, рассматривая присутствующих в полупустом зале.

– Это кто, Перитус? – тихо спросил он, глядя на кучку воинов в дальнем конце зала. Между ними, посередине, сидел поджарый мужчина в возрасте. Он был среднего роста, а короткостриженные волосы с одной-единственной воинской косицей совсем не скрывали разрастающейся плечи.

– Да, – пробурчал Бос.

– Я так и думал, – сказал Верадис. Он однажды видел полководца Аквилуса, но это произошло по меньшей мере восемь лет назад, когда Верадису было всего десять лет. Перитус возглавлял отряд, который помог его отцу разобраться с шайкой разбойников, что засели в крупнейшем из лесов Тенебрала.

– Он приехал сегодня утром, – сообщил Раука, – незадолго до нас. С ним вернулась только половина из тех, с кем он отправился.

– Что случилось? – спросил Верадис.

– Великаны. Они разбойничали к югу от гор. Местные бароны прожужжали все уши Марцеллину, тот – Аквилусу, и Аквилус послал Перитуса разобраться.

– И только половина вернулась? Не знал, что от клана осталось столько великанов, чтобы они могли совершить такое, – усомнился Верадис, вспоминая Балару – полуразрушенную крепость, что медленно осыпалась неподалеку от его дома. В Тенебрале имелось полно напоминающий о том, что когда-то здесь обитали великаны. Но великаний клан был давным-давно разбит, а уцелевшие бежали. По крайней мере, так Верадис думал до сегодняшнего дня.

– Для большого урона и одного великана хватит, – сказал Бос. – Мой отец служил Марцеллину, перед тем как стать здесь орлом, и он говорил: чтобы справиться с одним великаном, нужно не менее четырех толковых вояк.

– Только если тебя зовут не Верадис, – заметил Раука. – Вот кто одолеет великана один на один. – Воин ухмыльнулся и чокнулся своим кубком с чашей Верадиса, пролив красную жидкость на стол. Верадис насупился.

В этот момент в зал вошла небольшая группа воинов во главе с Арматусом, оружейным наставником. Он увидел Перитуса и направился напрямик к нему. Они обнялись, похлопав друг друга по спине.

– Они выросли в одной деревне, – сказал Раука. – Вместе пришли в Джеролин, чтобы вступить в войско. Это случилось в те времена, когда Аквилус еще был принцем.

За их спинами прозвучали тихие шаги, которые остановились рядом с Верадисом. Он обернулся и увидел, что над ним возвышается Фиделе. На бледном лице королевы ярко-красным цветом выделялись губы; ее черные волосы были едва тронуты сединой.

Трое воинов поспешили подняться на ноги, но она вытянула вперед руку и положила ее на плечо Верадису.

– Я слышала, что ты сделал для моего сына.

Верадис понимал, что должен что-то сказать в ответ, и открыл было рот, но не смог и слова вымолвить.

– Я хотела бы тебя отблагодарить, – продолжала Фиделе. – В его окружении должны быть хорошие люди. Люди вроде тебя.

– Спасибо, – промямлил Верадис, чувствуя, как лицо заливается краской.

Фиделе улыбнулась, сжала его плечо и ушла.

– Может, ты и храбрец, – начал Раука, – но красноречие явно не твой конек.

Бос засмеялся, а Верадис еще сильнее залился румянцем.

* * *

Следующие десять дней пролетели незаметно. В жизни Верадиса появился повседневный распорядок. Большую часть своего времени он проводил, упражняясь с недавно созданным отрядом Натаира, хотя тот редко присутствовал на их учениях. После своего возвращения принц обрисовал Аквилусу их путешествие и встречу с советником Ликоса, в деталях описав соглашение, предложенное Вин-Талуном. Аквилус, однако, не был столь лучезарно настроен, как надеялся Натаир, и взял несколько дней на обдумывание. Поэтому, когда Верадис в последний раз виделся с Натаиром, тот был напряжен и взвинчен.

Малочисленный отряд принца продолжал расти: всем, кто приезжал в крепость в надежде стать бойцом армии короля Тенебрала, предлагалось вступить в дружину Натаира. Утро восьмого дня после прибытия в Джеролин Верадис встретил на оружейном ристалище. После боя с Босом он насквозь промок от пота. Костяшки пальцев покраснели и словно горели от скользящего удара. Несмотря на это он выиграл бой. Верадис быстро обретал доброе имя среди воинов Джеролина. Не раз он замечал на себе одобрительный взгляд оружейного наставника Арматуса.

Верадис, давая поту высохнуть на солнце, наблюдал, как упражняются остальные, как вдруг услышал приближающиеся шаги. Он обернулся и увидел широко улыбающегося Натаира, который стремительно шел прямо к нему.

– Дело сделано – отец согласен, – хлопнул принц Верадиса по плечу.

– Отлично, – ответил Верадис, хоть годы недоверия ко всему, что связано с Вин-Талуном, и омрачали ощущение радости.

– Ответ Ликосу доставит Дейнон, наш пленник.

– Аквилус передумал лишать его головы? – спросил Верадис.

– Конечно нет. Это не лучший способ вступать с кем-либо в союз, – ухмыльнулся Натаир.

Позади послышались голоса и шаги – через двор шел Аквилус, а за ним – два орлиных стража с Дейноном.

Мгновение Натаир наблюдал за ними, затем направился следом, махнув рукой Верадису, чтобы тот пошел с ним. Они догнали их в конюшне, где Дейнон и два стража садились на лошадей. Попрошавшись, вин-талунец с надежно закрепленным внутри седельной сумки футляром для свитков поскакал прочь. Следом за пиратом направились стражи.

– Пойдем со мной, – обратился Аквилус к сыну. Он пошел к выходу, а Натаир с Верадисом двинулись за ним следом.

Долгое время они шли молча вслед за Аквилусом, пока не оказались на крепостной стене, с которой открывался вид на озеро и равнины позади него. Дейнон и его сопровождающие сейчас выглядели как черные точки где-то вдаль.

– Зачем ты отправил его в сопровождении воинов, отец? – спросил Натаир. – До побережья же легко добраться.

– Они поехали вместе с ним, чтобы убедиться, что он *добрался* до побережья, Натаир. Что он нигде не задерживался и больше никуда не заезжал. Я ему не доверяю. Я *никому из них* не доверяю. Многие годы, – продолжал он, – вин-талунцы нападали на наше побережье и прибрежные земли наших соседей. А сейчас они ни с того ни с сего решили, что хотят перемирия, хотят заключить *союз* – с нами и только с нами. Почему не с Тарбешем или с Карнатаном? Почему Тенебрал? Мейкал считает, что все сложилось именно так не просто по совпадению. И я с ним согласен.

Натаир помрачнел.

– Советник Мейкал, – фыркнул принц. – Я тоже не доверяю вин-талунцам, отец. Но в том, что они могут быть полезны для нас, сомнений нет. Просто надо быть настороже.

– Ты прав, сын. Если хочешь поймать добычу, нужно правильно поставить ловушку. Я знаю, чего хотят добиться вин-талунцы. Похоже, это наилучший план действий. – Он сжал пальцами переносицу. – Ты неплохо потрудился, но сейчас настали опасные времена. Грядет война, и нам нельзя терять бдительность...

«Война», – подумал Верадис. Он все еще следил за уезжающим вин-талунцем, но тут в поле его зрения попала большая кавалькада на дороге, направляющаяся к крепости.

– А это кто? – спросил он.

Все трое наблюдали за кавалькадой в тишине, пока та практически не поравнялась с воротами. Это был отряд из сорока или пятидесяти воинов, несущих знамя, которого Верадис никогда прежде не видел, – месяц в усыпанном звездами небе.

– Итак, началось, – тихо сказал Аквилус. – У них знамя Тарбеша. Полагаю, это Рахим, тарбешский король. Первый, кто откликнулся на мой призыв созвать совет.

Глава 13. Корбан

– Мам, как ты думаешь, откуда он? – спросила Кивэн. Корбан ковырялся в тарелке с кашей, рисуя на ней медом кружащиеся фигуры. Гвенит хмуро посмотрела на Таннона со своего места перед очагом, где поджаривала хлеб на длинной вилке.

Мать вздохнула.

– Не знаю. Хотя не сомневаюсь, что ты мне не веришь, потому как, если ты спросила один раз, – ты спросишь еще сотню раз.

– Кто-то же должен знать! – воскликнула Кивэн в отчаянии. – Пап?

– Прости, – пробубнил Таннон сквозь рот, набитый медовиком.

– Белый орел на щите. Так ты его описал, Бан, верно?

– Ага.

– Чей это символ?

– Сегодня мы будем ужинать в трапезной. Бренин, наверное, скажет за ужином, кто его гость, – сказала Гвенит, положив еще один большой ломтик поджаренного хлеба на общую тарелку. С проворством, которое совершенно не соответствовало его размерам, Таннон ухватил хлеб первым и довольно улыбнулся, щедро намазывая на него масло. Кивэн молчала, и нос ее то и дело морщился – так всегда происходило, когда девушка о чем-то крепко задумывалась.

– Наверно, ты права. Но до ужина еще так до-о-олго!

– Спокойствие, девочка. – Таннон откинулся на спинку стула с довольным выражением лица и погладил себя по животу. Корбан насупился. Он всегда находил эту фразу сомнительной, поскольку чаще всего под ней подразумевалось что-то вроде «заткнись» или «давай поговорим о чем-нибудь другом». Судя по выражению лица Кивэн, она думала о том же.

– Идем, парень, пора разжигать печь. Нужно снова заняться косами.

Корбан скривился. Его плечо все еще ныло после вчерашнего дня, а между большим и указательным пальцами красовался волдырь, который болел особенно сильно.

– Ой, совсем забыла! – спохватилась Кивэн. – Гар сказал мне, что ему нужно поговорить с тобой сегодня, Бан. Я сейчас как раз иду в конюшни – пойдем со мной? Сначала в конюшню, потом в кузницу. Если, конечно, ты не против, пап.

– Да нет, всё в порядке. Увидимся после, Бан, – сказал Таннон, вставая со стула и отряхивая рубаху от крошек. Он вышел из кухни, а следом за ним и пес Буддай. Вскоре отправились в путь и Корбан с Кивэн, оставив Гвенит сидеть в одиночестве и смотреть на потрескивающие языки пламени в очаге.

– Чего Гар от меня хочет? – спросил Корбан у Кивэн. Он снова с ней разговаривал. Страх, что посеяла в нем смерть Дилана, заставил его по меньшей мере не так строго относиться к преступлению, которое по необдуманности совершила Кивэн.

– Не знаю. Я спрашивала, но он так и не сказал. Ты знаешь, каким неразговорчивым он иногда бывает.

Корбан утвердительно хмыкнул.

Конюшни представляли собой внушительное сооружение из дерева и соломы. Великаны из клана Беноти, конечно же, не ездили верхом на лошадях и, соответственно, конюшен не строили. Потому Арду пришлось самому заняться постройкой этих сооружений среди каменных зданий старой крепости.

Они нашли Гара в загоне близ конюшен. С ним был чалый жеребенок, которого Кивэн купила на Весенней ярмарке. Его передняя нога покоилась на колене у Гара, и мужчина мазал ее какой-то мазью. Черпал ее пальцами из горшочка и обильно распределял по надрезу, из которого Кивэн достала занозу на ярмарке. Корбан и Кивэн молча наблюдали, как Гар перевязывает копыто, а мальчик при этом морщился от ударяющего в нос запаха мази.

– Идет на поправку, – похлопал Гар чалого жеребенка по шее.

– Кивэн сказала, ты хотел меня видеть, – сообщил Корбан.

– Да, так и есть. – Гар выразительно посмотрел на Кивэн. Та нахмурилась и отказалась глядеть ему в глаза, вместо этого трогая репей в гриве жеребенка. Неловкое молчание затянулось, пока Кивэн не окликнул чей-то голос.

В их сторону быстрым шагом шла Эдана, а рядом с ней – воин. Девушка улыбалась.

– Привет, Кивэн, Гар, Корбан! – Принцесса по очереди улыбнулась каждому из них. – Я надеялась тебя здесь встретить, – сказала она Кивэн. – Если у тебя есть время, не прокатиться ли тебе со мной?

Кивэн усмехнулась.

– Я бы с радостью, но Гар все еще не дал мне указаний на сегодняшнее утро, – потупила она взор.

И тут случилось то, чего никто не ожидал. – Гар ей улыбнулся.

– Поезжай с принцессой, – сказал он. – Пожалуйста.

Кивэн крепко обняла Гара, поцеловала его в щеку и вместе с Эданой побежала к конюшням. Воину, что сопровождал принцессу, пришлось поторопиться, чтобы поспеть за девушками.

– Как ты, Бан? – спросил Гар.

– Неплохо, – ответил Корбан, пожав плечами. Внезапно он почувствовал себя не в своей тарелке и уткнулся взглядом в земляной пол.

Некоторое время оба стояли молча, затем Корбан поднял взгляд и посмотрел Гару прямо в глаза.

– Ну а как прикажешь мне себя чувствовать? Мой друг мертв. Дилана убили. – Он сделал глубокий вздох. – Я много что чувствую, Гар: злость, тоску. Иногда я забываю, что произошло, и могу ненадолго почувствовать себя счастливым. Это хуже всего.

– Ты встречал этого задиру Рэйфа после Весенней ярмарки?

– Видел издалика. Сейчас это все уже не кажется столь важным.

Гар хмыкнул.

– Это хорошо. Но просто так это чувство не уйдет. Мое предложение все еще в силе – ты же помнишь?

– Да.

В это время Кивэн, Эдана и воин выехали из ворот конюшен.

– Все еще желаешь со мной заниматься? – тихо спросил управляющий конюшен.

По правде говоря, предложение Гара обучать его совсем вылетело у Корбана из головы. Но перед глазами снова всплыла наглая рожа Рэйфа и то, что произошло между ними...

– Да, хочу.

– Тогда приходи сюда завтра утром. Если тебя здесь не будет, когда вершины скал озарит солнце, то я пойму, что ты передумал, и мы никогда больше об этом не заговорим.

Не произнеся больше ни слова, Гар развернулся и прихрамывая двинулся в сторону конюшен.

Корбан не припоминал, чтобы в трапезной когда-либо было так много людей. За столом короля всем были рады, но все же многие семьи из небольших дворов, что находились в крепости, – как, например, двор Таннона, – предпочитали ужинать у себя дома. Но не сегодня. Когда Корбан сел на скамейку, зажатый между отцом и сестрой, все в зале были поглощены разговорами. Неожиданно в конце палаты отворилась дверь, и голоса сразу же умолкли. В зал вошли Бренин и орлиный гонец – выражение лица короля не сулило ничего хорошего.

Бренин направился к очагу и отрезал первый кусок мяса, дав начало пиру.

Зал снова наполнился голосами – все присутствующие приступили к трапезе.

Корбан запивал еду элем, как вдруг увидел позади Эвниса знакомую физиономию Рэйфа. У мальчика тут же хмуро сдвинулись брови.

Бренин отодвинул от себя полупустой поднос и встал; взгляды всех присутствующих тут же устремились на короля.

– Завтра утром я должен буду на время покинуть Ардан, – сказал он.

В ответ – тишина.

– Из Тенебрала прибыл гонец, – указал Бренин на мужчину, что сидел подле него.

– Аквилус, король Тенебрала, верховный король Земель Изгнанников, созывает совет королей.

По залу пробежал вздох удивления.

– Это происходит впервые с тех самых пор, когда Изгнанники более тысячи лет назад оказались на берегах этих земель, позже прозванных Землями Изгнанников. Я должен быть там. Вместо себя я оставляю Алону. Она будет править от моего лица, пока я не вернусь.

– А что насчет Дэрола и его убитой семьи? – крикнул голос из толпы.

Бренин задумчиво кивнул.

– Я не забыл свою клятву. Пендатран с отрядом отправится в Баглунский лес. Он не вернется, пока не поймает всех причастных к этому зверскому преступлению. Живыми, надеюсь, чтобы они смогли предстать перед судом короля, когда я вернусь.

Пендатран стукнул кулаком по столу, да с такой силой, что на нем подпрыгнули все кувшины и кубки.

– Да защитят вас Бен-Элимы в мое отсутствие, – молвил Бренин, развернулся и вышел из зала.

Как только дверь за ним закрылась, трапезная сразу же взорвалась множеством голосов, поскольку все немедленно начали обсуждать услышанное.

* * *

Корбан лежал в кровати положив руки под голову и смотрел на потолок, наблюдая за танцующими по нему тенями, что отбрасывал горящий факел в зале. До него доносились приглушенные голоса его матери и отца, которые разговаривали на кухне. Он фыркнул. Когда они с Кивэн хотели обсудить с ними заявление Бренина, Таннон и Гвенит только раздраженно поджимали губы. Но как только они с сестрой разошлись по постелям, родители вот уже битый час говорили без умолку.

Мама уделяла особое внимание истории, и они зубрили хроники Земель Изгнанников начиная со времен Бичевания, поэтому когда он услышал в речи Бренина слово «Тенебрал», то сразу же понял, о чем идет речь. Это была земля, лежащая далеко на юго-востоке, где мужчины вместо сапог и штанов носят сандалии и юбки. При одной только мысли об этом он фыркнул. *Тенебрал*. Однако одного лишь упоминания о нем было достаточно, чтобы в Корбане вспыхнуло любопытство. Он вздохнул. Парню не спалось, хоть он и лежал в кровати уже довольно долго.

До его ушей донесся тихий стук, затем раздался звук отодвигающейся щеколды на двери в кухню, и по комнате внезапно пробежал сквозняк. Послышались шаги, дверь закрылась. Он задержал дыхание, чтобы лучше слышать, что происходит, но за дверью стояла тишина. Затем стукнулись друг о друга кружки, скрипнули ножки стульев о кухонный пол – и снова тишина.

Любопытство окончательно развеяло последние следы сонливости. Корбан аккуратно стащил с себя шерстяное одеяло и начал потихоньку вылезать из кровати. На цыпочках добрался до открытой двери в его комнату, прокрался пару шагов вниз по коридору до кухни и остановился, не решаясь идти дальше. Корбан снова задержал дыхание, пытаясь услышать голос их гостя и понять, кто это. Снова тишина, а затем с кухни донесся знакомый голос Гара:

– Значит, время пришло. Мы должны быть как никогда бдительны.

– Это точно, – вздохнула мама. Затем раздался скрип отодвигаемых стульев, и Корбан помчался обратно в постель.

Глава 14. Эвнис

Эвнис стоял в изголовье ложа жены. Сейчас его меньше всего заботили обязанности королевского советника. Она спала, и грудь ее поднималась и опускалась в такт неглубокому, словно у птицы, дыханию. Он чувствовал, как на него камнем давит разочарование, ощущал ярость по поводу своей беспомощности. Ее пальцы дрогнули, и он потянулся к ней и ласково погладил обратную сторону ее ладони.

Было время, когда он не ощущал ничего, кроме ненависти: к своему брату Гетину, к матери с ее насмешливой снисходительностью. А потом переплел руки с Фэйн. Странно порой оборачивается жизнь – одна из ужаснейших пакостей брата обернулась для Эвниса величайшим счастьем. Гетин думал: женив брата на девушке из столь худородной семьи, он заставит его страдать вечно. И поначалу так оно и было. Но затем Эвнис влюбился в Фэйн. Не сразу, словно громом пораженный, а постепенно, день за днем. В итоге его покорила ее доброта, ее способность видеть во всем только хорошее. Каким-то образом именно любовь к ней заглушила в Эвнисе ненависть к остальным, не избавила полностью от этого чувства, но сделала его не таким *важным*.

Но наблюдая за Фэйн в таком состоянии, он ощущал, что к нему возвращаются все былые переживания, питаясь его самым большим кошмаром – мыслью, что он может потерять любимую. Так и подмывало броситься на что-нибудь – а может, и на кого-нибудь – и сломать, растерзать, уничтожить...

Он мысленно вернулся к Рин и той ночи в лесу – ночи из далекого прошлого, когда он узнал о книге, что покоится под крепостью и содержит в себе тайны силы земли. Ему во что бы то ни стало нужно было найти эту великанью книгу.

Той ночью в лесу и позже на паре тайных встреч ему рассказывал о ней Утас. Он говорил, что его клан вырыл под Дун-Каррегом лабиринт из подземных ходов и что в этих ходах спрятаны сокровища, одно из которых и есть книга, обучающая тайной премудрости владения силой земли. Когда Эвнис только приехал в Дун-Каррег и пытался заработать расположение Бренина, он вел поиски долго и тщательно, но они не принесли никаких плодов. Он побывал в нужной башне, был уверен, что искал в нужном месте, но не нашел *ничего*. Со временем Эвнис прекратил искать. Но теперь, глядя на Фэйн, он понимал, что должен найти книгу. Ему сказали: она поможет поддержать в его жене огонь жизни до тех пор, пока он не доставит ее к котлу, что находился далеко на севере, на родине Утаса. С тех пор как он получил от Рин во время Весенней ярмарки послание с напоминанием о силе книги, Эвнис возобновил поиски. Он заставлял своих людей днями и ночами напролет раскапывать подземелья той башни. Но камень был крепок, а подземелья – глубоки и обширны, посему поиски и поныне не увенчались успехом.

А теперь король Бренин собирается в отъезд: объявил перед всеми присутствующими в трапезной, что утром отбудет в Тенебрал на совет королей. Срок подходит. Обстановка накаляется: все, чего он ждал, что он планировал, движется к решающей точке. У него участился пульс. Страх, предвкушение? Возможно, и то и другое.

В дверь тихо постучали. Это был его главный ловчий Хельфах.

– Мы кое-что нашли.

Эвнис чуть ли не бегом спустился в подземелья, вниз по винтовой лестнице, сквозь множество комнат с низким потолком. Посреди комнаты стояла небольшая кучка дружинников, каменный пол был почти полностью разворочен, обнажая черную землю и горную породу. В разобранной кирпичной стене виднелась внушительная обитая железом дубовая дверь.

– Никак не открывается, – пробурчал один из дружинников.

– Конечно же нет, – сказал Эвнис. – Явно ведь заперта. Доставайте топоры.

Вскоре в двери появилась щель, разрастающаяся под натиском двух мужчин, что вгрызались топорами в кусок старого дуба. Когда отверстие стало достаточно большим, чтобы в него пролез человек, Эвнис приказал зажечь факелы. Хельфах взял одного из своих охотничьих псов – высокого серого зверя. Когда охотник провел его через щель во тьму, тот заскулил. За ними последовал Эвнис в сопровождении двух воинов, вооруженных копьями.

Они были в широком подземном ходу с высоким потолком и влажными стенами. Хельфах вел их вперед по дороге, изгибающейся и медленно идущей вниз.

Внезапно они оказались в просторной пещере, стены которой по дуге уходили ввысь. Ее серый камень пронизывали витые прожилки, сверкающие голубым. Из пещеры вели два сводчатых прохода – вверх и вниз.

– Эгей! – крикнул Хельфах.

Пес Хельфаха обнюхивал стену, плотно прижав уши к голове. Охотник протянул руку с факелом, чтобы очистить путь от паутины, плотной, словно гобелен. За ней скрывалась еще одна дверь.

Дверь вела в небольшую круглую комнату, внутри которой в два ряда, смыкающиеся у могилы, стояли покрытые толстым слоем пыли и паутины секиры и боевые молоты. Ее размер явно давал понять, что она предназначена для кого-то крупнее, чем человек.

– Храни нас Элион! – прошептал один из дружинников.

«Куда там охранить, он вас здесь и не услышит!» – подумал Эвнис.

Отодвинуть каменную могильную плиту оказалось не так уж просто.

Внутри покоилось тело великана. В его руках, скрещенных на груди, была зажата шкатулка.

Эвнис вытащил шкатулку и открыл ее неловкими, мокрыми от пота пальцами. Внутри лежала книга в кожаной обложке со страницами, сделанными из сухого пергамента. Он благоговейно извлек ее наружу. Под книгой находился простой серый камень, который каким-то образом источал свет. Казалось, что он пульсирует, словно бьющееся сердце. Камень был вплавлен в серебро и опоясан цепью. Эвнис дотронулся до него и тут же отпрянул.

Со щелчком закрыл шкатулку.

– Нам нужно идти, – прошептал он. Стражники как зачарованные смотрели на шкатулку.

Вдруг пес Хельфаха зарычал, глядя в сторону камней у подножия могилы великана. Раздался громкий треск, и одна из глыб покрылась трещинами, из которых сразу потекла какая-то слизистая жидкость.

Хельфах поднес факел поближе.

Трещины все увеличивались, и камень начал осыпаться. Пес гавкнул, грозно рыча, прыгнул вперед, но тут же попятился прочь от камня.

– Это не камень, – прошипел Хельфах. – Это яйцо!

Пока он говорил, кусочки толстой скорлупы упали на пол, и из них показалась плоская чешуйчатая морда с длинным, как у змеи, языком. Затем яйцо взорвалось, окатив их с ног до головы слизью и остатками скорлупы.

Пес Хельфаха с рыком прыгнул на врага, затем перед глазами промелькнуло что-то белое и извивающееся, раздалось шипение и короткий взвизг, который оборвался в ту же секунду.

Эвнис отступил на шаг, пристально наблюдая за разворачивающейся перед ним сценой с нездоровым восхищением.

Перед ним была огромная змея молочно-белого цвета, длиной с двух взрослых мужчин и толщиной с бочонок. И она *пожира*ла пса Хельфаха – он уже наполовину исчез в ее пасти. Тело змеи пульсировало, содрогалось, и пес все глубже погружался в щель между ее почти вывихнутых челюстей. Одного из воинов стошнило.

– Белый змей, – прошептал Эвнис. Создание из сказок, якобы выведенное кланами великанов и использованное ими в войне Сокровищ. Он с трудом оторвал взгляд от твари и увидел, что у подножия могилы лежит еще несколько камней – *яйц*.

Хельфах бросился на змея и всадил в него нож, попутно ткнув факелом в голову чудовища.

По телу змея пробежала дрожь, и он начал отрывывать мертвого пса. Один взмах хвоста – и Хельфах вылетел через дверь из комнаты.

Один из воинов рванулся вперед и кольнул тело змея копьем. Брызнула черная кровь. Гадины вонзила длинные клыки ратнику в шею. Тот истошно завопил, задергался, но змей крепко в него вцепился, сжимая свои кольца.

– Назад! – скомандовал Эвнис и отшатнулся к двери, крепко прижимая шкатулку к груди.

Он помог Хельфаху захлопнуть дверь, а оставшийся в живых воин встал перед ней с копьем наизготове. Раздался удар – и дверь сорвалась с петель. Эвнис с Хельфахом уперлись в нее. От следующего удара они отшатнулись, а от третьего дверь разлетелась в щепки, отправив мужчин в полет. Уцелевший дружинник бросился вперед, слепо тыча копьем в проход. Его оружие вошло во что-то плотное; воин сразу же отступил, услышав вырвавшийся из глотки змея звук – нечто среднее между ревом и шипением. Чудовище ринулось прочь из комнаты. Его хвост бил по дверному проему, разбивая его и разметывая куски камня в разные стороны. Внезапно стена обрушилась, завалив дверной проем и подняв облако пыли.

Эвнис поднялся на ноги, все еще сжимая шкатулку. Факел он уронил, и теперь его пламя отражалось на стенах пещеры причудливо танцующими тенями. Он поднял меч и приблизился к извивающемуся змею, из горла которого торчало копье. Хельфах заходил на него с другой стороны, все еще держа в одной руке свой длинный нож, а в другой – факел.

Чудовище было ранено, возможно, смертельно, и определенно находилось в агонии. Оно увидело Эвниса и бросилось на него, но тот отскочил назад и взмахнул мечом, оставив на морде у змея черную полосу. Тут же подскочил Хельфах, нанес удар ножом и отскочил обратно.

Змей стремительно ослабевал, истекал кровью, терял жизненную силу. К ним присоединился последний воин, и вместе они наносили удар за ударом, пока чудовище не издохло.

Некоторое время они стояли в тишине, прерываемой лишь глубоким и прерывистым дыханием.

– Отсежь ему голову, – приказал Эвнис. – Я должен увидеться с королем, – сообщил советник одному из стражей, охраняющих королевские покои. – Это срочно.

Как только он вернулся домой из подземелий, то сразу приказал заколотить тот дверной проход – на случай, если вылупятся оставшиеся яйца, – затем погрузился в изучение своей находки. Книга была потрясающей: в ней содержался ключ к силе земли, и это его весьма волновало. А вот с драгоценным камнем все было не столь однозначно. Он явно прошел через руки великанов и обладал какими-то силами, но от него Эвнису было *не по себе*. Он запер камень до тех пор, пока не сможет уделить ему больше времени и внимания.

Советник решил, что должен увидеться с Бренином до его отбытия в Тенебрал. Пройдет много лун, прежде чем король вернется обратно в Ардан.

Сын Эвниса, Вонн, услышал звуки из подземелий, увидел голову змея и упрашивал взять его с собой к Бренину. Эвнис, конечно же, отказал. Он любил сына, но тот был еще слишком молод, все еще видел мир в черно-белых тонах, тогда как на самом деле жизнь представляла из себя множество оттенков серого. Он не мог взять с собой Вонна к Бренину, потому как ему нужно было лгать королю, – этого Вонн пока еще не поймет.

– До рассвета далеко, – нахмурился страж, охраняющий покои Бренина. – Он еще спит.

– Ради такого проснется. – Эвнис развязал мешок из грубого волокна и достал оттуда голову змея. Страж проскользнул в покои короля.

Эвниса завели в переднюю, куда из своей опочивальни вскоре вышел заспанный Бренин без верхней одежды.

– Надеюсь, это что-то стоящее, – проворчал он.

Эвнис вывалил содержимое мешка на стол, и Бренин отшатнулся.

– Это белый змей, – сказал Эвнис.

Бренин протер глаза и наклонился поближе.

– Где ты его нашел?

– На него наткнулся Хельфах, когда охотился в Баглуне, – сообщил Эвнис. Бренину не стоило знать о подземных ходах под крепостью. – Чудовище убило пса и одного из моих воинов.

– Как неожиданно все совпало, – пробормотал Бренин. – В сообщении Аквилуса говорится о невиданных чудовищах, бродящих по нашим землям... – Он почесал бороду и сурово сдвинул брови. – Я возьму голову с собой на совет. Прими мою благодарность, Эвнис. С Хельфахом всё в порядке?

– Да, мой король.

– Он был один или есть еще?

– Хельфах наткнулся только на одного, но кто знает.

– В какое время мы живем? – охнул Бренин. – То камень клятвы закровоточит, то белые змеи снова выползут на поверхность более двух тысяч лет спустя...

– Странное время, – сказал Эвнис.

«Ах если бы вы только знали правду, мой король, вы бы дрожали от страха».

– Мой король, – продолжил он. – Я бы хотел с вами поговорить еще кое о чем. Так как вы уезжаете...

– Продолжай.

– Фэйн. Она внезапно почувствовала себя немного лучше. Попросила меня свозить ее домой, пока она достаточно хорошо себя чувствует для поездки. Я бы хотел попросить вашего разрешения ненадолго покинуть Дун-Каррег, чтобы съездить с ней в Бадан. А еще там есть лекарь, которого я знаю с детства. Может быть, он ей поможет.

– Когда?

– В ближайшие десять дней, мой король.

Бренин поморщился.

– Прости, Эвнис, но я вынужден отказать. Я забираю Геба с собой в Тенебрал – он мой хранитель знаний, и, как я понял, знание событий старины сыграет важную роль в совете, который созывает Аквилус. Поэтому ты должен остаться здесь, чтобы помочь Алоне управлять Арданом. Как только я вернусь, можешь ехать.

– Но это важно, жизненно важно поехать как можно раньше... – Голос Эвниса сошел на нет. – Помилуйте, разве нет другого выхода?

– Нет. Если тебя здесь не будет, то единственным советником Алоны останется Пендатран. Если я оставлю их двоих без присмотра, то, когда я вернусь, они казнят половину моих баронов и их головы будут торчать на пиках. Прости, Эвнис. Пошли кого-нибудь за этим целеителем – я предоставляю сопровождающих, чтобы он приехал сюда как можно быстрее.

Эвнис склонил голову, крепко сжимая веки.

– Но должен же быть какой-то способ, – сказал он.

– Нет. Я сожалею по поводу твоего тяжелого положения, но сейчас настали темные времена. На кону нечто большее, чем увеселительная прогулка в Бадан.

«Увеселительная прогулка! Я должен каким-то образом привезти ее к котлу».

– Как мой король пожелает, – молвил Эвнис.

Покидая комнату, он смахнул с щеки непослушную слезу.

Глава 15. Корбан

Корбан шел по серому, безжизненному миру. Перед глазами проплывали видения – словно духи в тумане, сотканные из того же самого тумана. Он увидел камень клятвы, из которого вытекали крупные, неестественно-красные капли крови; увидел змей, что извивались, скручивались, вздымались и пожирали плоть. Наверху воители с огромными белыми крыльями сражались на мечах и копьях с ордой других воителей – тоже с крыльями, но черными, кожистыми. Он увидел дерево, чей ствол был толще, чем главная башня Дун-Каррегского замка, а корни явно уходили глубоко в почву под бесконечным лесом.

И вот уже он сидит на берегу омута, водя пальцами по поверхности воды. В его сторону направляется мужчина, на поясе которого красуется меч. У него короткостриженная борода и желтые глаза. Он улыбается Корбану, и тот его внезапно вспоминает.

– Я тебя знаю, – говорит Корбан.

– Да. Мы с тобой подружимся, – улыбаясь, кивает мужчина. Присаживается рядом с Корбаном, берет в руки камень и запускает его в омут – по поверхности воды разбегаются волны.

– Такова твоя судьба. Она затронет судьбы многих других вещей, людей, царств, явлений...

– Ничего не понимаю, – говорит Корбан.

– Помоги мне. Мне нужна твоя помощь. Найди котел и принеси его мне.

– Зачем?

– Чтобы предотвратить бедствие куда большее, чем ты можешь себе представить. – Мужчина впивается в Корбана взглядом своих желтых глаз. – Грядет Война Богов. Сражаться будут все. Тебе остается только выбрать, за кого будешь сражаться ты.

– Ты Всеотец Элион? – выдыхает Корбан, ощущая, как сердце начинает учащенно биться в груди от слов этого странного человека.

– Он нас покинул, – качает головой мужчина. На его лицо опускается тень грусти, заражая Корбана тем же чувством. – Но война разразится. В твоём сердце есть брешь, пустота. Ты должен заполнить ее *целью*. Тебе нужно найти то, ради чего ты будешь жить, сражаться – и за что ты, возможно, умрешь.

– Где я? – шепотом спрашивает Корбан.

– Выбери меня, – говорит мужчина.

– Но кто ты?

– Ты знаешь, – отвечает он. – Я у тебя вот здесь. – Мужчина тычет пальцем ему в грудь на уровне сердца. Корбан чувствует, как по телу прокатывается волна силы. – Время ни для кого не вечно. Сделай выбор, пока не стало слишком поздно...

Корбан резко проснулся тяжело дыша. На улице еще было темно, хотя он мог слышать крики чаек. «Скоро рассвет». Сон промелькнул в памяти, и Корбан содрогнулся. Он резво оделся и тихонько выскользнул из дома. Небо серело, предвещая скорый восход, как вдруг он почувствовал знакомый запах конюшен. Оббежал их и остановился, оперевшись о деревянные перила, что опоясывали загон с обратной стороны.

В загоне раздали шаги. Корбан думал, что он там один, но он ошибался – в тени за конюшнями стоял Гар. Его лицо блестело от пота, а длинные черные волосы прилипли к вискам и шее.

– Ну, я здесь, – сказал Корбан.

– Вижу.

– М-м-м, и что я должен делать?

– Беги.

– Бежать?

– Да. Пробежись вокруг загона.

Корбан открыл было рот, чтобы возразить, но тут же закрыл и тронулся с места медленным шагом. Пробежал один круг и подошел к Гару, который выполнял какие-то странные движения. Они были похожи на танец, но гораздо медленнее.

– Что? – спросил Гар.

– Я пробежался вокруг загона, как ты и просил.

– Еще раз, – буркнул Гар.

– Еще раз?

– Да, еще раз. Я скажу, когда все.

Корбан вздохнул, прикусил губу и побежал. Он не знал наверняка, сколько прошло времени, но вот наконец, когда мальчик добежал до конюшен, Гар поднял руку и окликнул его. Благодаря небеса, Корбан облокотился на перила; пот с него тек в три ручья.

– Как... это... поможет... мне... побороть... страх? – спросил он, тяжело дыша.

– Путь к закалке разума лежит через закалку тела. Иди за мной.

Корбан, насупившись, пошел за Гаром.

Внутри здания конюшни мужчина подпрыгнул, ухватившись за кровельную балку, и начал подтягиваться, дотрагиваясь до нее подбородком, а затем опускать его. Он сделал это упражнение где-то сорок или шестьдесят раз – Корбан сбился со счета – и спрыгнул обратно на землю.

– Твоя очередь, – сказал он Корбану; тот с сомнением покосился на балку, подпрыгнул и ухватился. Со стоном подтянулся, мышцы спины сократились, и мальчик почувствовал, что кожа вот-вот разорвется. Когда он опускался, то соскользнул и упал на землю.

Корбан поднялся на ноги и отряхнулся.

– Еще раз.

– Но я не могу. Ты же видел.

– Я тебе помогу. Еще раз.

И Корбан попробовал еще раз, изо всех сил пытаясь подтянуться, но ничего не получалось. Когда он уже готов был сдаться, Гар подхватил его за лодыжки и поднял. Корбан снова напрягся и подтянулся к балке. С помощью Гара он опустился, уже лучше владея собственным телом, затем повторил упражнение еще восемь или девять раз, пока Гар не позволил ему спрыгнуть на землю, где он немедленно поднес руку ко рту, пытаясь вытащить зубами занозу. Гар тут же заставил его выполнять другие, не менее болезненные упражнения. Затем другие. Через какое-то время управляющий конюшен его остановил.

– Зачем я все это делаю? – пропыхтел Корбан.

– Сказано же – путь к закалке разума лежит через закалку тела. Сейчас тебе это может показаться бессмысленным, но твое тело – это орудие, можно даже сказать – оружие. Тебе нужно его освоить. Страх не отличается от других чувств, которые тобой могут овладеть, – злости, горя, радости, желания. Ты должен научиться определять их и управлять ими. Сильное, закаленное тело в этом поможет. Это не весь ответ на твой вопрос, но сегодня ты сделал первый шаг. Посмотрим, как все пойдет, а там, глядишь, когда-нибудь попробуем и меч дать тебе в руки.

– Когда? – спросил Корбан, и его лицо прояснилось.

– Это будет зависеть от тебя. Ну а теперь, напоследок, повторяй за мной. Это упражнение основано на владении собой. Большинство сражений выигрывается не грубой силой, что бы ни говорил твой отец. – Сказав это, он начал показывать ряд замысловатых движений, которые Корбан мельком видел, когда бегал по загону. Выполнять их было гораздо труднее, чем казалось на первый взгляд: приходилось застывать в непривычных для него стойках, пока мышцы не начинало сводить судорогой.

– Видишь ли, парень, это тоже нужно для контроля. Твое тело *будет* выполнять то, что ты ему прикажешь, – и Гар улыбнулся, что случалось очень редко. Корбан лишь что-то прокряхтел – он слишком напряг мышцы, чтобы получилось ответить словами.

– Благодарю, – пробормотал Корбан, когда Гар сказал, что занятие окончено. – Твоя нога, – добавил он. – Мне показалось, что сегодня она тебя не так сильно тревожила. Тебе лучше?

– Нога-то? Нет. Иногда бывает лучше, иногда хуже. А теперь иди, занимайся своими делами, пока здесь не началась суматоха. Увидимся завтра утром.

Корбан отправился домой, а по пути наблюдал, как просыпается крепость. По телу разливалась тяжесть. Свежий утренний воздух приятно охлаждал кожу, осушая пот.

Во дворе перед воротами Дун-Каррега былолюдно и шумно. Восемьдесят воинов сидели на лошадях, а Тулл, телохранитель короля, стоял перед ними, держа в руках поводья. На нем было одеяние из вываренной кожи и шерсти, тронутые сединой волосы были зачесаны назад и завязаны в хвост на шее, а меч – закреплен на седле. Рядом с ним стоял Пендатран, держа поводья чалого коня Бренина.

В толпе раздалась радостные крики: во двор вышел король Бренин, а вместе с ним и королева Алона. Король сел на коня и оглядел собравшихся.

– Я вернусь ко дню середины лета, – крикнул он, поднял руку в знак прощания и направил коня в Каменные врата. Позади него ехали гонец из Тенебрала и хранитель знаний Геб, который, по мнению Корбана, пребывал явно не в настроении: он постоянно хмурил брови. Следом выступили воины. Они переехали через мост на материк, а далеко под ними бушевало море. Корбан и Кивэн наблюдали за уезжающими ратниками, пока те не скрылись вдаль.

Рядом с королевой Алоной и Пендатраном стояла принцесса Эдана. Она увидела Корбана с Кивэн и позвала их к себе. Алона одарила их теплой улыбкой, задержав взгляд на Корбане.

– Кивэн работает с Гаром, мама, – сказала Эдана. – А как она умеет обращаться с лошадьми – ты бы видела ее в седле!

– Любой, кто учится у Гара, скорее всего, будет уметь обращаться с лошадьми. Думаю, у него дар от самого Элиона, – сообщила Алона, улыбнувшись Эдане. – Помню тот день, когда он здесь появился. Тебе тогда только исполнился год.

Когда они заходили в замок, в их поле зрения попала фигура. Это был Эвнис, а вместе с ним его сын Вонн.

– Я кое-что хотел бы обсудить с вами. Наедине, – обратился советник к Алоне. Королева помрачнела.

– Все в порядке, – сказала Эдана. – Я подожду здесь.

Алона кивнула и двинулась вперед быстрым шагом, Эвнис пошел с ней рядом. Пендатран поспешил за ними.

Вонн повернулся и подмигнул Эдане, а затем тронулся следом за отцом.

Эдана сдвинула брови.

– Нет, вы только гляньте на него, а! Небось мнит себя первым парнем на деревне.

– Ну, наружность-то у него *действительно* приятная, – возразила Кивэн.

– Хуже всего, – продолжила Эдана, пропустив мимо ушей слова Кивэн, – что ему взбрело в голову, будто он на мне женится.

– Почему он так думает? – спросила Кивэн.

– Эвнис годами отпускал намеки. Отец ни разу не дал ему утвердительного ответа, но я думаю, они теперь считают мой брак с Вонном делом уже решенным.

– Так ты *не хочешь* быть его женой? – спросил Корбан.

Эдана бросила на него сердитый взгляд.

– Нет. Я не какой-то кусок мяса, что можно продать на рынке.

Группа людей перед ними остановилась, и до них донесся зычный голос Пендатрана.

– Нет, Эвнис. Тебе нельзя ехать, – отрезал полководец.

– Я был уверен: пока король Ардана в отъезде, решения принимает королева, – возразил Эвнис холодным тоном.

– Прости, – сказала Алона. – При других обстоятельствах я бы с радостью тебя отпустила. Но Пендатран завтра уезжает, а мой король ясно дал понять: он хочет, чтобы ты в это время был рядом. – Тут выражение ее лица смягчилось. – Мне правда очень жаль. Скажи Фэйн, что я навещу ее сегодня вечером.

– Навестите, – повторил Эвнис с дрожью в голосе. – Это из-за Рагора, не так ли? Вы до сих пор вините меня в гибели вашего брата. Это месть.

– Что? – удивилась Алона. – Нет...

– Не произноси его имя, – прорычал Пендатран. – Никогда.

Эвнис какое-то время стоял, содрогаясь всем телом. Склонил голову, быстро обернулся и помчался прочь. Вонну пришлось чуть ли не бегом следовать за ним, чтобы не отстать.

Десять дней спустя Корбан шел по деревне, подумывая найти Дата, как вдруг вдалеке увидел всадника, который галопом мчался по великаньему тракту.

Это был Мэррок, человек, которого он видел на церемонии. Он уехал в Баглунский лес с отрядом Пендатрана на следующий день после отъезда короля. Корбан со всех ног понесся в крепость. Его целью была трапезная, так как Мэррок, скорее всего, направлялся именно туда.

Мэррок стоял перед королевой – она сидела в кресле из дуба с искусной резьбой, а подле нее находился Эвнис.

– Что я пропустил? – шепотом спросил Корбан у сестры.

– В лесу обнаружили след – нашли тело человека, наполовину съеденное волком или волчнем. Думают, что он был в числе тех разбойников. Мэррок вернулся за подкреплением. Пендатран хочет, чтобы они встали дозором у западных границ леса – а ну как его отряд столкнется с разбойниками, и они попытаются сбежать?

– Я сейчас же этим займусь, миледи, – сказал Эвнис и поспешил прочь из зала.

Глава 16. Кэмлин

От усталости у Кэмлина ныли ноги. Шутка ли – весь день продираться сквозь этот проклятый лес? По его рукам и щекам, которые пострадали от колючих ветвей, тонкими струйками стекала кровь; в порезы затекали ручейки соленого пота, и те нещадно саднили.

Во главе этого отряда поставил его Брейт, владыка Темнолесья.

«Владыка Темнолесья, ага, как же! Разве что владыка оравы головорезов...»

И все же Кэмлин был счастлив, когда его повысили в звании – еще там, в Темнолесье. Четырнадцать человек отправились с ним в Ардан, в Баглунский лес; только девять из них осталось в живых. Они вошли в труднопроходимую часть леса, полную шипастых зарослей, каких он никогда прежде не видел. Нет, определенно не по душе был ему этот Баглун. Хотя Темнолесье было гораздо больше, оно, сколько он себя помнил, служило ему родным домом. Кэмлину было уже за тридцать, и большую часть своей жизни он провел в лесу, но, с тех пор как он вошел в Баглун, его все больше и больше охватывало беспокойство. Он вздохнул. Его компания покидала Темнолесье и Брейта в отличном расположении духа, полная гордости и предвкушения: им была оказана честь первыми основать новое логово в самом сердце Ардана. Как же все вдруг так изменилось? Да еще так резко: не успели они войти в Баглун, как их обнаружил и стал преследовать отряд воинов Ардана, а хуже всего было то, что возглавлял его Пендатран, у которого имелись с Брейтом какие-то личные счеты.

Кажется, им удалось избавиться от преследователей. Или как минимум от них оторваться. Они вошли в столь густую часть леса, что идти сквозь нее можно было лишь спешившись и с большим трудом, а отряд, что следовал за ними, был на лошадях.

Кэмлин вместе с отрядом шел в тишине, которую нарушало лишь тяжелое дыхание и случайный треск хворостинки под ногами или легкий удар ветки. Через какое-то время Кэмлин услышал журчание воды. Земля пошла вниз пологим спуском и слегка запружинила под ногами. Неожиданно листва и деревья расступились, и они вышли в тенистую лощину. В дальнем ее конце виднелся крутой спуск к ручью. Уже почти стемнело.

– Здесь и заночуем, – объявил Кэмлин. Его отряд дружно скинул заплечные мешки и приступил к обустройству лагеря. Кэмлин сделал несколько жадных глотков из своего меха с водой и снял сапоги.

– Слышь, Кэм! – крикнул Горан. Этот быкоподобный мужик проработал с Брейтом почти столько же, сколько и сам Кэмлин. – Обуй-ка обратно свои сапоги. А то у тебя так ноги воняют, что аж блевать тянет.

Раздался смех. Кэмлин усилием воли выдавил дружелюбную улыбку. Пару дней назад он был в шаге от того, чтобы всадить перо Горану в брюхо. Так и *нужно* было сделать. Но он не сделал. Позволил Горану нарушить его приказ и ничего по этому поводу не предпринял. А теперь парни пали духом, были на взводе и, что еще хуже, не доверяли ему. Он чувствовал, как в них зреет немой, пока еще ничем себя не проявляющий бунт. Шлепни он сейчас Горана – это станет для них последней каплей.

– Ноги-то я хотя бы помыть могу, – парировал он. – Только не хочу – как же мне еще перебивать бахер, которым несет у тебя из пасти? Что ты жрал на завтрак? Дерьмо?

Снова смех.

Горан бросил на него сердитый взгляд, но тут же поморщился – вокруг свежего пореза от левого глаза до губы натянулась кожа.

Пожинали они скромно, так как Кэмлин не разрешал разжигать костер, – впрочем, все понимали, к чему такие предосторожности. Затем он отправил несколько парней обратно по тропе, по которой они пришли, чтобы те оповестили их в случае опасности.

– А прошли мы сегодня изрядно, – проворчал он. – Вряд ли люди Бренина бросят лошадей и пойдут за нами пешком. А если и решат так сделать, все равно будут двигаться медленнее нас.

– Да и громче. Мы их хоть за пол-лиги услышим, – вставил Горан.

Кэмлин попытался улыбнуться, чтобы выглядеть более уверенно перед парнями, но его не так уж легко было порадовать. Все в их маленьком отряде были лесовиками, все провели в Темнолесье многие годы. Это было одной из причин, почему именно им было поручено это задание. И вовсе не он один сидел в их кругу с кислой миной. Он знал, что кое-кто винит его в том, что произошло. Начиналось все довольно неплохо. Они без особых хлопот подпалили с десятков домов на пути в Баглун, затем он встретился с человеком Брейта из Дун-Каррега и получил первое задание. Лично он думал, что дом находится слишком близко к крепости для первого удара, – но связной на этом настоял. Он понимал, что целью было вывести Бренина из равновесия, выманить его за крепостные стены. Зачем, он не знал, но за многие годы Кэмлин привык следовать приказам и не лезть на рожон, потому пожал плечами и приступил к выполнению задания.

Вот тогда-то все и пошло куда-то не в ту степь. Он забрался по стене во двор усадьбы, открыл парням ворота, а первому человеку, кто их услышал, пощекотал мечом брюхо, и тот успокоился. Еще парочка пыталась сражаться, но двое против пятнадцати – не лучший расклад. Баб и какого-то совсем малолетнего пацаненка собрали они в одном помещении, но Горан немного намял парнишке бока, и не успел никто опомниться, как одна из женщин вытащила нож и рассекла ему кожу на лице от глаза до рта. Конечно же, Горан был от этого не в восторге – и понеслось. Прежде чем Кэмлин успел хоть что-то предпринять, бабы и пацаненок уже были мертвы. Он такому повороту ничуть не обрадовался. Все в отряде знали, что он не убивает баб и малолеток. Само собой, Кэмлин был далеко не Бен-Элимом: он обманывал, подставлял и убивал людей, как и любой другой беззаконник, но убийство женщин и детей – эту черту он не пересекал никогда. У него были на это причины. До сего момента это совсем не мешало делу, – даже наоборот, приносило пользу. Брейт хотел, чтобы по округе распространились вести о том, кто совершает поджоги и убийства, а лучше выживших с этим никто не справится.

Он захотел прикончить Горана в ту же секунду, чувствовал, как у него закипает кровь, и даже вынул перо, но вовремя понял, что делает, и взял себя в руки. Наверно, *надо было* его все-таки еще тогда шлепнуть. Брейт предупреждал: нельзя давать приказ, если ты не готов убить того, кто его не исполнит. Он вздохнул – сейчас было без толку думать о всяких «если бы да кабы». Кэмлин надеялся, что на этом неудачи закончатся, но это было лишь начало. Пару дней спустя он потерял дозорного на одной из Баглунских топей, а на следующий день еще четверых загрызли волчьи. Затем они узнали, что их отслеживает отряд Пендатрана, и поспешили убраться поглубже в этот проклятый лес.

И вот они здесь, сидят на холодном каменном уступе, без огня и с отрядом разъяренных воинов на хвосте.

– Что дальше, начальник? – скривив рот, спросил у него Горан.

– Заляжем на дно. Тут либо мы скроемся от них, либо нет. – Кэмлин дотронулся до мозоли на стопе. – В худшем случае рванем на восток и направимся в болота. Уж там-то им нас ни за что не сыскать!

Он оглядел хмурые лица товарищей.

– Мы и не в таких передрыгах бывали, а ведь выбирались же как-то! Вот и сейчас нечего соплю жевать.

– То было, когда атаманом был Брейт, – донесся до него шепот Горана.

Кэмлин уставился на здоровяка, и пальцы самопроизвольно сомкнулись на рукояти невидимого пера.

«Да если бы ты не начал резать малолеток направо и налево, то на нас бы не охотилась половина воинов Ардана!»

Перед глазами всплыло лицо пацаненка, истошно кричащего над телом женщины – мамы? Сестры? Это видение напомнило ему о другом ребенке, плачущем над телом другой женщины. Он моргнул. Больше двадцати лет минуло с тех пор, но он до сих пор так ясно помнил своего брата Кола и маму, словно это случилось вчера.

Это произошло спустя год после того, как истощающая болезнь унесла его отца. Кэмлину было пятнадцать лет, и в тот день он чинил одну из стен их хутора, укладывая камень на камень. Тогда-то он и услышал крик мамы – высокий и пронзительный.

Он побежал и увидел над домом дым, затем подкрался к сараю и заглянул за угол. Там увидел маму – она лежала неподвижно на утопанной земле перед домом. Над ее телом выщипался светловолосый воин на чалом коне, а остальные тем временем прочесывали двор с копьями и мечами наготове. Внезапно во двор выбежал Кол, его старший брат, размахивая копьем. Налетчики направили на него лошадей, и вскоре он тоже лежал на земле бездыханный.

От страха Кэмлин замер на месте. Все время, пока налетчики вычищали все более-менее ценное из их дома и закровов, просидел он за сараем, разбираемый дрожью. А затем они скрылись в Темнолесье, оставив за собой лишь облако пыли.

Спустя время он выбрался во двор, опустился на колени перед телами мамы и брата и зарыдал. Лютая ярость охватила его, подпитывая стыдом за то, что он все это время прятался. Кэмлин взял с пастбища пони и поскакал в лес вслед за воинами.

Сам он воином не был в силу малого возраста, но отец научил его многим премудростям земли и леса. Чтобы догнать налетчиков, что без всякой опаски ехали по Темнолесью, понадобилось полдня. Он преследовал их еще два дня, от Темнолесья до Ардана, и видел, как убийцы мамы и брата въехали в ворота Бадана.

После этого он вернулся в свой сторевиший дом, пошел с известиями к старосте ближайшей деревни, но тому все это было неинтересно. Кэмлин был слишком мал, чтобы держать копье, и не происходил из богатого рода. На следующий день из деревни пришли воины – посмотреть, не осталось ли у него дома еще чего-либо ценного, чем можно поживиться. Когда Кэмлин закричал на них и обозвал их трусами, они лишь засмеялись и погнали его прочь. Он скрылся в Темнолесье и плутал по нему несколько дней, пока его не подобрала обитающая там разбойники.

Они взяли Кэмлина к себе, обучили его премудростям леса, и медленно, но уверенно он стал продвигаться вверх по негласной иерархической лестнице.

И вот он здесь. Он фыркнул: «Хорошо устроился!»

Кэмлин резко проснулся. Пришлось проморгаться, чтобы избавиться от картинки мертвых глаз матери, что стояла перед взором.

Лес пронизывала предрассветная дымка. Кэмлин оперся на локоть, потер глаза и увидел под сенью леса движение. Он прищурился и вгляделся в тень. Что-то блеснуло.

– Подъем! – закричал Кэмлин хриплым ото сна голосом. Вскочил на ноги, на ходу вытаскивая меч из ножен.

Лес вокруг них ожил. Он пнул Горана, чтобы тот побыстрее поднялся на ноги, и услышал слева шаги. Сделав шаг назад, покачнувшись на краю выступа и увидел, как по тому месту, где только что была его голова, чиркнуло лезвие меча. Он воткнул свой меч в грудь атакующему его воину и выдернул его, залив все вокруг фонтаном крови, затем перешагнул через тело, лежащее у ног Горана.

Враги были повсюду. Вокруг них в беспорядке взлетали конечности, боевые кличи перемежались предсмертными криками. Он не был в этом уверен, но выглядело все так, словно его парни проигрывают. На него кинулся еще один ратник, но он парировал удар и зарядил нападавшему кулаком в челюсть, отчего тот упал назад, споткнувшись обо чье-то мертвое тело.

Неожиданно раздался громкий крик, и из тумана появились новые воины с клинками наголо.

– Пора сваливать, – прокричал Кэмлин Горану, который сражался подле него. Кэмлин побежал к краю уступа и перескочил через него, упав напрямик в ручей. Колени проехали по скользким камням на дне ручья.

«Нет времени на боль», – сказал он себе, рванувшись вперед по отмели.

Позади послышался всплеск. Кэмлин надеялся, что это Горан.

Долгое время он шел вдоль ручья, пока ноги совсем не перестали слушаться. Он слышал, как всплески воды становятся все громче, и сжал рукоять меча. Показалась могучая фигура Горана.

Мужчины быстро двинулись дальше. Пока они следовали вдоль ручья, лес вокруг становился все светлее. Вскоре и листва начала редеть.

– Что будем делать? – шепотом спросил Горан, когда они приблизились к опушке. Перед ними лежала равнина, изредка прерываемая небольшими рошицами.

– Я буду идти вдоль ручья до самых болот, – сказал Кэмлин. – Если нас выследили досюда, то уже не отстанут. – Сбросить их удастся только на топах.

– Если мы до них доберемся.

– Да, если доберемся. А этого не случится, если мы будем топтаться на месте. Вперед!

Они еще раз оглядели равнину и рванули вперед из леса, направляясь к небольшим зарослям ольхи, что виднелись вдалеке. Когда они уже были на полпути, где-то позади Кэмлин услышал грохот. К ним ехали три воина. До деревьев было слишком далеко. Он бросил взгляд на Горана, и тот кивнул. Они остановились, вынули мечи из ножен и обернулись, готовясь встретить приближающихся ратников лицом к лицу. Всадник посередине с опухшим красным, несомненно сломанным, носом спешил.

– Вы в безопасности, – сказал он. – Быстро, уходим с открытой местности. Мы доставим вас в безопасное место.

У Кэмлина расправились плечи, и он убрал меч, переполняемый чувством облегчения. Горан сделал то же самое. Два других всадника тоже спешили. Внезапно в лесу раздался треск. Кэмлин и Горан обернулись и увидели, как оттуда выскакивают воины. Он услышал шорох вынимаемого из ножен меча – наверняка Горан готовился к последней стычке с врагом. А затем безжизненное тело товарища упало в траву рядом с ним.

– Не убивайте их! – донесся далекий крик одного из воинов, мчащихся из леса. Не успел он обернуться – как бок пронзила жгучая боль. Ноги вдруг подкосились, глаза заволокло дымкой, и он рухнул на землю.

Глава 17. Корбан

Когда Корбан проснулся, за окном все еще было темно. Он наскоро оделся и отправился к загонам.

Гар, как обычно, уже ждал его там, мокрый от пота. Корбан кивнул в знак приветствия и приступил к разминке – побежал вокруг загона. Вскоре они переместились под крышу конюшни, и там мальчик начал выполнять упражнения, которые показал Гар.

Вот уже почти два десятилетия как эти занятия стали для него ежеутренним обрядом, и с тех пор он начал ощущать себя более сильным и подвижным. Под конец они перешли к тому сложному медленному танцу, которому Гар научил его много занятий назад: стали плавно перемещаться из одной позы в другую – и находились в каждой из них до тех пор, пока не сдавали мышцы. Когда они закончили и Корбан уже вытирал пот со лба, Гар его окликнул. Он быстро обернулся и увидел, что управляющий конюшен бросил в его сторону какой-то предмет. Корбан вздрогнул, но вытянул вперед руку, чтобы его поймать.

Это был учебный меч.

«Наконец-то!» – подумал он с замиранием сердца.

По лицу управляющего конюшен скользнула тень улыбки.

– Идем, – сказал он, – и посмотрим, что ты умеешь.

– Ты готов? – спросил Корбан, становясь в стойку перед Гаром. Мужчина просто кивнул, даже не поднимая меч.

– Не переживай, я тебя не покалечу, – сказал Корбан, чувствуя благодарность за возможность показать, насколько умело он владеет клинком.

Высоко подняв оружие и с трудом сдерживая желание издать боевой клич, Корбан ринулся на Гара. Шквал неясных движений – и Корбан оказался на земле лицом в соломе, что лезла в нос и глаза; костяшки пальцев саднили.

– Я, должно быть, споткнулся, – пробормотал он, перевернулся и с помощью Гара поднялся на ноги.

– Конечно. А теперь давай попробуем снова, – сказал Гар. – И, пожалуйста, будь ко мне милосерден. Годы мои уже не те, что прежде, и рана не позволяет мне двигаться быстро.

– Не вопрос, – ответил Корбан.

Три раза подряд он неожиданно для себя валился лицом в солому, не понимая, как это произошло. Гар опирался на свой учебный меч и посмеивался. Корбан почувствовал вспышку гнева и поднялся на ноги с хмурым выражением на лице, но, когда посмотрел на Гара, злость как рукой сняло. Что-то в мужчине изменилось. Корбан понял: он никогда прежде не видел, чтобы Гар смеялся. Его лицо преобразилось, и суровость, что была неотъемлемой частью его личности, куда-то улетучилась.

– Итак, мой юный мастер меча. Надо думать, есть еще пара хитростей, которые такой старый и сломленный воин, как я, может тебе показать?

– Думаю, да, – пробурчал Корбан. – Например, как устоять на ногах.

На лице у Гара снова промелькнула тень улыбки – уголки его рта еле заметно дрогнули.

– Хорошо. Помнишь тот, как ты его называешь, медленный танец, которому я тебя учил? Его настоящее имя – *танец меча*. Каждая поза – это начальная стойка какой-нибудь череды приемов. Давай начнем с самой первой. – На его лицо снова опустилась маска, и все следы веселья исчезли.

Корбан с упоением слушал, впитывая все, что говорил Гар. Они прошли по цепочкам движений, основанных на первой стойке из танца, но на этот раз с мечами в руках. После этого Корбан помчался домой завтракать.

Дома был только отец, и он отказался отвечать, куда делись Кивэн и мама. Вместо этого он поставил на стол перед Корбаном завтрак и сказал, чтобы тот поторопился, потому как он хочет ему кое-что показать. Вскоре они уже переходили мост, ведущий к Каменным вратам, а Буддай бежал за ними по пятам.

– Куда мы идем? – спросил Корбан без особой надежды получить ответ.

Таннон улыбнулся.

– Сегодня утром родился жеребенок – от коня Гара. Игреновой масти. Он будет твоим, если хочешь.

Отец задал спорный шаг, и вскоре они уже спускались по извилистой дороге в Гаван. О лежащий под ними берег разбивались белогривые волны. Корбан чувствовал в воздухе соль, по лицу нещадно хлестал ветер, принося с собой вкус моря, что плескалось далеко внизу. Вдали виднелись воины,двигающиеся вниз по великаньему тракту, а позади них нависала темная громада Баглунского леса.

– Отряд, – сказал Таннон.

Корбан почувствовал прилив радостного возбуждения.

«Так много. Должно быть, что-то произошло».

Он стоял вместе с отцом, ожидая, когда отряд подъедет ближе.

За Пендатраном ехал Мэррок, за ними новобранцы – Галион и Коналл – и потом уже все остальные бойцы. Примерно в середине колонны ехали несколько лошадей без наездников (Корбан насчитал полдюжины), а за ними – телега, которую тащили два мохнатых пони. На телеге высилась груда чего-то, прикрытая полотнищем из сшитых воедино воловьих шкур. Колесо телеги наехало на камень, и из-под шкуры вылезла рука – вся белая, с почерневшими от грязи ногтями.

Глава 18. Верадис

На равнине перед черными стенами Джеролина возвышались знамена всех, кто прибыл по зову верховного короля Аквилуса на совет. К месяцу со звездами, что Верадис видел в тот день, когда стоял на крепостной стене с принцем Натаиrom и смотрел, как вин-талунский пленник покидает стены Джеролина, прибавились многие другие: черный молот Гельвета, нарвонский бык и пылающий факел Карнатана, наряду с прочими, которых он не распознал. Оскалившийся волк, конь, вставший на дыбы, красная длань, одинокая гора и сломанная ветвь. Все они колыхались на ветру посреди россыпи шатров, которые возвели для щитonosцев и свиты королей, приехавших по зову Аквилуса. Верадис ощутил прилив гордости.

Он развернулся и отправился на учебное ристалище. В крепости теперь было полно воинов из Земель Изгнанников, и многие из них хотели показать себя на оружейной площадке, чтобы получить известность за пределами родных земель.

Верадис до сих пор удивлялся тому, насколько все они разные. Местные ратники выделялись на общем фоне: они были обуты в сандалии с шипами на подошвах, одеты в рубахи и кожаные килты и коротко острижены. Многие из приезжих носили штаны и сапоги – это, скорее всего, было связано с тем, что они жили в холодных землях; большая часть из них щеголяла длинными волосами и бородами. Другие были облачены в свободные хламиды. Цвет кожи также разнился: от бледной, словно утреннее небо, до обветренной, как старое тиковое дерево. Но несмотря на то, как они друг от друга различались внешне, было у них и кое-что общее. Носили ли они короткие волосы, как Верадис, или длинные и непослушные, или аккуратно уложенные и собранные – у каждого на голове красовалась воинская косица.

Сейчас на ристалище сражался Раука, показывая силу отряда принца Натаира. Его противник, раздетый до пояса, в клетчатых штанах, был выше и шире его друга, – при каждом ударе на мощных руках перекачивались мышцы, но Верадис не беспокоился за Рауку: волосы у мужчины, с которым он сошелся в поединке, были седые. Крупный и старый значит неповоротливый.

Очевидно, они бились уже какое-то время, так как оба обливались потом. Раука двигался по кругу, вынуждая противника вертеться, защищая ту сторону, где у него был щит. Внезапно Раука рванулся вперед, целясь противнику в грудь. В последний момент оружие его соперника взлетело, чтобы заблокировать удар. Раука сместил центр тяжести, поворачиваясь, чтобы нанести мечом удар по незащищенной шее потерявшего равновесие мужчины. Это был превосходно рассчитанный маневр: финт и удар. Вот только противник больше не стоял на том месте, где предполагалось. Каким-то образом он угадал финт Рауки и вместо того, чтобы попытаться выпрямиться, воспользовался набранным разгоном, чтобы сделать шаг вперед, уклонился от клинка и в то же время твердо встал на ноги. Теперь уже Раука потерял равновесие, и спустя мгновение меч противника двинул его по запястью – и он выронил оружие.

Мужчина рассмеялся и хлопнул Рауку по спине. С понурой улыбкой молодой воин поднял клинок, и вместе они покинули ристалище, позволяя двум другим воинам, ожидавшим своей очереди на краю площадки, занять их место.

Верадис встретил друга, как раз когда пожилой ратник что-то прошептал ему на ухо. Затем он накинул на плечи серую накидку и ушел с площадки сквозь расступившуюся толпу.

Верадис улыбнулся другу.

– Ты должен был победить.

– Я тоже так думал, – пожал плечами Раука.

– Что он тебе сказал? – спросил Верадис.

Раука скорчил кислую мину.

– Сказал: «Если с возрастом не становишься коварнее, то незачем и стареть».

Верадис усмехнулся.

– Ну что ж, он прав. Кто это?

– Сказал, что его зовут Тулл. Приехал с щитоносцами из Ардана.

– А это где?

– Все же иногда не мешало бы заглядывать в карту, Верадис. Не бывать тебе хорошим полководцем, если не будешь знать, куда направляется твое войско.

– А ты мне на что? – усмехнулся Верадис.

На учебном ристалище, где сражались двое воинов, раздался смех: один из них – высокий, темноволосый мужчина – стоял над поверженным противником.

Воин, который лежал на земле, попытался встать, но темноволосый сделал выпад учебным мечом и выбил из-под него руку, из-за чего тот снова повалился на землю.

Седовласый ратник попытался выйти на площадку, но его остановили.

Мужчина на земле перекатился и поднялся на ноги. Верадис видел, что это юноша коренастого телосложения, плечистый и широкий в талии. Он запустил ладонь в копну рыжих непослушных волос, нагнулся и подобрал свой учебный меч.

Темноволосый, улыбаясь, занес оружие. Рыжий внезапно сделал быстрый рывок вперед. Он начал наносить по противнику удар за ударом, заставив его сделать шаг назад, но тот с легкостью парировал каждый из них, а с лица его не сходила улыбка.

«Славно сражаются», – подумал Верадис. Темноволосый отразил очередной выпад и повернул свой меч так, что оружие соперника вылетело у того из рук. Мужчина замахнулся для удара.

Но так и не поразил свою цель.

Рыжеволосый воин шагнул вперед и со всей силы заехал коленом противнику между ног. Тот со стоном упал на землю и свернулся калачиком. Рыжий какое-то время стоял над ним, а затем, громко топая, ушел с площадки. Оставшиеся подбежали к лежащему на земле ратнику и помогли подняться на ноги.

На плечо Верадису опустилась рука. Обернувшись, он увидел Натаира – тот улыбался. Принц дал Верадису и Рауке знак следовать за ним.

– Приехал последний из королей – завтра начнется совет. Идем со мной.

Он повернулся и двинулся быстрым шагом в сторону конюшен. Верадис и Раука столь же проворно поспешили за ним.

Натаир остановился перед конюшнями, впившись взглядом в двух спешившихся мужчин. Верадис чуть не рассмеялся, увидев их лошадей, которые на вид были скорее как пони – маленькие и лохматые. Но затем посмотрел на всадников – и улыбку как рукой сняло.

Они были невысокого роста и худощавые, одетые в штаны свободного кроя и перевязь, перекинутую через плечо поверх голого торса, но взгляд Верадиса словно приковало к их лицам. Головы у них были побриты почти налысо, оставшиеся смоляные пряди – заплетены в одну толстую косу, из-под выступающих бровей сверкали маленькие черные глазки. Начисто выскобленные лица, головы и верхнюю часть туловища каждого наездника покрывал решетчатый узор из шрамов.

– Закрой рот, – ткнул Натаир Верадиса локтем.

– Кто это? – шепотом спросил тот.

– Ширакцы, – ответил Натаир, – с Травяного моря.

Верадис кивнул, вспоминая рассказы своей кормилицы, которые слышал, когда был еще ребенком, – рассказы о предательстве и соперничестве между кочевниками и великанами.

– Завтрашний день обещает быть весьма увлекательным, – сказал он Натаиру и Рауке.

Верадис оглядел трапезную, из которой убрали скамьи, а кострище было закрыто настилом. Он стоял чуть позади Натаира, а принц сидел за внушительного вида дубовым столом, что раскинулся почти от одной стены зала до другой. На совет явились свыше двух десятков

королей и лордов и с каждым по меньшей мере один сопровождающий – советник, телохранитель или оба сразу, – так что в целом вокруг огромного стола сидело человек восемьдесят.

Натаир сидел подле Аквилуса, голову которого венчал тонкий золотой ободок. По другую сторону от короля находился Мейкал, советник, – его черные волосы были заплетены в косу и обвязаны в области шеи серебряной нитью. Он изучал всех, кто заходил в зал. Верадис постоянно обращал свой взор на этого человека. Он был высоким – это можно было понять даже несмотря на то, что человек сидел. Возможно, он превосходил ростом даже Крелиса – самого рослого из людей, которого Верадис когда-либо видел. Вблизи становилось ясно, что этому мужчине не чуждо поле боя: у него недоставало части левого уха, от волос к подбородку пробегали четыре шрама, похожие на следы от *когтей*. Его руки также обвивали серебристые шрамы. Даже костяшки его пальцев выглядели изборожденными, шишковатыми, словно он всю свою жизнь сражался на ристалище.

В зал торжественно вошла женщина – в возрасте, однако с безупречно прямой осанкой; по черно-золотой клетчатой мантии струились седые волосы. Ее шею обвивала тонкая серебряная полоска – у некоторых в трапезной корона тоже красовалась на шее, в то время как остальные предпочли надеть венцы себе на руки в виде перстней.

Позади нее вышагивал худой юноша, в походке которого явно чувствовалось высокомерие и уверенность в себе. Его холодный надменный взор блуждал по комнате, словно взгляд ястреба, выискивающего добычу.

«Наверняка ее первый меч, – подумал Верадис. – Надо с ним быть поосторожнее».

Худой воин вытянул стул из-за стола, чтобы леди могла сесть. Она же с любезной улыбкой воспользовалась приглашением, занимая последнее свободное место.

Аквилус встал, и присутствующие тут же замолчали.

– Люди Земель Изгнанников, будь вы короли или бароны, что пришли от имени своих королей! Добро пожаловать в мой дворец! – Он отправился приветствовать каждого человека лично, и от потока прежде не слыханных имен и названий земель у Верадиса закружилась голова. Он запомнил только пару имен – Бренин, король Ардана, потому как за ним стоял старый воин, что победил Рауку, и Ромар, король Изилтира. Подле него – по обе руки – сидели два человека, и именно их Верадис видел вчера на учебном ристалище. Рыжеволосого звали Кастелл, а темноволосого – Джаэл.

Прозвучали и другие имена, в том числе и леди, что прибыла последней. Это была Рин, королева Кэмбрена.

– Это исключительной важности событие, – молвил Аквилус. – Такого не случалось ни разу с тех самых пор, как наши праотцы прибыли к берегам этих земель, с тех пор, как Сокар был провозглашен верховным королем. Для меня честь, что так много людей помнят клятвы наших праотцов – и потому прибыли сюда.

– Устоять было трудно, – сказал Мандрос, король Карнатана. – Хоть и пришлось проделывать столь долгий путь, чтобы послушать туманные намеки – о каких-то там темных временах, о новой эпохе, о знаках и предзнаменованиях, – но лично я заинтригован. В чем же дело, Аквилус?

На зал опустилась тишина. Натаир тихо стучал пальцами по гладкой поверхности дубового стола.

– Грядет война, – отвечал Аквилус. – С врагом, который желает покорить Земли Изгнанников. Желает уничтожить нас всех.

– С кем? – крикнул толстый рыжеволосый мужчина. Это был Брастер, король Гельвета.

– С Азротом, – ответил Аквилус. – Грядет Война Богов. Азрот и Элион сделают Земли Изгнанников своим полем боя.

Тишина. Только золотые крупницы пыли танцевали в лучах солнца, сквозь высокие окна заливающего зал своим светом.

Кто-то расхохотался – то был Мандрос.

– Это что, шутка? – спросил король Карнатана. – Я что, проехал сотни лиг ради вот этого? Чтобы услышать страшилку, которую мне рассказывала мать, дабы я ночью не вылезал из кровати?

«Не доверяй ему», – прозвучал голос в голове Верадиса.

– Знаменья уже были, – сказал Аквилус. – Знаю, вы их увидите. Я не верю, что только в моем королевстве происходили подобные вещи.

– Какие вещи? – фыркнул Мандрос.

– Впервые за долгие годы на нас обрушились орды великанов. Разрослись шайки всевозможных лиходеев – и теперь совершают набеги, грабят и режут мирных поселян. Как никогда осмелели всевозможные твари и чудища, что обитают в лесной глуши. И что еще хуже – обьявились камни великанов, что плачут кровью. Скажи мне, что ты об этом не слышал.

– Страшилки для посиделок у костра, – насмешливо бросил Мандрос.

– Слышал я о таком, – молвил мужчина, на шее которого висел золотой торк. То был Бренин, король Ардана. – В моих землях есть великаны камни. Люди, которым я доверяю, говорили мне о том, что они истекают кровью, словно слезами.

– На границах моих земель великаны стали настоящей чумой, – промолвил широкоплечий человек.

«Ромар, король Изилтира», – вспомнил Верадис.

– На пути сюда мне пришлось вступить в бой с гуненами, возвращающимися с набега на Форнский лес. Они украли у меня великую драгоценность – топор. Одно из семи Сокровищ прежних времен. Если говорить о диковинных тварях, то в холмах на моих землях видели драйгов. Впервые за долгие годы.

– И у меня при дворе ходят слухи о темных делах, – сказал Брастер, дергая себя за рыжую бороду. – О великанах, драйгах, которых уже упоминали, и даже хуже того. В моих владениях, в горах и на границах Форнского леса, видели белых змеев.

Мандрос презрительно покачал головой:

– Белые змеи – это уж точно сказки. Их и на свете-то не бывает.

– Бывает, – возразил Бренин, поманив пальцем своего первого меча. Старый воин поднял мешок и выпростал его содержимое на стол. Оттуда выкатилась голова рептилии с длинными клыками и кроваво-красными глазами – размером с боевой щит. Плоть в области шеи висела лоскутами и источала отвратительный запах. Чешуя начала разлагаться и осыпаться, но окружающим было понятно, что при жизни она была молочно-белого цвета.

По залу пронесся удивленный вздох.

– Белых змеев не видели со времен Бичевания, – сказал Аквилус. – Легенды гласят, что их выращивали великаны для борьбы в Войне Сокровищ.

– Вы все забываете об одном, – добавил голос, который принадлежал Рин, королеве Кэмбрена. – Вот вы все твердите: «Война Богов, Война Богов!», но для того, чтобы она действительно была таковой, нужны *боги*. Элион повернулся к нам всем спиной: к людям, к великанам, к тварям земным – ко всем своим творениям. По крайней мере, если верить хранителям знаний. Для битвы нужно хотя бы две стороны. Элиона нет, он нас *покинул*. Потому не может быть никакой Войны Богов.

– Война будет, – заговорил Мейкал, советник Аквилуса, в первый раз за все время собрания. Его тон был резок и ясен. – Азрот хочет уничтожить все созданное Элионом. Он хочет уничтожить вас. Вас всех. Присутствие Элиона при этом даже не требуется. И вы либо умрете покорно, одураченные им, либо будете сопротивляться и сражаться. – Он уперся взглядом в Рин.

– Король может быть в отлучке, но все те, кто ему предан, все равно будут за него сражаться, – добавил Аквилус. – И Элион когда-нибудь вернется. Если верить хранителям знаний.

Рин улыбнулась и склонила голову перед Аквилусом, словно признавая его правоту. Затем перевела взгляд на Мейкала, и с ее лица сползла улыбка.

– Даже если все это действительно происходит, в чем у меня большие сомнения, – сказал Мандрос, – с чего вы решили, что все это предзнаменования грядущей *Войны Богов*? – Он скривился. – Мы же не дети суеверные. Ну случаются иногда всякие пакости, что ж поделать, – такова жизнь. Для чего только называть их *знаками*?

– А вот для чего, – сказал Аквилус и мановением руки приказал Мейкалу действовать.

Советник достал из-под полы накидки толстую книгу в кожаном переплете.

– Я нашел ее в Драссиле, – сообщил он. – Эта книга была написана великаном Галвором во времена Бичевания.

– Ха, – вырвалось у Мандроса, и он хлопнул рукой по столу, – ты зашел слишком далеко. Книга, которой тысячи лет. Еще и город Драссиль какой-то выдумал. Аквилус, помилуй, да ты нас за глупцов держишь!

Верадис осмотрел присутствующих за столом. Многие из них кивали в знак согласия с королем Карнатана, но было много и тех, кто молчал и даже, кажется, испугался. Он сам с трудом верил в то, что было сказано. Голова шла кругом от всех этих разговоров о богах, войнах и знаках.

– Было время, когда я думал так же, как и ты, – сказал Аквилус Мандросу. – Но у меня было время пересмотреть свое мнение. Все вы, пожалуйста, сначала выслушайте, а потом уже судите.

Мандрос соорудил кислую мину и откинулся на спинку кресла.

Мейкал открыл кожаную обложку.

– Все, что здесь есть, написано Галвором во времена Бичевания, – сказал он. – Здесь описаны все наши предания: о звездном камне; о смерти Скальда, первого короля великанов; и о последующей Войне Сокровищ, которая привела к гневу Элиона. Эта часть изложена ясно. Но в книге есть и иные отрывки, разбросанные по тексту: их содержание заметно отличается. Они как будто написаны другим человеком, хоть и тем же почерком.

– Мейкал, прочитай вслух для всех. Про воплощения.

Мейкал перелистнул пару страниц, скрипя пергаментом. Дойдя до нужного отрывка, остановился и начал читать вслух, следя за текстом пальцем:

– Вот первая часть. «Несть войне Преданных и Падших ни дна, ни конца, ни края: гнев безраздельный на род людской обрушится вновь. Кипит котел, Светоносец новую плоть обретает, дабы ввергнуть в распря тварный мир, освобождаясь от оков».

Мандрос фыркнул.

– Подобными сказками матери устрашают непослушных младенцев, – проворчал он снова.

Мейкал, словно не услышав этого замечания, продолжал читать дальше.

– «Два рожденных из крови, праха и пепла воителя Тьму иль Свет своей изберут стороной. – Он остановился и перевернул еще пару страниц. – Поймите, все это написано не так, чтобы сразу бросалось в глаза, – бормотал советник, погруженный в поиски продолжения. – Нужные сведения, по сути, скрыты, разбросаны по всей летописи. Я провел долгие луны за попытками разобрать лишь малую часть. Ага, вот и продолжение: Черное Солнце миру готовит кровопролитие, Яркой Звезде с Сокровищами единой быть суждено. – Он снова остановился, аккуратно перевернул еще пару страниц и в конце концов продолжил отрывистое чтение: – Знайте же всех их по именам: Отмститель, Братоубийца, Друг Великанов, Драйгонаездник, Темная Сила – Несущего Свет супротивец. – Так он и продолжал: прочитает, остановится, поищет. Снова прочитает: – Одному быть Волною, другому – в бушующем море Скалою. Пред одним из них встанут гроза и щит; два сердца – Истинное и Черное – другого закроют стеною, подле одного поедет Любимец, с другим же – Длань, Которая Мстит. За одним пойдут сыны Всемогущего, светлые Бен-Элимы, коих Великое Древо укроет ветвей своих сенью. За другим

пойдут Нечестивые, ужасные Кадошими, что ищут переправы, алкая поставить весь мир на колени».

После этого отрывка повисло тяжелое молчание, которое нарушил Брастер.

– М-да, не к добру это все... – протянул он.

– «Сыщите их в час, когда Король Верховный всех созовет, когда двинутся полчища воинов тени вперед, когда Телассар белокаменный придет в запустение, когда книга отыщется в землях севера, когда гнездовые свое покинут белые змеи, когда Первенцы все утраты свои вернут, а дерзкая рука покой Сокровищ нарушить посмеет, и Сокровища эти с мест извечных сойдут. Земля и небо беду возвестят, о начале Скорбной войны вострубят. Кости земли следами кровавыми все вокруг себя оросят – и будет день, когда зимний солнцеворот свет дневной ночью тьмой обернет».

Никто не проронил ни слова.

«Кровавые слезы, – думал Верадис. – Наверняка речь идет о плачущих камнях...»

До этого момента то, что читал Мейкал, напоминало ему старые предания, но последние слова его поразили. Как это могли написать много *поколений* тому назад? Внезапно он почувствовал, как по телу расползается холод, а сердце словно сжимает чей-то кулак.

– Это безумие, – заявил Мандрос. – Я не собираюсь больше слушать эти сказки.

Скрипнул стул, король Карнатана встал из-за стола и покинул зал, а следом за ним и юноша – его сын.

– Что все это значит? – спросил Брастер. – Звучит как одна большая загадка.

– Именно поэтому я вас всех сюда и пригласил, – ответил Аквилус. – Чтобы обсудить значение этих слов и решить, что делать дальше.

Закипел спор. Государи обсуждали значение прочитанного, препирались о достоверности источника, задавались вопросами, что делать, если все это правда, – снова и снова, снова и снова, пока у Верадаса ум совсем уже не стал заходить за разум. Прозвонил колокол, возвещающий о солнцевыси, на столе появилась и исчезла еда, кубки наполнялись вином, опустошались и снова наполнялись. Свет дня постепенно угасал, и вот уже зажглись канделябры, но тут раздался голос Брастера:

– Так чего же ты от нас хочешь? Не идти же нам войной на противника, которого не видим. Знаю, сегодня много говорилось о Черном Солнце, поборнике Азрота, но где он? *Кто* он?

– Этого я не ведаю, – ответствовал Аквилус. – Но предлагаю вот что. Мы согласимся помогать друг другу в борьбе с нашими врагами, будь они разбойниками, пиратами, великанами или полчищем змеев и чудовищ из Форна. Также мы согласимся объединиться и сражаться вместе против Черного Солнца, когда он явит себя.

– И кто же нас поведет? – поинтересовалась Рин. – Ты?

Аквилус пожал плечами.

– Яркая Звезда – когда он появится.

– Или *она*, – сказала Рин.

Аквилус улыбнулся:

– Пока Яркая Звезда не явит себя, нас будет вести тот, кого мы выберем. Я верховный король, но я не буду препятствовать нашему союзу. Возможно, когда вождь будет необходим, решение придет само собой.

Он поднялся на ноги и оперся руками о стол.

– Все, что можно было сказать, сказано. Теперь настало время выбирать. Если хотите присоединиться ко мне, встаньте со мной прямо сейчас.

Раздался скрип стульев о каменный пол – короли и бароны поднимались с мест.

Верадис посчитал стоявших и нахмурился. Поддержали короля только пять человек: Ромар, король Изилтира, Бренин из Ардана, рыжебородый Брастер, Темель из Ширака и Рахим из Тарбеша.

– Я подожду, – сказал один из сидящих королей. Это был Оуайн из Нарвона. – До дня середины зимы. Дайте мне увидеть знак из предсказания. Тогда я и приму решение.

Аквилус кивнул.

– Те, кто думает так же, знают: наш союз для вас открыт. Те, кто сейчас стоит вместе со мной, – с вами мы встретимся завтра. Всех остальных благодарю за то, что вы проделали столь долгий путь. Да поможет вам Элион побыстрее достигнуть дома. Но, надеюсь, это произойдет не сегодня. Для всех вас был подготовлен пир. Отобедайте же со мной сегодня вечером, вне зависимости от того, какое решение приняли.

Вскоре после этого Верадис стоял посреди покоев короля Аквилуса. Принц Натаир пил красное вино из кубка и хранил мрачное молчание. Мейкал стоял у окна и смотрел на солнце, что постепенно скрывалось за горы вдалеке.

– Почему ты не пригласил на этот совет представителей Вин-Талуна, отец? – внезапно спросил Натаир.

– Потому что я им не доверяю, – ответил Аквилус. – У нас уже был с тобой этот разговор.

– Если ключевым вопросом было доверие, то я бы не пригласил и половину из тех, кто сегодня сидел с нами за одним столом, – проворчал принц.

Аквилус вздохнул и посмотрел на Натаира:

– Что ты пытаешься мне сказать?

– Я не доверяю ни Мандросу, ни Рин, ни Брастеру. Да и другим тоже. У них у всех есть свои секреты, свои побуждения. Да любой из них может быть этим *Черным Солнцем* или хотя бы находиться у него в услужении. Мандрос, судя по всему, был настроен очернить все тобой сказанное. – Принц сделал глубокий вдох, на мгновение прикрыв глаза. – Твой союз, конечно же, нацелен на *пользу*, а Вин-Талун полезнее многих – у них есть корабли, даже целый флот, сеть своих людей по всем Землям Изгнанников, могучие воины. Они должны были находиться здесь.

– Вин-талунцы успели разорить земли почти всех, кто сегодня здесь собрался. Скорее всего, они это делают до сих пор. Те, кто собрались здесь, не потерпят присутствия Вин-Талуна.

– Их жалкие обиды – их собственная забота. Мы выше этого, – сказал Натаир.

– Этот союз – *всё*, что у нас есть, – прорычал Аквилус. – Я не рискну им, пригласив за стол переговоров пиратов.

– Даже если это сделает из меня клятвопреступника? Я заключил с ними договор. – Натаир бросил сердитый взгляд на отца, но тот ничего не ответил. – В чем смысл создавать союз с теми, кто здесь собрался? Большинство из них не смогло прийти к одному решению *ни по какому вопросу*. Лучше создать империю, чем союз. Если бы ты правил ими, то тебе, по крайней мере, не пришлось бы терпеть их споры и нытье.

Аквилус опустил руку на глаза.

– Натаир, чем ближе ты будешь к тому моменту, когда настанет твоя пора быть королем, тем больше ты будешь слышать попреков и нытья. По крайней мере, я могу в какой-то степени на них повлиять. Что же касается вин-талунцев – они нас предадут.

– А если ты не прав? – спросил Натаир.

– Довольно! – вмешался Мейкал, отвернувшись от окна. – Твой отец принял решение.

– Я не припоминаю, чтобы обращался к *тебе*. – Несколько мгновений принц и Мейкал сверлили друг друга взглядом, и обстановка в комнате накалилась. Рука Верадиса даже потянулась к рукояти меча. Натаир резко развернулся и покинул комнату, и Верадис направился за ним следом.

Глава 19. Кивэн

Кивэн вместе с братом слонялись без дела во внутреннем дворе трапезной. Девушка была занята тем, что выковыривала грязь из-под ногтей одним из своих ножей. Было тяжело добиться от кого-либо хоть какого-то внятного рассказа, но одно было известно точно: раненый мужчина на носилках – последний выживший из шайки разбойников в Баглунском лесу. Во двор прискакали два всадника – и резко остановились перед ступенями, что вели в зал.

Высокий воин спешился и придержал поводья второй лошади.

– Я и сама справлюсь, – рявкнул другой всадник, вернее, всадница. Это была Брина, целительница. Несмотря на возраст она проворно соскочила с лошади, только серебристые волосы немного растрепались поверх черной шали.

Целительница властно окинула взглядом двор, затем взяла сумку, что свисала с луки, и поспешила ко входу в трапезную. Дружинники, стоявшие на страже, немедленно открыли перед ней двери.

Кивэн бросилась вперед, чтобы хотя бы мельком увидеть, что происходит внутри, и встретила взглядом с принцессой Эданой. Та поспешила к ним навстречу.

– Привет, – улыбнулась она Кивэн и Корбану. Посмотрела через плечо на зал. – Не могу оставаться здесь. Не хочу ничего пропустить.

– Что там происходит? – шепотом спросила Кивэн. Корбан наклонился к ней, тоже желая услышать ответ.

– Идемте со мной, – процедила Эдана, быстро выходя со двора и следуя вдоль восточной границы замка. – Но вы должны соблюдать тишину. Если мама узнает, она шкуру с меня сдерет.

– Узнает о чем? – спросил Корбан.

– О том, что я пустила вас в замок, чтобы вы всё услышали. – Она остановилась, открыла узкую дверь и повела своих спутников по очереди широких коридоров.

– Подождите здесь, – прошептала она, одной рукой ухватившись за железное кольцо на большой дубовой двери. – Трапезная находится за дверью. Я оставлю дверь приоткрытой, чтобы вы всё слышали.

Кивэн взяла принцессу за руку.

– Спасибо!

– Зачем еще нужны друзья? – сказала Эдана и проскользнула обратно в зал.

– ...уверен, что они мертвы? – услышала Кивэн голос Алоны.

– Да, – охнул Пендатран. – Все, кроме этого. Да и он может не дотянуть до утра.

– Ты уверен, что больше там никого не было? – На этот раз вопрос задал Эвнис.

– Да. Мои ловчие прочесали каждую пядь этого проклятого леса. Не только мой племянник Мэррок, но и наш новобранец – Галион. Это он напал на их след.

– Что ж, брат мой, поздравляю. Но Бренин весьма огорчится, если до его суда никто не доживет.

Пендатран что-то пробормотал, но Алона его перебила:

– Ты сделал то, что должен был сделать. Тебе и твоим людям нужны еда и отдых. Брина, он выживет?

– А вы бы выжили с дырой между ребер в этой холодной комнате на сквозняке? – резко спросила целительница. – У меня-то найдутся и травы для припарки, и кора лесного ореха, чтобы ослабить боль и сбить жар, да только, возможно, уже слишком поздно. – Она пожала плечами. – Точно станет понятно поутру.

– Но Пендатран сказал, что он может не дожить до утра, – возразил Эвнис.

– Да. Но тогда ведь и станет понятно, не так ли?

Молчание.

– Сделай все возможное, Брина. Идем, Пендатран, проводи меня в мои покои. Я хотела бы кое о чем тебе рассказать. Эвнис, проследи, чтобы Брине предоставили все необходимое, и обеспечить воинов едой.

– Да, моя королева.

– Тарбен, Коналл, – раздался грубый голос Пендатрана. – Вы дежурите первыми. Следите за ним тщательно – у Дэрола было много друзей.

Кивэн и Корбан прижались к стене, услышав приближающиеся шаги. Посмотрели в оба конца коридора. Слишком далеко бежать и нигде не спрятаться. На мгновение их охватило смятение от того, что королева поймает их за подслушиванием. Тут в дверях появилась принцесса Эдана.

– Быстро! – прошипела она и побежала вниз по коридору. Они неслись по извивающемуся и поворачивающему проходу, поднимая ветер, который колыхал гобелены. Бегом взлетели по широкой каменной лестнице, а там Эдана рывком открыла дверь, и ребята ворвались в комнату.

Большую часть помещения занимала огромная дубовая кровать, а на полу валялись разбросанные платья.

– Это моя опочивальня, – прошептала Эдана. – Сюда. – Она подошла к большому окну, открыла ставни, перешагнула через каменный подоконник и притаилась на балконе. – Комната мамы и папы находится рядом с моей. Туда она и приведет Пендатрана.

Они проползли к соседнему окну и замерли под ним.

Спустя пару мгновений они слышали, как дверь в комнату открылась и закрылась. Напитки разлили по кубкам, и послышался скрип отодвигаемых стульев.

– Тебе действительно нужно было убивать их всех? – спросила Алона.

– Да, сестренка. Они отлично сражались. Пытался не убивать их всех, поэтому мы и потеряли так много людей. Знаешь, не так уж и просто схватить кого-то живьем.

Алона фыркнула.

– Это был тяжелый бой. Новенькие, Галион и Коналл, помогли нам их одолеть, но не думаю, что они особо старались оставить хоть кого-то в живых. Считаю, за ними следует понаблюдать.

– Думаешь?

– Я был бы счастлив, если бы один из них стал моим щитоносцем. Если бы я им доверял.

– Как, неужели они и впрямь настолько хороши в бою?

– Да. Галион, старший, – стратег. И он явно раньше стоял во главе какого-нибудь отряда.

Мои парни к нему приновились.

– А что насчет другого?

– Ты про Коналла? Он его полная противоположность. Никакого стратегического мышления – просто несется по полю бешеным вихрем, не разбирая дороги. Но вихрь этот по-настоящему смертоносен. Возможно, он даже ровня Туллу.

Алона шумно вздохнула.

– Кто они такие, сестренка?

– Бренин не говорит, – вздохнула она. – Когда я спросила, он рассказал мне самую малость. Сказал, что дал клятву. Ты его знаешь.

– Да. Поэтому все, что они ему сказали, он заберет с собой в могилу. Ну что ж. Есть в них что-то – оба привыкли приказывать, но не подчиняться приказам. И друг другу почти не доверяют. – Возникла пауза, затем послышался звук глотания и тяжелый удар кубка о столешницу. Скрипнул стул. – Ну, сестренка, вот теперь можно и поесть, и элю хлебнуть.

– Спасибо тебе, Пен. Бренин будет благодарен, как и я... – Она прервалась: – Да и Рагор тобой тоже гордился бы.

Шаги замерли.

– Не проходит и дня, чтобы я о нем не думал, – пробормотал Пендатран. – Молюсь, чтобы разбойник выжил. Сердце говорит мне, что это люди Брейта, но было бы замечательно знать наверняка.

– Думаю, если этот человек выживет и докажет твою правоту, то наш король расправится с Брейтом и его разбойниками раз и навсегда, – сказала Алона.

Пендатран усмехнулся:

– Одна мысль об этом наполняет сердце старика радостью.

– Да какой из тебя старик! Ты вон какой здоровый, прямо как медведь! Тебе еще жить и жить. Наверное.

Посмеиваясь, Пендатран вышел из комнаты.

Кивэн и Корбан следом за Эданой вернулись в ее покои и молча проскользнули вниз по пустынным коридорам и крутой лестнице, пока не оказались у двери, через которую проникли в замок.

Шепотом поблагодарили Эдану, понимая, на какой она пошла риск, протаскивая их внутрь. Принцесса в ответ лишь лукаво улыбнулась.

– Вы ведь никому об этом не скажете, правда?

Брат и сестра торжественно кивнули.

– Куда сейчас направляетесь? – внезапно спросила Эдана. Корбан посмотрел на солнце, что давно уже минуло зенит, но до темноты было еще далеко.

– Давайте пойдем да посмотрим на моего жеребенка, – предложил он.

– Хорошо, – согласилась Кивэн. – Но у нас не получится остаться там надолго.

– Какого жеребенка? – спросила Эдана, и Корбан вкратце рассказал о своем подарке. Вскоре они втроем уже спешили по дороге, соединяющей крепость с Гаваном. Эдана накрыла голову капюшоном.

– Мне не положено покидать крепость без Ронана, моего щитоносца, – объяснила она.

На главной улице деревни стайками играли дети, а вокруг них бегали собаки, оглашая округу звонким лаем. На большом камне у дороги с унылым видом сидела знакомая фигура.

– Дат, что ты здесь делаешь? – спросил Корбан. – Что случилось?

– Ничего, просто упал, – ответил Дат, прикрывая щеку рукой.

Эдана вышла вперед и откинула капюшон. Когда до Дата дошло, кто перед ним стоит, он словно лишился дара речи – и лишь открывал и закрывал рот, точно вынутая из воды рыба.

– Это не похоже на рану от падения. Кожа разбита, судя по виду, чем-то острым.

– Это все кольцо моего отца, – пробормотал Дат. – Завтра он и не вспомнит, что меня бил. Я просто скажу ему, что упал и приложился лицом о борт ялика.

– Но почему он тебя ударил? – спросила Эдана.

Дат пожал плечами.

– Пропустил прилив сегодня утром и с тех пор целый день пьет виски. – Он отвел взгляд. – Говорит, что я напоминаю ему маму. Не знаю, почему это его злит. Как я сказал, завтра он об этом даже не вспомнит.

– Тогда ты должен рассказать ему о том, что он сделал. Когда он протрезвеет. Так... так поступать неправильно, – вырвалось у Кивэн.

– Ну, это не твое дело, – резко ответил Дат. – И не надо судить о том, что хорошо, а что – плохо. У тебя все еще есть мама.

Повисла неловкая пауза. Корбан кашлянул.

– Идем с нами, Дат, – позвал он. – Мне кое-кого подарили. Жеребенка. Пойдем с нами, посмотрим на него.

Они были по пути к загонам, а их тени вытянулись далеко вперед, как вдруг позади послышался топот копыт. Ребята сползли по каменной насыпи и залегли на лужайке, покрытой травой и цветами, наблюдая за приближающимся всадником.

По дороге галопом мчалась Брига, целительница. Дат махнул рукой, отгоняя злые силы.
– От нее у меня кровь в жилах стынет, – пробормотал он.
– Думала, она останется в замке на ночь, – сказала Эдана, когда Брига скрылась вдали.
– Ночью она непременно должна сидеть дома – это все из-за чар, а то все подвластные ей духи поразлетятся. – Дат взглянул на недоверчивые выражения лиц друзей и насупился. – Да вы наверняка слышали, что о ней говорят. По ночам из ее дома несутся какие-то жуткие звуки, голоса, – а кроме нее, никого там и нет.

– Она целительница, а не ведьма, – заметила Кивэн, но все же бросила нерешительный взгляд на пустую дорогу, когда они продолжили путь к загону, чтобы посмотреть на живой подарок.

– Корбан, как ты его назовешь? – спросила Эдана, когда ребята подошли к кобыле с жеребенком.

– Пока еще не знаю. Гар говорит, что не нужно торопиться, что я должен подождать, пока не подберу подходящую кличку.

Жеребенок поднял голову, посмотрел на дорогу и поскакал вперед.

Кивэн увидела, как под ограждением загона прошли две фигуры. Сначала она не поняла, кто есть кто, поскольку солнце уже опустилось, но затем одна из фигур закричала, и Кивэн увидела проблеск светлых волос.

Это был Рэйф и его друг задира Крэйн.

– О нет, – прошептал рядом брат.

Кобыла взглянула на новых посетителей и поспешила за жеребенком. Кивэн поднялась и направилась напрямик к Рэйфу, ее друзья поспешили следом за ней. Эдана накинула на голову капюшон.

– Смотрите-ка! – закричал Рэйф. – Да это же Кивэн и ее трусишка-братец!

Крэйн громко заржал, слегка пошатываясь на ногах.

– Виски, – пробормотал Дат, потянув носом.

Крэйн поднял к губам глиняный кувшин и, причмокивая, отхлебнул из него, после чего вытер рукой подбородок.

– Так и есть, – сказал он. – Хочешь?

Дат отрицательно покачал головой.

– Видишь, говорил же тебе, это они, – сказал Рэйф, хлопнув Крэйна по груди. После отвесил глубокий поклон, разведя руки в разные стороны. – Хотел поблагодарить тебя за подарок, Корбан. Это лучший учебный меч, с которым мне когда-либо доводилось работать, – произнес он, высоко подняв деревянный меч.

– Рад, что тебе нравится, – ответил Корбан. Кивэн нахмурилась – Бан ничего не сказал ей об учебном мече.

– Военный трофей, – продолжал хвастаться Рэйф.

– Ты вор и должен вернуть его обратно, если в тебе есть хоть капля чести, – выпалил Дат.

– Честь? И это мне говорит сын рыбака, – усмехнулся Рэйф. – Или уже не рыбака? Ты теперь просто сын пьяницы, не так ли? Это ведь твой отец оставил тебе отметину на щеке?

Дат уже сжал кулаки, но тут вперед выступила Эдана и откинула капюшон с лица.

Рэйф от испуга сделал шаг назад.

– А... а ты-то что здесь делаешь? С этими... – Он замолк, показывая рукой на Кивэн, Корбана и Дата.

– Не стоит оскорблять людей за поведение их отцов, когда у тебя самого синяки только недавно прошли, – сказала Эдана.

Свободная рука Рэйфа дернулась было к щеке, но он вовремя себя остановил. Открыл рот, чтобы что-то сказать, но Эдана его опередила.

– Ты и вправду украл этот меч у Корбана? Если так – ты должен его вернуть. Немедленно.

– Я не *украл* его, – выпалил Рэйф. – Я выиграл его в состязании. Если он хочет его вернуть, то должен это заслужить.

– Что ты имеешь в виду? – спросила Кивэн с явным раздражением.

– Я имею в виду, – ответил Рэйф, повернувшись к ней и оскалившись, – что, если твой *храбрый* братец хочет вернуть свою палочку, ему придется выполнить кое-какое задание.

– Какое задание? – любопытствовала она.

Рэйф постучал пальцем по подбородку, на мгновение задумавшись, затем его лицо расплылось в улыбке.

– Он должен забраться в дом к целительнице и принести мне оттуда какой-нибудь трофей.

– Это просто смешно, – сказала Эдана. Дат сделал глубокий вдох.

– Сделаю, – выпалил Корбан.

– Нет! – воскликнули Кивэн и Дат одновременно.

– Ты же знаешь, что она делает с людьми. Может наложить на тебя чары или... или вынуть из тебя душу, или еще что, – пискнул Дат.

Кивэн увидела, как взгляд брата на мгновение устремился на Эдану, затем он расправил плечи и сделал глубокий вдох.

– Я сделаю это, чтобы вернуть свой учебный меч и доказать, что я не трус.

– Отлично! – крикнул Рэйф, захохотав. – Вперед! А мы подождем рядом, пока ты будешь штурмовать логово ведьмы.

Глава 20. Верадис

Верадис галопом промчался сквозь ворота Джеролина, следуя за принцем Натаиrom.

После разногласия с отцом принц в гневе выбежал из башни и направился напрямиком в конюшни – туда же за ним последовал и Верадис. Он выхватил поводья полностью взнузданной лошади у подручного конюха и поскакал прочь из замка. Верадису пришлось немного повозиться, но вскоре он догнал принца на дороге в обход озера. Обе лошади тяжело дышали, и они сбавили ход до рыси.

– Мой отец... – сказал Натаир спустя какое-то время, – он говорит о правде и чести, о том, чтобы сражаться во имя Элиона с Тьмой, что есть Азрот, но в то же время не видит собственного бесчестия. Не может – или не хочет. Вот настолько он поглощен своими мыслями о союзе. И лебезит перед этим червем как новорожденный щенок.

– Червем? – переспросил Верадис.

– Перед советником Мейкалом, – прорычал Натаир. – Честь. Отец всегда так превозносил ее передо мной. Говорил, что она должна быть основой всех моих действий и решений. И вот, когда доходит до дела, моя честь, моя *клятва* словно ничего не значит. Я знаю, что Вин-Талун раньше был врагом Тенебрала, но я дал слово.

– Я согласен, – сказал Верадис. – Хотя я также понимаю и сомнения короля в Вин-Талуне. Я жил на берегу, Натаир, и на нас пираты нападали гораздо чаще, чем на вас. – Даже и представить трудно, что они вдруг прекратят заниматься грабежами.

Натаир кивнул и сделал глубокий вдох.

– Мы стоим на пороге новой эпохи, Верадис: многое будет позабыто и многое изменится, о чем мне охотно напоминает отец. Но в то же время, когда доходит до дела, он не готов к переменам. – Он не думает ни о чем, кроме совета и создания этого своего союза. Он мечтал о нем и представлял его себе, так долго надеялся, что он когда-нибудь случится, что просто потерял способность видеть его в истинном свете. А *они*, – фыркнул Натаир, указывая на стяги, реющие вокруг крепости, – они здесь только для того, чтобы потешить свое самолюбие. Они не способны видеть дальше границ своих земель. Как, по мнению отца, они будут уживаться в союзе с ним? Лучше уж управлять ими, чем переругиваться. И если нужда и впрямь столь велика, сколь в это верит отец, то мы не можем позволить себе доверять этим ненадежным королям. Они же меняют свои убеждения в зависимости от того, куда подует ветер. И что тогда? – Он снова взглянул на Верадиса.

– Не знаю, – ответил Верадис. – Я всегда проводил больше времени в обществе меча и копья, чем у отца в зале заседаний. В твоих словах есть мудрость. Но мы должны верить нашему королю, разве не так? Что еще нам остается?

Натаир пристально посмотрел на Верадиса и задумчиво кивнул.

– А что ты думаешь об этой *Войне Богов*? – спросил Верадис. Ему с трудом верилось в то, что это обсуждалось на совете. Верадису нравились легенды, и он знал, что доля правды в преданиях о войнах с великанами все же есть. На земле остались следы Бичевания, что устроил Элион. Но *война* между Азротом и Элионом? Этого он себе представить не мог.

– Я верю в богов, если ты об этом. Если же ты о книге, которую принес Мейкал, то, как бы сильно я его ни ненавидел, возможно, она не врет. Многое в ней мне непонятно, но некоторые части... – камни великанов ведь плакали кровью, разве нет? Этого нельзя отрицать. Опять же, Бренин принес с собой в мешке *голову* змея...

– И то верно, – пробормотал Верадис и почувствовал, как мурашки снова пробегают по коже от одного только воспоминания о том, как Мейкал зачитывал эти строчки из книги.

– День середины зимы, – сказал Натаир. – Когда дневной свет обернется ночной тьмой. Тогда все и решится в голове у большинства. Но отец уже в это верит, несмотря ни на что. – Натаир покосился на Верадиса. – И я тоже. Но у меня на это свои причины.

– Какие причины? – спросил Верадис.

– В другой раз.

Они достигли развилки и увидели поток людей, спешащих из прибрежной деревни в сторону леса. Верадис наклонился и подозвал к себе какого-то мальчонку.

– Куда все идут?

– В лесу какую-то диковину видели, – ответил мальчик слегка запыхавшись.

– Что именно?

– *Чудовищ каких-то*. Не знаю. – Мальчик пожал плечами, и Верадис его отпустил. Воин посмотрел на Натаира, а тот вопросительно поднял бровь и, щелкнув языком, направил коня в лес. Они проехали мимо большей части толпы, что шла пешком, и вскоре выехали на широкую открытую опушку. Оказавшись там, протолкались сквозь скопление народа, чтобы посмотреть, что происходит.

Земля была черной и словно бурлила от лихорадочного движения.

Это были муравьи. Тысячи муравьев. Сотни тысяч. Верадис никогда не видел, чтобы эти насекомые достигали столь огромных размеров: каждый был примерно с его мизинец. Они передвигались колонной, такой широкой, как если бы взрослый мужчина лег на землю и вытянул руки над головой. Эта шевелящаяся, копошащаяся масса появлялась с одной стороны поляны и исчезала с другой в одном непрерывном безжалостном потоке.

– Слышал я рассказы о том, что в самом сердце древних лесов можно повстречать такое диво, – прошептал Верадис Натаиру, – но никогда в них не верил.

Принц ничего не сказал в ответ. Он присел, чтобы получше разглядеть муравьев, и его лицо приняло напряженное, почти восхищенное выражение.

От колонны муравьев толпу отделял островок травы, и никто не горел желанием подойти поближе. Мысль о падении лицом в самую гущу марширующего черного ковра не прельщала Верадиса, поэтому он сделал шаг назад, растолкав народ.

По собравшимся пробежала еще одна волна – это сзади добавились очередные зеваки и начали протискиваться вперед. Внезапно мальчик, с которым он разговаривал по пути сюда, пошатнулся, подталкиваемый толпой стоящих позади, и ступил ногой в колонну муравьев. Насекомые тут же черной волной начали взбираться по его ноге. Мальчик попытался отпрыгнуть, но люди, сомкнувшиеся позади него стеной, не дали этого сделать. Он закричал и постарался сбросить насекомых с ноги. В местах, где прорвалась ткань его штанов, выступила кровь, поскольку муравьи своими жвалами вспарывали не только материал, но и плоть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.